Карл Либкнехт.

МОЙ ПРОЦЕСС ПО ДОКУМЕНТАМ.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Г. ЗИНОВЬЕВА.

С портретом К. ЛИБКНЕХТА.

ИЗДАНИЕ
Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.
1918.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

Карл Либкнехт.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книжка составлена Карлом Либкнехтом в тюремном заключении. Она состоит главным образом из документов и писем. Первая часть этой книжки появилась в конце 1916 года в Германии нелегально, на правах рукописи. Вторая часть прибавлена к ней незадолго до освобождения Карла Либкнехта из тюрьмы. Вся работа доставлена была в мое распоряжение в рукописи одним итальянским интернационалистом.

Кто не знает теперь в России имени Карла Либкнехта? Кажется, скоро трудно будет в советской России найти такой уездный городишка, где бы не было улицы Карла Либкнехта. Кажется, ни в одной из многочисленных резолюций, принятых уездными и даже волостными советами в годовщину Октябрьской Революции, не пропущено имя Карла Либкнехта.

Карл Либкхнет больше не одинок. Его имя окружено ореолом славнейшего среди славных — не только у нас в России, где рабочий класс уже победил, но и в Германии, где рабочий класс только еще находится на пути к победе.

А было время, когда в Германии Карл Либкнехт был абсолютно одинок. В единственном числе голосовал он против военных кредитов в начале войны. Из 110 социал-демократических депутатов он один решился выразить протест против империалистской бойни. Германская буржуазия объявила Карла Либкнехта «изменником отечества». Германские социал-предатели во главе с Шейдеманом, разумеется, поддержали это обвинение против

Либкнехта. И лишь самые «снисходительные» к Либкнехту из числа социал-шовинистов склонны были пустить в оборот другую версию: будто Карл Либкнехт выступает против войны только потому, что его умственные способности пошатнулись. Приставляя палец ко лбу, они «тонко» намекали, что Карл Либкнехт борется против войны только потому, что он потерял душевное равновесие, что он, видите-ли, ненормальный человек.

А с другой стороны во Франции, в Англии, буржуазные писаки и социал-шовинистские переворотни хватали за фалды Карла Либкнехта и кричали: он наш. Все базарные шовинистские крикуны Франции, во главе с пресловутым Густавом Эрве, утверждали, что Карл Либкнехт в германском рейхстаге голосовал против военных кредитов только потому, что он на стороне Франции, т. е. французского правительства, только потому, что он, якобы, одобряет политику «благородной» Франции и «демократической» Англии.

Так поступали буржуазия и ее социал-шовинистские лакеи во всех странах. Когда в Германии раздавался честный голос социалиста против войны, французские патриоты спешили объявить такого человека защитником *французского* правительства. И наоборот, стоило во Франции раздаться честному голосу социалиста против войны, как германская буржуазия и ее социал-шовинистские наймиты объявляли такого человека защитником *германского* империализма и германского правительства.

За примерами ходить недалеко. Сколько раз Чернов, Чхеидзе, Церетелли и компания удостаивали Карла Либкнехта чести быть избранным почетным председателем соглашательских съездов в России. И даже Керенский делал вид, будто он совершенно согласен с Карлом Либкнехтом и находится на дружеской ноге с ним. А между тем в то же самое время Керенский, Чернов и Церетелли

сажали в тюрьмы и объявляли немецкими шпионами тех русских социалистов, которые в России проводили политику Карла Либкнехта. Das ist eine alte Geschichte...

И только теперь, когда Карл Либкнехт больше уже не одиночка, когда совершенно ясно, что Карл Либкнехт является кандидатом на пост председателя Совета Народных Комиссаров будущей, близкой, завтрашней социалистической республики в Германии, — только теперь буржуазия *всего* мира объявляет Карла Либкнехта рыжим уродом, противником цивилизации, чудовищем из чудовищ, воплощением ада, врагом гуманности и т. п.

Те самые французские буржуазные писаки и те самые французские социал-шовинисты, которые еще вчера ловили за фалды Карла Либкнехта, сегодня, когда Карл Либкнехт становится вождем миллионов трудящихся, когда он выступает застрельщиком социалистической революции в Германии, заявляют, что они подпишут мир с побежденной Германией лишь в том случае, если Карла Либкнехта и его сторонников возьмут в железо, если Шейдеман и другие предатели обеспечат англо-французской буржуазии поддержание буржуазного «порядка» в Германии.

Мировая буржуазия возненавидела Карла Либкнехта почти такой-же бешеной ненавистью, как и Ленина. Но за то такой же любовью, как и Ленин, пользуется Карл Либкнехт со стороны пролетариев всех стран. Еще в 1916 г. во французских окопах *французские* солдаты произносили имя Карла Либкнехта с благоговением. Анри Барбюсс в его замечательной книге «Под огнем» обрисовал нам в захватывающих строках, как трогательно нежно измученные французские солдаты, которых изо всех сил натравливали против всего немецкого, еще в 1916 году относились к Карлу Либкнехту.

Карла Либкнехта *любят* борющиеся пролетарии всех стран. Они любят его за то, что он спас честь германского

рабочего класса, они любят его за то, что в годину, когда все старые «вожди» второго Интернационала отдали шпагу врагу, он в числе немногих остался верным священному красному знамени рабочего класса...

Предлагаемая книжка Карла Либкнехта языком сухих документов рисует нам ту титаническую борьбу, которую Карлу Либкнехту пришлось выдержать с целым миром буржуазии и ее лакеев. Предлагаемая книжка прибавила страницу славы к деятельности самоотверженного вождя третьего Интернационала.

В момент, когда мы пишем эти строки, Карл Либкнехт и его сторонники в Германии находятся еще в меньшинстве. Но Карл Либкнехт еще и еще раз показал себя настоящим вождем рабочего класса. Защищая интересы международного пролетариата, он умеет грудью итти *против течения*. В этом его сила, в этом его величие...

Г. Зиновьев.

3 декабря 1918 г.
Смольный.

Копия.

Суд Королевской Комендатуры,
Берлин.

Берлин, 3-го мая 1916.

Приказ об аресте.

Солдат рабочего батальона *Карл Либкнехт* подлежит предварительному заключению на время следствия над ним по обвинению в том, что он 1-го мая 1916 года публично перед скопищем народа и путем распространения писанных прокламаций призывал к неповиновению распоряжениям властей;—далее в том, что он оказал неповиновение начальству, не выполнив служебнаго приказа, и вызвал этим опасность ущерба для армии и, наконец, оказал насильственное противодействие чиновнику, командированному для выполнения приказов и распоряжений административных властей, при исполнении им служебных обязанностей (§§ 110, 113 имп. Улож. о наказ., § 92, воен. улож о нак. и высочайший приказ по армии от 31. 7. 14 и на том основании, что арест вызывается необходимостью поддержания военной дисциплины § 176, 3 воен. судопроизводства).

Председатель суда *ф. Бен.*

Суд Королевской Комендатуры,
Берлин.

Берлин, 3-го мая 1916.

Приказ об аресте.

Солдат рабочего батальона *Карл Либкнехт* подлежит предварительному заключению и потому, что над ним тяготеет подозрение, что во время войны, ведомой против германской

империи, он умышленно оказывал содействие враждебной державе (§ 89 Угол. Улож.) и следовательно предметом следствия является преступление (§ 176 № 1 воен. улож. о нак.).

Председатель суда *ф. Бен.*

Берлин, 4 іюля 1916.

Содержание Дела, Часть II.

Выдержка из т. I, лист 30.

Письмо Имперского Канцлера (мин. внутр. дел).

От 4 мая 1916 в Суд Королевской Берлинской Комендатуры.

Весьма спешно.

На повестке заседания рейхстага 9 мая с. г. стоит предложение соц.-демократической фракции об освобождении из под ареста депутата Либкнехта. Я не сомневаюсь в том, что предложение будет отклонено, но считаю необходимым, для достижения этого результата, чтобы рейхстагу возможно скорее были предъявлены данныя, на основании которых ведется следствие над Либкнехтом. Честь имею просить Королевскую Комендатуру по возможности скорее уведомить меня, какие именно действия вменяются в преступление депутату Л., а также, если возможно, представить мне и копию приказов об аресте, с приложением экземпляров брошюры, которую Л., по сообщению верховного командования, распространял в пограничных провинциях.

И. А. Левальд.

Лист 48. Берлин, 3 мая 1916.

В Суд Королевской Берлинской Комендатуры.

I. Имеющиеся в следственном деле, возбужденном против меня, протоколы моих показаний нуждаются в следующих разъяснениях:

Германское правительство, по своей общественной и исторической сущности, есть орудие угнетения и эксплоатации трудя-

щихся масс; внутри страны и во внешней политике оно служит интересам юнкерства, капитализма и империализма.

Оно решительно стоит за политику расширения и захватов, более всех прочих стран толкает другие державы на соперничество в вооружениях и таким образом является одним из главнейших виновников возникновения нынешней войны.

Оно, совместно с австрийским правительством, замыслило эту войну и таким образом взяло на себя тяжкую ответственность за ее непосредственное возникновение.

Оно инсценировало эту войну, введя в заблуждение народные массы и даже рейхстаг (см. умолчание об ультиматуме, поставленном Бельгии, расшнурование немецкой Белой Книги, с целью изъятия из нее царской телеграммы от 29 июля 1914 г. и пр.), и ныне старается недозволительными средствами поддерживать в народе воинственное настроение.

Оно ведет войну способами, которые, даже с общепринятой точки зрения, представляются чудовищными (нападение на Бельгию и Люксембург, ядовитые газы—с тех пор введенные в употребление всеми воюющими сторонами — и, самое худшее, бросание бомб с цеппелинов, с целью уничтожать на огромном пространстве все живое, принимающее или не принимающее участие в сражениях; торговая война при помощи подводных лодок, торпедирование пущенной ко дну Лузитании и т. д.; система заложников и контрибуций, в особенности, в начале войны в Бельгии; планомерное использование военнопленных украинцев, грузин, уроженцев прибалтийских губерний, поляков, ирландцев, магометан и пр. в немецких лагерях военнопленных с целью склонить их к службе в германской армии, что для них является изменой своему отечеству, и к столь же преступному шпионажу на пользу центральных держав;—договор товарища министра Циммермана с Роджером Кэзментом в декабре 1914 года о сформировании, вооружении и обучении «ирландской бригады», состоящей из пленных британских солдат в немецких лагерях военнопленных; попытки принудить находящихся

в пределах Германии гражданских пленных, под угрозой принудительного задержания, к изменнической военной службе в рядах германских войск и против своей родины. «В нужде все дозволительно»).

Оно значительно увеличило тяготы осадного положения, политического бесправия и экономической эксплоатации народных масс; оно отказывает во всех сколько-нибудь серьезных политических и социальных реформах и в то же время лицемерными фразами о мнимом одинаковом уважении ко всем партиям, о мнимом отречении от политических и социальных исключительных законов, о мнимой «новой ориентации» и т. под. старается сделать эти народные массы податливыми и послушными своей империалистской военной политике.

Соблюдая интересы аграриев и капиталистов, оно совершенно не заботилось о снабжении населения продовольствием и тем уготовило путь народной нужде и возмутительному мародерству.

Оно и по сейчас упорно держится своих завоевательных военных целей, и это является главным препятствием к немедленному начатию мирных переговоров на основе отказа от аннексий и насилий всякого рода. Продолжая притом противозаконно держать страну на осадном положении (усиленная цензура и пр.), оно не допускает широкой огласки неудобных для него фактов и душит социалистическую критику его мероприятий. И тем срывает маску со своей системы кажущейся законности и лицемерного народолюбия, обнаруживая истинный лик свой: системы насилия, враждебности к народу и нечистой совести в отношении масс.

Призыв: «Долой правительство»! имел целью заклеймить всю эту политику правительства, как гибельную для общей массы населения.

Он означает, далее, что самая беспощадная борьба, классовая борьба против правительства, является обязанностью всякого социалиста, всякого представителя пролетарских интересов.

II. Ныне ведомая война не есть война для защиты национального единства, освобождения угнетенных народов или благоденствия масс.

С точки зрения пролетариата, эта война знаменует собой лишь крайнюю концентрацию и усиление политического гнета, экономического обнищания и истребления жизней рабочих ради выгод капитализма и абсолютизма.

На это со стороны рабочего класса всех стран может быть один только ответ: обострение борьбы, международная классовая борьба противъ капиталистических правительств и господствующих классов всех стран за устранение этого гнета и эксплоатации, за окончание войны миром в социалистическом духе. В этой классовой борьбе для социалиста, отечество которого интернационал, соединяется защита всего того, что он обязан защищать, как социалист.

Клич: «Долой войну»! выражает собою то, что к нынешней войне я отношусь враждебно и принципиально осуждаю ее,—как ее историческую сущность и общие причины, такъ и особую форму ее возникновения, и те способы, которыми она ведется, и те цели, во имя которыхъ она ведется; и что долг каждого социалиста, каждого представителя интересов пролетариата принять участие въ международной классовой борьбе за окончание войны.

III. Как социалист, я—принципиальный противник как этой войны, так и существующей системы милитаризма, и борьбу против милитаризма всегда поддерживал по мере сил, как особо важную задачу, какъ вопросъ жизни для рабочего класса всех стран (см. мою брошюру *«Милитаризм и антимилитаризм»*, 1907 г., Международные конференции молодежи в Штуттгарте в 1907 г. и в Копенгагене в 1910 г.). Война требует удвоенного напряжения сил в борьбе с милитаризмом.

IV. 1-е мая с 1889 года посвящено манифестациям и пропаганде великих основных идей социализма, борьбы против всех видов эксплоатации, угнетения и насилия, пропаганде единения трудящихся всех стран, которого война не упраздняет, а на-

оборот, усиливает, протесту против братоубийственного рассечения их, борьбе за мир против войны.

Во время войны такого рода манифестации и пропаганда являются вдвойне священным долгом каждого социалиста.

V. Политика, которую я провожу, предписана мне постановлением международного съезда социалистов в Штуттгарте (1907); он обязал социалистов всех стран, если они не сумели помешать войне, то чтобы они, по крайней мере, всеми средствами содействовали скорейшему ее окончанию и использовали созданную ею коньюнктуру для скорейшего упразднения капиталистического строя.

Политика эта глубоко последовательная и проникнута духом интернационализма. Тот же долг, который я и другие выполняем по отношению к правительству и правящим классам Германии, она налагает на социалистов остальных воюющих держав по отношению к их правительствам и правящим классам.

Она прививает интернационализм, взаимно, из страны в страну, подстрекая к международной классовой борьбе против войны.

С самого начала войны всюду, где я только мог, я вместе с другими открыто отстаивал и проводил эту политику и, в целях наиболее успешного ее проведения, поскольку это было возможно, вступал также в сношения и с моими единомышленниками в других странах.

(Наприм., поездка в Бельгию и Голландию в 1914 г., рождественское письмо 1914 г. в Лондон, в Labour Leader, съезды в Швейцарии, в которых, к сожалению, по независящим от меня обстоятельствам, не мог принять участие, и пр.).

VI. Политика эта, которой я буду и впредь держаться, чего бы это мне ни стоило, не моя личная, а политика все растущей части населения Германии и прочих воюющих и нейтральных государств. Вскоре, как я надеюсь и во имя чего решил и впредь работать, она станет политикой рабочего класса всех стран, и тогда этот класс будет иметь достаточно силы, чтобы сломить империалистическую

волю ныне правящих классов и по своему установить отношения между народами, на благо коллектива.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Л. 51, 63. Берлин, 8 мая 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К уголовному делу, возбужденному против меня, я имею сделать еще следующие замечания:

1. Государственная измена для социалиста-интернационалиста—слово, абсолютно не имеющее смысла. Он не знает такой враждебной державы, которой бы ему могло прийти на умъ «оказать содействие». Ко всякому чужому капиталистическому правительству он относится так же революционно, как и к своему собственному. Сущность его стремлений—не в «оказывании содействия враждебной державе», а в том, чтобы при международномъ взаимодействии с социалистическими силами других стран совместно низвергнуть все силы империализма».

Он борется во имя международного пролетариата против международного капитализма, ловит его там, где находит и где может сильнее поразить его,—т. е. в собственной стране. На родине своей он борется во имя международного пролетариата с собственным правительством и с господствующими классами как представителями международного капитализма.

В этом диалектическом процессе, в национальной классовой борьбе против войны осуществляется международная классовая борьба против войны.

Таков смысл слов Жореса, которые я поставил эпиграфом к моей брошюре, вышедшей в свет в конце марта 1905 года: «Классовая борьба против войны».

2. Еслиб немецкие социалисты вздумали вести борьбу с английским правительством, или английские социалисты съ германским, это был бы фарс, если не хуже. Тот, кто ополчается

против врага—империализма—не в тех его представителях, которые стоят лицом к лицу с ним, а в тех, которые далеко от него и до которых ему не достать, да еще делает это с одобрения и при содействии собственного правительства (т.е. единственного представителя империализма, которого он непосредственно видит перед собой),—тот не социалист, а жалкий прислужник господствующих классов. Такая политика—подстрекательство к войне,—не классовая борьба а как раз обратное.

Социалист-интернационалист, и только он один, ибо он борется и с собственным правительством, имеет, конечно, право нападать также и на чужие правительства. Но для этого во всех странах, в том числе и в Германии, имеется довольно сил, беззастенчивости и демагогии, так что ему надлежит отдать все свои силы нападению на собственное правительство, с целью противодействия самому вредному смешению понятий.

Поэтому я не имею намерения разбираться здесь в грехах других правительств, а касаюсь лишь грехов германского правительства; более того: долг мой защищать чуждые правительства от несправедливых обвинений, ибо неправду надо искоренять везде, и такая неправда въ наши дни более, чем когда-либо, служит недостойной цели: натравливанию народов другъ на друга и подстрекательству к войне.

Всякий раз, как представлялся случай, я нападал на иностранные правительства в их собственных странах, открыто, лицом к лицу, а в Германии одновременно нападал на немецкое правительство, когда ожидал от этого за границей успеха в социалистическом смысле. Никогда бы я этого не делал, если бы это содействовало втравливанию народов в войну.

За мою борьбу против царизма и царистской политики германского правительства я годами терпел преследования германских властей. Перед самым началом войны я — вопреки всем парламентским традициям — был выдан злобствовавшей и негодовавшей на меня прусской палатой депутатов адвокатскому суду чести, и этот суд, уже во время войны—в ноябре 1914 г.—

вынес мне обвинительный приговор. Я представлю матерьял, из которого видно, как я, при существующих обстоятельствах, отношусь к нападкам на «враждебные» правительства.

3. По существу сознательной международной борьбы, социалистъ рассматривает кооперацию социалистов всех стран, как нечто целое; по принципу разделения труда он *сознательно* работает в своей стране, служа общей цели, *сознательно* признает свою собственную борьбу и борьбу социалистов прочих стран взаимно дополняющими одна другую функциями, и в том же смысле мыслит и борьбу против чужих правительств.

Отказ от этой интернациональной точки зрения по отношению к противнику в собственной стране может показаться самооправданиемъ, неуверенностью, нерешительностью, и повести таким образом к ослаблению классовой борьбы. А потому указанную точку зрения следует выдвигать лишь с целью пропаганды среди тех, кого желательно привлечь на сторону противовоенной политики социалистов-интернационалистов и для того, чтобы сделать более сознательной эту политику у тех, кто уже проводит ее.

В таком смысле и в такой форме выступает против капиталистической войны социальная революция рабочего класса.

Солдат рабочего батальона *Карл Либкнехт.*

Л. 1, 120. Берлин, 22 мая 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу, возбужденному против меня, дабы рассеять все сомнения, я повторяю еще раз:

Инцидентам, имевшим место в окружном командовании 5-го мая 1915 г., я не придаю никакого значения. Эти инциденты и мои соображения по поводу нихъ не оказали никакого влияния на мое поведение.

То, что я сделал и в чем меня обвиняют, я сделал бы при

всяких обстоятельствах, почитая это своим политическим долгом, если бы и не возбуждался вопрос об изъятии меня из рядов армии.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

1. По этому, не имеющему никакого значения, вопросу суд без конца приводил совершенно ненужные доказательства и затянул таким образом предъявление обвинения до конца заседания рейхстага.

Л. 1, 162. Берлин, 29 мая 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

Выданный председателем суда второй приказ о взятии меня под стражу, от $^{3}/_{5}$ обвиняет меня в *уже совершенной* государственной измене. Около двух недель тому назад на суде мне сказали, что возможно применение ко мне § 58 Ц. 7 Воен. угол. улож. [1]) (квалифицированная измена во время войны).

Теперь я узнаю, что предполагается предъявить ко мне обвинение лишь въ покушении на государственную измену, и только на основании § 57 (простая военная измена).

Я желал бы теперь же заявить, что для меня эти ограничения состава обвинения непонятны.

Установить понятие о государственной измене, вообще, чрезвычайно трудно. По сравнению с этим, трудность установления уже совершенного действия и применения § 58 совершенно второстепенная. Установить сущность покушения на государственную

---

[1]) § 58 Воен. угол. улож. гласит: «За военную измену (§ 57) наказуется смертью тот, кто, с целью оказать содействіе враждебной державе, или же причинить вред германским или союзным войскам,

7) полностью, или частично, не исполнит служебного приказа, или же своевольно изменить его».

измену даже гораздо труднее, чем установить существо совершенного акта измены.

Не понимаю, почему обвинение не поддерживается в ранее намеченномъ объеме.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Л. 169. Берлин, 2 июня 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

Из сообщенного мне сегодня содержания документов я узнал, что верховное командование в пограничных провинциях неоднократно непосредственно вмешивалось в производство следствия.

То же верховное командование, пускающее в ход свое влияние с целью подвергнуть меня каре за мнимое нарушение закона, не постеснялось одновременно с тем неоднократно и в грубейшей форме нарушать закон и конституцию, привлекая меня к ответственности за ряд брошюр во время нахождения моего в предварительном заключении, несомненно, сознательно не считаясь с моею неприкосновенностью (как депутата).

Устанавливая этот факт, прошу присоединить его к делу.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

3-го июня обвиняемому был прочитан обвинительный акт. Отвѣт его гласил:

Л. 18. Берлин 3 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

По поводу сегодняшнего прочтения мне обвинительного акта я имею заметить:

То, что говорится в обвинительном акте о государственной измене, не выходит из узких рамок сказанного обо мне в пе-

чати и въ парламенте моими политическими противниками. Несмотря на мое заявление от 8 мая, там нет и попытки выйти за пределы партийной политики и разобраться в интернационалистических воззрениях.

При этом обвинение попадает в хорошую компанию *«Аксьон Франсэз»* и «информаций» таких газет, как *«Матэн»* и *«Фигаро»*, хотя там меня — locus regit actum — столь же справедливо, как и в немецком обвинении, клеймят агентом германского правительства. Обвинение идет по стопам французского, австрийского, итальянского, турецкого, русского и шведского правосудия, преследующего моих единомышленников во всех этих странах, как государственных изменников, и присудившего к тюремному заключению моих друзей Хеглунда, Ольелунда и Хедена за их высоко полезную пропаганду массовой стачки против войны, несколько недель тому назад в Швеции.

Я исполнил свой долг, как и впредь неуклонно буду исполнять его, и оправдываться мне не в чем.

Следствие против меня ведется по приказу инстанций, которые даже и вовремя пребывания моего под арестом не стеснялись нарушать мою депутатскую неприкосновенность (см. мое заявление от 2 с. м.), которые противозаконно держат страну на осадном положении и, сами стоя на почве беззакония, обвиняют меня в мнимом нарушении закона.

Обвинение меня в государственной измене исходит от президента полиции фон-Ягова, восторженного сторонника coups d'état в цаберском духе, влиятельного члена камарильи, состоящей под покровительством германского кронпринца, и военной партии, являющейся главной виновницей войны.

Мне не в чем оправдываться. Я просто заявляю, что я — социалист-интернационалист и стою за политику, которую уже много лет веду совершенно открыто. Я не беру назад ни единой буквы из моей брошюры, из лозунгов: «Долой правительство! Долой войну!», из моего заявления от 3 мая, из всего, что было

мною сказано в парламенте и что вызывало яростный вой моих врагов. Оправдываться мне не в чем.

Но раз уж зашла речь о государственной измене, позвольте заявить вам следующее:

Государственная измена была всегда привилегией правящихъ классов, князей и аристократов и является одной из самых аристократических традиций этой касты. Подлинные государственные изменники пока еще сидят не на скамье подсудимых, а в конторах металлургических заводов, фирм, ведающих вооружением армии, в больших банках, въ усадьбах юнкеров-аграриев; они сидят на Мольткебрюке, на Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден, в министерствах, во дворцах принцов королевской крови и на тронах.

Подлинные государственные изменники въ Германии—это ответственные и безответственные члены германского правительства, бонапартисты съ нечистой социальной совестью; это те политические и капиталистические охотники за наживой и игроки *ва-банк*, те финансисты и любители всякого рода ажиотажа, которые, исключительно ради своей выгоды, под защитой полуабсолютизма и тайной дипломатии, вызвали эту войну самым преступным образом. Государственные изменники—это те люди, которые ввергли человечество в хаос столкновения варварских сил, превращают Европу в груду развалин и пустыню и окутывают ее атмосферой лжи и лицемерия, в которой истина слепнет и задыхается; и они хотят и будут продолжать эти адские махинации, покаместь окровавленные и порабощенные народные массы не попадут к ним в лапы.

Подлинные государственные изменники—это те, о ком я писал 3 мая, те, кого моя брошюра клеймит в заключении как истинных врагов немецкого пролетариата; они несут на себе чудовищное бремя вины за кровь, пролитую в этой войне. Это те, которые из крови, пота, нужды и нищеты народной куют для себя золото и власть; они непосредственно заинтересованы в войне и в империалистскихъ целях войны и прикрывают свою

алчность и жажду господства патриотическими выкриками. Это те, кому страшнее поражений успех освободительного движения в собственном народе; это те, кому народная свобода ненавистна и в других странах, кто решил и на этот раз обмануть народные надежды на свободу и у кого, однакоже, хватает совести именовать эту войну освободительной. Это те, которые пока еще не привлечены к ответственности только потому, что сбитая с толку народная масса—жертва трусливых ухищрений—до сих пор не знает правды.

Подлинные государственные изменники — это те, которые и во время войны вместе со своими единомышленниками во враждебных странах составляют как бы особый живой интернационал, учрежденный съ целью борьбы и забрасывания грязью всякого движения в пользу мира,—те, чья власть надо мной проистекает из злоумышленно затеянной войны и беззаконной военной диктатуры. И против них я здесь возобновлю все те нападки, которые направлял по их адресу в парламенте, вызывая неистовство телохранителей империализма.

Обвинение оправдывает этих подлинных государственных изменников и потворствует им, стараясь обезвредить меня за мое противодействие им.

Обвинение есть акт, обусловливаемый соображениями государственной пользы, авантюра империалистской политики, аттака милитаризма, борьба съ которымъ до последней капли крови составляет мою жизненную задачу.

Я не нуждаюсь в защитнике, предоставляю суду по его усмотрению применять § 338 и отказываюсь от всяких отсрочек. Таким образом, замечание в сегодняшнем протокóле (где говорится о просьбе, хотя мне не о чем просить и я ни о чем не прошу), отпадает само собой.

Отдельные поправки к обвинительному акту будут сделаны мною, когда я получу копию этого акта.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Л. 20. Берлин 6 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

По следственному делу против меня:

Предлагаю отменить приказ о взятии меня под стражу от 3/5 с. г.

Следствие закончено, следовательно освобождение мое из предварительного заключения не может нанести ущерба его интересам.

В интересах воинской дисциплины не вижу надобности держать меня в тюрьме.

О побеге не может быть и речи. Вряд ли кому придет в голову парадоксальная мысль, чтобы у меня могло явиться желание уклониться от суда.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

7-го июня ходатайство об освобождении было отклонено. Тогда арестованный обратился в Комендатуру с следующим письмом:

Л. 30. 9 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

По следственному делу против меня, приношу жалобу на определение Суда от 7-го с. м., отклоняющее ходатайство об освобождении меня из-под ареста. Определение не обосновано. Для обоснования жалобы достаточно ссылки на предложение от 5-го с. м.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Против пред'явленного ему тем временем обвинительного акта Либкнехт неоднократно представлял возражения:

Л. 26. Берлин 10 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

Обвинительный акт, пред'явленный мне, представляет собою сборник исторических преданій и ходячих формул, которые в нашу великую эпоху торжествующей техники массового убийства обязательны для каждой демонстрации патриотизма.

Акт этот варьирует на разные лады галиматью о «преступно навязанной нам войне», хотя ее уже в начале августа 1914 года против воли жестоко высмеяла Белая Книга. Он осмеливается говорить о нападении на Германию в войне, которая началась нападением Германии на Бельгию!

Зачем только в нем пропущено «русское подстрекательство» к сараевскому убийству, которому австро-германские инициаторы войны обрадовались, как благословению божию, так как оно давало им желанный повод ринуться на врага? Почему не упомянуты «освободительная война» против «кровавого царя», «народ торгашей», «коварный Альбион» и «мерзавцы бельгийские вольные стрелки», имевшие низость подняться всем народом (levée en masse) на защиту своей родины, хотя они не получили предварительного разрешения на бойню от высшего начальства и второпях не имели возможности так великолепно подготовиться и организоваться, как годами готовившийся к войне германский милитаризм [1])? Почему

---

[1]) Сто лет тому назад, во время войны за освобождение Германии, как известно, прусское правительство нашло «истинно-прусскую идею» (Фридрих Энгельс) о беззаконности защиты отечества без предварительного об'явления войны такой нелепой, что оно само провозгласило долгом каждого пруссака жесточайшую партизанскую войну. Да и в немецких восточных провинциях, по признанию немецких же газет, не-военное население преусердно вело партизанскую войну против русских. Немецкая агитационная

было не изукрасить обвинительного акта также и оффициальными и полуоффициальными арабесками, продолжающими жить в легендах о войне—рассказами об отравленных колодцах, о налетах на Нюрнберг, опровергнутых лишь 21 месяц спустя, о выколотых глазах, отрубленных руках, о начиненных порохом бельгийских папиросах и пр. и пр.? Почему было не использовать и всей остальной бутафории из богатого австро-германского военного реквизита?

Почему обвинительный акт упоминает об экстренном выпуске берлинского *«Локальанцейгер»*, уже 30 июля 1914 г. опубликовавшего известие о германской мобилизации, причем речь Канцлера 5-го с. м. бросает новый оффициальный свет на тайну происхождения этой заметки, исходившей из здания у моста Мольтке? Почему об *этом* говорится в обвинительном акте, а не говорится о «великом грехе», который совершило русское правительство, об'явив русскую мобилизацию, хотя цинично-провокационный австрийский ультиматум Сербии сам по себе был уже началом желанной войны, хотя в Германии опубликование приказа о мобилизации, как опять таки явствует из речи Канцлера 5-го с. м., было задержано лишь по соображениям военной демагогии до опубликования русского приказа о мобилизации, хотя австрийская мобилизация опередила русскую? Почему умалчивает он о том, что Австрия еще летом 1913 года, «под личиной оборонительной войны», порывалась напасть на Сербию, по отношению к которой она давно уже проводила скандальную политику экономического и политического удушения? Почему не говорит он о «тяжком преступлении» России с нравственным превосходством графа Ревентлова (*«Дейтше Тагесцейтунг»* от 8-го с. м.), этого Равашоля мировой политики и выразителя мнений влиятельных кругов? Почему он не ссылается на ныне конфискованное свидетельство Гардена (*«Цукунфт»* от 22 апреля 1916 г.)?

печать с презрением корила меня тем, что в сентябре 1914 года, под Лувеном я отказался вместе с прочими стрелять из-за угла в бельгийские войска.

Л. 26.

Почему он молчит о «трезубцѣ», который уже десятки лет был зажат «в нашем кулаке», и об «адмирале Атлантического Океана»? О том, что в немецком генеральном штабе годами разрабатывался план вторжения в Бельгию, которое потом оправдывали хитросплетенной ложью о нарушении будто-бы Бельгией нейтралитета через присоединение ея к Согласию,— присоединяя таким образом к насилию и вероломству еще и лицемерие? О факте, что в 1913 году германское правительство заявило в Петербурге, что введение русских войск в Армению оно будет рассматривать, как повод к войне? О том, что в 1913 году немцы тайно посылали транспорты оружия в Северную Африку—с целью вооружения туземцев? О заключенном непосредственно перед войной немецком соглашении с Англией касательно Востока и Африки, которым некоторые надеялись купить нейтралитет Англии, причем империалистские интриганы, которых оно связывало по рукам и по ногам, стремились разорвать его войной? О германском проекте колоссальных вооружений 1913 года и о прениях касательно недостатка вагонов после 1913 года? Об особенностях кампании, имевшей целью затушевать деятельность Кампфа и прочих лиц, заинтересованных в развитии вооружений—кампании, которая уже систематически велась в 1913 году? О финансовых и прочих приготовлениях к войне? О тайной истории технической подготовки Германии к войне, об ее вооружениях, 42-дюймовых мортирах, крупного размера подводных лодках, ядовитых газах и пр.?

Почему в обвинительном акте не приведены все еще утаиваемые от нас документы касательно переговоров между Веной и Берлином перед 23 іюля 1914 г.? Относительно этих документов я еще осенью прошлого года пред'явил правительству формальный запрос в рейхстаге, а статс-секретарь фон-Ягов весьма знаменательным образом уклонился от ответа.

Обвинение оспаривает империалистический характер войны и наличность немецких завоевательных планов. Пусть оно справится об этом у антрепренеров марокканской политики и тигрового

прыжка в сторону Агадира—в германском генеральном штабе, у германского кронпринца, у г. ф.-Тирпица, у статс-секретаря Вольфа, в Дейтше Банк и прочих крупных банках, у представителей металлургической промышленности. Ведь, с самого начала войны и открыто и за кулисами горячо доказывали, что для этой промышленности вопрос жизни и смерти завоевание французского рудничного района (Брией и Лонгви), по возможности, также северного департамента Франции, с его рудоносными землями, и Бельгии—цель войны, которой служит и нынешнее наступление на Вердэн («оплот франко-бельгийского железного района» *«Дейтше Тагесцейтунг»* 9 с. м.). Справьтесь об этом у г. Баллина и других капиталистов-верфевладельцев (в Антверпене, Калэ и пр. см. также *«Дейтше Тагесцейтунг»* от 9 с. м.) у пангерманцев, у могущественных хозяйственных союзов, составлявших памятную записку в марте 1915 года; у немецких профессоров, составителей летней записки 1915 года; у профессора фон-Амира и его союзников, подавших мартовскую записку 1916 года; в лиге флота, в Колониальном Обществе, в правлениях буржуазных партий и в парламентских фракциях; у лиц, принимавших участие в прениях о целях войны в бюджетных комиссиях рейхстага и ландтага (стенограммы этих закрытых заседаний, не оглашенные в печати, лежат на столах этих парламентов). Справьтесь также у баварского короля с его династическими стремлениями и, первым делом,—у «Адмирала Атлантического Океана» и у имперского канцлера, который уже год тому назад—покамест, по секрету—поверял свои завоевательные планы рейхстагу, который при своих публичных выступлениях говорил совершенно ясным языком (см., между прочим, заседание рейхстага 5 апреля с. г.) и который, в своей речи 5-го с. м., под видом отпора натиску некоторых ярых поборников аннексий, для умиротворения жаждущих завоеваний *«Пост»*, *«Теглихе Рундшау»* и даже *«Дейтше Тагесцейтунг»*, фактически перешел на сторону этих своих противников (см. *«Германия»* от 9 с. м.). Разве, уже в самом начале войны,

не говорили о «мире, который бы надолго гарантировал нас от подобных нападений», демагогически прикрывая такими фразами империалистские цели войны? Лучше бы эти господа спрятали в карман свое негодование по адресу государственных деятелей других стран, преследующих завоевательные цели.

Обвинение оспаривает наличность голода [1]), от которого стонет масса населения, и осмеливается утверждать, будто у нас нет недостатка в необходимых для жизни припасах. Весьма характерным акомпаниментом к этому утверждению является заседание рейхстага 7-го с. м.

Конечно, приведена и излюбленная фраза о «недостойном замысле Англии уморить немцев голодом» (т. е. о блокаде), но нет укора собственным немецким мародерам, махинациям которых потворствует и содействует недобросовестность германского правительства. Но почему же в обвинительном акте нет обязательных слов возмущения по поводу американских поставок оружия, узаконенных и санкционированных гаагским договором, по настоянию германского правительства, на пользу Круппа и К°.

Германия *«готова к миру»?* Эта ее *«готовность»*, как подтверждает, в конце концов, и само обвинение, ни что иное, как готовность выслушать заявление противника, если он признает себя побежденным, а центральные державы победительницами, т. е. готовность к победе. Мнимо «миролюбивые речи» германского канцлера—достойный противовес «сантиментальной комедии миролюбия, разыгранной императорами» в конце іюля 1914 года, причем, между прочим, раздавались призывы к солидарности владык, кровавого царя и германского кайзера против их народов. Как будто бутафорская борьба, которую будто бы вел 5-го с. м. канцлер, делая вид, будто он борется изо всех сил, подобно новому Лаокоону, с могущественными сторонниками

---

[1]) Говорят о «хорошо организованной голодовке». Это слишком слабо сказано.

аннексий и захватов и протягивая руки за оливковою ветвью нового «князя мира»,—как будто борьба эта, в дѣйствительности, не была инсценирована только для публики партера, которая всегда рада похлопать, только для «социал-демократов», которые еще нужны правительству! Как будто тотчас же после падения занавеса не состоялся в завершение борьбы праздник братания хохочущих авгуров (см. *«Пост»*, *«Теглихе Рундшау»*, *«Дейтше Тагесцейтунг»*). Как будто эта театральная борьба—не просто новая инсценировка звонкого турнира между Бассерманом и Бетман-Хольвегом в августе 1915 года, где роли были распределены заранее. И как будто граф Ревентлов не имел основания ликовать и радоваться, что шансы на соглашение с Англией оказались только «надо надѣяться, потопленной надеждой». (*«Дейтше Тагесцейтунг»* от 7-го с. м.)

А настроение немецкой армии и гражданского населения? Или обвинение следует примеру главного морского штаба, который не решается «по военным соображениям» сказать всю правду о морском сраженіи в Скагерраке? Как характерны последние инциденты в рейхстаге для идиллии, которую обвинение расцветило всеми чарами буколики! В былое время давно уже!—меня одного предавали анафеме в рейхстаге, как изменника родной стране. Впоследствіи у меня нашлись последователи, другие социал-демократы. А теперь? Только и слышишь: государственный изменник да предатель. Это слово летит, как мячик, от вице-канцлера к консервативным графам, от разных сверхпатріотов к имперскому канцлеру, от него к «пиратам общественного мнения», от Епархиального Синода в Кельне к аграриям и капиталистам—«ростовщикам» и «союзникам Англии». Сущий маскарад! Германия кишит государственными изменниками. Потерпите! Есть еще немцы—не изменники родине среди перелицевавшихся в патриотов бывших врагов отечества, среди апостолов их прежних идеалов, среди социал-патриотов, именующих себя социал-демократами, среди воинственно-брящающих оружием выскочек патриотов приснопамятной демократической окраски.

От фарса к трагедіи.

Разве обвинению неизвестно, что почти во всех больших немецких городах возникают беспорядки на почве голода и устраиваются демонстрации в пользу мира и в виде протеста против продовольственной нужды? О том, что участники этих демонстраций приговорены, в общей сложности, к нескольким сотням лет заключения в тюрьме и принудительных работ? О почти повсеместном запрете цензуры печатать что-либо об этих беспорядках и судебных процессах? О том, что в рейхстаге цензура президиума все время не позволяла мне внести запрос по этому поводу? Об арестах в порядке охраны, долженствующих принудительно вразумлять стольких недовольных граждан? Разве оно не знает, что все чаще беспокойные и политически неблагонадежные элементы наказуются отправкой в окопы?

Возможность «внутреннего раскола» представляется обвинению призрачной, а кладбищенский покой военной диктатуры, зажимающей рот воплям отчаяния масс,—«единодушием».

Обвинение восхваляет дух германских войск. Почему же военные тюрьмы и крепости так переполнены, что многие тысячи отбывающих наказание солдат пришлось перевести в обыкновенные штатские тюрьмы? Разве обвинению неизвестно, что случаи неповиновения и отказа выполнять служебные приказы настолько участились, что в секретных приказах по армии настойчиво указывается на опасность крушения всего «нравственного под'ема» войск? Ему неизвестно, что начальникам нередко приходится с револьвером в руках гнать солдат в бой? Что не только отдельные и мелкие части, но сплошь и рядом крупные воинские части отказываются долее принимать участие в этой человеческой бойне, в штурмах и т. п.? Что в позиционной войне у немецких солдат очень часто завязываются почти товарищеские отношения с противниками, что против этого братания приходится издавать специальные приказы по армии и что с ним борются частыми переводами воинских частей с одного

места на другое? Неужто оно и не подозревает, какое множество немецких солдат мыслят со мной заодно?

Вряд ли оно не сознает, что прославляемый им «дух»—к сожалению, еще значительного большинства немецких солдат—далеко непохвален и что каждый солдат, отказывающийся принять участие в человеческой бойне, затеянной империалистами, в нравственном смысле стоит несравненно выше того, кто «с воодушевлением» принимает в ней участие.

В чем же коренится эта храбрость, это «воодушевление» пролетарских солдат? В недостатке классового самосознания, в ложных представлениях о том месте, которое они занимают в нынешнем общественном строе,—ложных представлениях, поддерживаемых системой обмана и калеченья умов, которую проводят правительства и правящие классы; в неуменьи осознать свою историческую задачу. *Это—интеллектуальный фактор.*—В искусственно поддерживаемой несамостоятельности масс, в запугивании драконовскою дисциплиной, сущность которой, по фридерициановскому рецепту такова: «Надо, чтобы солдату начальник был страшнее неприятеля», а это сводится к «храбрости» из трусости, из-под палки. «Храбрость», как выбор наименьшего зла. Храбрость, вытекающая из инстинкта самосохранения, самообороны. Прибавьте к этому все время разжигаемую ненависть к неприятелю и старательно развиваемую жестокость. *Это—«нравственный фактор».* У многих, которые, несмотря на все, сумели очиститься от этих недостойных моральных и интеллектуальных воздействий, храбрость обусловливается ошибочным убеждением, будто победою можно приблизить мир; заблуждение это опыт войны все более и более рассеивает, несмотря на судорожные усилия укрепить его и сохранить.

Да, я повторяю: солдаты-пролетарии, которые «с подъемом», «ликуя» и т. п. шли и идут еще на смерть,—жертвы самого постыдного обмана. И все же обвинение, в целом, только показывает, на каких хрупких подпорках держится это хваленое «воодушевление», за которое правительству и господствующим

классам следовало бы на коленях благодарить Бога. Поистине, венец маккиавеллизма подобает нынешнему общественному строю, умеющему до сих пор поддерживать это воодушевление. Недаром опасаются подвергнуть настроение масс и дисциплину войск социалистическому огненному испытанию!

Обвинение укоряет меня в «уничижительном отношении к нашим храбрецам». Это я то уничижаю их? Тем, что призываю их выйти из своего теперешнего недостойного состояния? Тем, что я беспощадно раскрываю им глаза на те бессовестные злоупотребления, которые проделывают над ними их правители, и на то, как унижают их правящие ими при помощи трехстепенной системы выборов? И где же брошен мне этот укор в «уничижительном отношении» к солдату? В обвинении, сущность и цель которого защита милитаризма, т. е. системы, не признающей за солдатом никаких человеческих прав, старающейся всеми мерами насилия и принуждения превратить «храбрецов» в безвольные машины; системы, на каждом шагу поносящей и оскорбляющей этих «храбрецов», даже и в этой «народной войне»; системы, основная цель которой—толкать массы пролетариата, ради выгод капитализма и абсолютизма, на убийство своих же братьев и классовых товарищей за границей—да и у себя дома также («внутренние враги»)! Упрек в «уничижительном отношении» к «храбрецам» брошен мне германским милитаризмом, на голову которого больше, чем на чью-либо, падет кровь бельгийского народа и всех загубленных на войне миллионов жизней, руки которого обагрены кровью бастующих и борющихся за свое освобождение немецких рабочих!

О законности действий тех, которые негодуют на мои беззакония, сказано уже достаточно: я говорил об антиконституционном сохранении осадного положения, о подлинных государственных изменниках.

Кто нарушает закон? Кто попирает конституцию?—Правительство. Военные власти. Мои гонители.

Кто виновен в возбуждении масс, в их демонстрациях и

взрывах отчаяния?—Тѣ же, кто несет на себе ответственность за войну, за осадное положение, за политическую и экономическую нищету, в которую ввергнут народ.—Правительство. Мои гонители.

Могу ли я почитать своим долгом служение империализму, объединившему в себе все силы, враждебные пролетариату? Элементарное право рабочего класса на самоопределение, заповедь классовой борьбы и международной солидарности несравненно выше привилегий, присвоенных себе господствующими классами, на произвол которых и поныне отдается кровь и мозг народа.

Я, принципиально отвергающий классовое общество, войну и милитаризм, не признаю никаких заповедей и запретов, которые идут вразрез с моим политическим и общественным долгом, в том числе и заповеди: «Убивай ближняго». И на это у меня имеются более уважительные причины, чем у немецкого командования, которое, попирая ногами международное право, поставило себе в правило поведения пословицу: «*Нужда не признает запретов*».

Я знаю, что со мною мыслят заодно множество пролетариев на фронте и в тылу, на родине и что число их все растет. Канцлер недавно пригрозил, что «с теми, кто стоит за Либкнехтом, народ сведет счеты после войны»,—я же уповаю, что народ сведет счеты совсем не с нами, а с другими,—и, надо надеяться, полностью и не дожидаясь конца войны.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

л. 31. Берлин, 11 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

Берлин.

По следственному делу против меня имею заявить, что:

1. В обвинении говорится о лжи и вымыслах, распространяемых про немцев за границей. Мне кажется уместным поэтому

упомянуть и о немецкой лжи и немецком лицемерии; об этом я уже немало писал раньше.

Описание майской демонстрации в донесении полиции достойно Фуше и Штибера. Истина искажена в нем даже больше, чем в отчетах иностранных газет, которые мне удалось добыть. В демонстрации участвовало «несколько сот» человек—по точным данным рейхстага, человек 200—по большей части женщин и подростков. Через площадь проходило несколько сот солдат, «повидимому» с намерением задержаться тут; однако-ж, демонстрантов было всего 200 человек. И с этими двумя сотнями человек, «по большей части» женщин и подростков, сильный наряд полиции, вместе с военными патрулями, не может справиться втечение двух-трех часов! Возникает необходимость на несколько часов оцепить площадь. Демонстранты разделились на три процессии: одна шла по Линкштрассе, другая — по Кетнерштрассе, третья — по Кениггретцерштрассе. Итого, на каждую процессию по 60 человек.

На деле, в демонстрации участвовало, по меньшей мере, 10 тысяч человек, да и в остальном бернский отчет, в общем, верный.

2. Мне, разумеется, совершенно не хотелось, чтобы полицейские кулаки помешали моему дальнейшему участию в демонстрации.

3. Почему обвинение умалчивает о том, что после моего ареста два патриота, очевидно, из учеников фон-Ягова, дубасили меня палками по голове, причем один с довольным видом приговаривал: «Этого давно пора было сцапать»?

4. Мое замечание подполковнику фон-Линдштедту указывает только, что мне было известно о запрете держаться той политической линии, какой я держался—ни более, ни менее.

5. Еще раз повторяю выраженное мною 29 мая удивление по поводу того, что обвинение вдвойне ослаблено. Как ни старались доказать, что я только *пытался* совершить преступление, но на самом деле не совершил его, это совершенно не удалось. Из того, что 1.200 эк-

земпляров моей брошюры было захвачено полицией, обвинение выводит два диаметрально противоположных заключения: что брошюра должна была иметь огромное распространение, если могло остаться так много экземпляров (л. 5, внизу), и что арест брошюры после 1 мая предотвратил значительное распространение ее (Л. 20—21). О том, сколько листовок разошлось по рукам, обвинение не спрашивает и обходит молчанием тот факт, что демонстрантов было большое количество. Оно говорит об «опасности» того, что брошюра, при массовом распространении ее, могла попасть в руки подростков, забывая, что само же оно установило, что в составе демонстрантов были, «по большей части», эти самые подростки.—Тот факт, что о демонстрации стало известно заграницей, отодвинут на второй план.

К чему такая сдержанность после того, как найдено было возможным предъявить ко мне обвинение по § 89 угол. ул. и § 57 воен. ул.?

Еще раз требую, чтобы обвинение было последовательным и держалось, по крайней мере, приведенных им пунктов обвинения.

Солдат рабочего батальона *Либкнехтъ.*

---

20 июня Л. совершенно неожиданно, под конвоем троих агентов уголовного сыска и члена военного суда, в закрытом наглухо автомобиле, был привезен к себе на квартиру, чтоб разыскать и взять там матерьял, в котором он нуждался для процесса.

Берлин, 21 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

Л. 93.

К следственному делу против меня:

Немецкий милитаризм, хвастающий своей популярностью, до жалости боится правды и огласки. Это сказывается и в моем деле.

Официальное агентство Вольфа распространяет ложные сведения об инцидентах, которыми сопровождался мой арест, и о содержании предъявленного ко мне обвинения. Все же прочие сведения, даже опровержения, даже сведения о сроке разбирательства дела и т. п. запрещено печатать.

Но и осадного положения и цензуры оказывается недостаточно. Недостаточно даже и содержания меня под стражей впродолжение следствия, по внутреннему своему смыслу совершенно незаконного.

Не довольствуясь тем, что разбирательство дела на суде отложено до окончания сессии парламента, все документы, касающиеся моего дела, окутывают глубочайшей тайной. Пользуясь тем, что я лишен свободы, меня, совершенно противозаконно, вынуждают держать в тайне содержание обвинения даже от моего брата, даже от моей жены! [1])

Прибавьте к этому тот способ охраны и наблюдения за мной, который был применен вчера у меня на квартире и мог иметь целью исключительно обеспечение тайны. Ибо «опасность побега» могла быть предотвращена иным способом. Мне прятать нечего, и обвинение уже предъявлено.

Прибавьте к этому отвод защитника д-ра Гальперта военным министерством под явно вымышленным предлогом.

Все это, конечно, увенчается тем, что дело, в главной своей части, будет вестись при закрытых дверях.

Причины этого прятанья от света вполне понятны.

Сам я чувствую потребность в свете, но меня не запугают и мраком.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

---

[1]) Когда, однажды, возникло опасение, что жена Л. может увидеть обвинительный акт, власти страшно засуетились и пришли в полное отчаяние.

Берлин, 21 июня 1916 г.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

Л. 107. К следственному делу против меня:

1. Срок разрешили наконец огласить (сегодня, в «Форвертсе»).

2. Брошюра моя, как теперь установлено, известна заграницей. Я уже неоднократно заявлял, что это вполне отвечает моему желанию.

Посмотрим, соберется ли, наконец, обвинение с духом и признает ли «государственную измену» *совершенной*.

3. В моем письме от 8 мая, под № 11, я представил копию моих письменных показаний от 24 сентября и 9 ноября 1914 г. по моему делу в суде чести об оскорблении царя и пр.

4. «Готовность к миру» центральных империй на днях снова проявлена была Бурианом и Тиссой, как готовность к «победоносному миру» в полном единодушии с германским канцлером.

5. Германские завоевательные планы получили новое освещение на заседании Флотской Лиги, в речи адмирала Кестера, в телеграмме Баллину от фон Тирпица, звезда которого далеко еще не закатилась; в письме начальника штаба фон Фалькенгайна в Имперский Союз немецкой печати, истинный смысл которого читается между строками, и в полуофициальном заявлении канцлера о завоевательных планах хозяйственных союзов, идущих «отчасти» «значительно дальше» планов самого канцлера. Это говорит достаточно тому, кто знает, как влиятельны хозяйственные союзы и как податливы и преходящи канцлеры.

6. Об идиллическом настроении немецкого народа свидетельствуют мюнхенские беспорядки 17 июня, серьезность которых полиции, конечно, желательно было бы опровергнуть на свой излюбленный манер.

7. Беспорядки в Мюнхене, как и во многих других городах, возникли на почве недостатка съестных припасов, жесточайшей нужды и голода, доводящих до отчаяния даже такой терпеливый

народ, как немцы. Но обвинение как будто и не знает, что народ терпит нужду.

Даже в рейхстаге, послушнейшем из всех парламентов, недовольство проявляется очень резко. Но обвинение об этом ничего не знает.

Зато об этом знают в кварталах, населенных беднотой, у смертного одра сотен тысяч детей, которые гибнут от нищеты и голода,—знают и припомнят это тем, кто сейчас ничего не хочет знать.

Голода нет?—Ну да, конечно, голода нет для состоятельныхъ людей, для тех, кто высасывает свое богатство из жил трудящихся и страдающих масс и лишь постольку интересуется благосостоянием этих масс, поскольку ему нужны наемные рабы и солдаты.

8. Еще несколько слов о «нравственном уровне» войск.

Высокая цифра подвергаемых наказаниям солдат была бы еще выше, самые наказания еще суровее и длительнее, если бы на проступки нижних чинов, даже и тяжкие, часто не смотрели сквозь пальцы или не расправлялись с провинившимися, не поднимая шума; но снисхождение это обусловливается не мягкосердечием, а военной необходимостью, и свидетельствует не о слабой, а о повышенной преступности.

Тюрьмы переполнены отбывающими наказание солдатами, и их было бы еще больше, еслиб значительная часть приговоренных к наказанию, даже и не отбывая его или отбыв лишь часть положенного срока, не отправлялась в окопы, где виновные имеют возможность заслужить помилование.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Заявление Либкнехта, поданное на суде 26 июня 1916.

По следственному делу против меня имею заявить:

Брошюру «Идите на майский праздник» и летучку (того же содержания) я раздавал в Берлине и его окрестностях в конце

апреля и 1 мая с. г. Брошюра выпущена в двух изданиях с вымышленным названием типографии.

Вне Берлина сам я не раздавал листков, но знал, что они раздаются, и был очень доволен этим. Ответственность за распространение я принимаю на себя.

Точно также принимаю на себя всю ответственность за содержание брошюры и летучки; касательно происхождения их отказываюсь давать сведения.

На Пасху я был в Іене. Подробностей сообщать не желаю.

Солдатам я брошюр не раздавал. Но ничего не имел против такой раздачи, ждал и желал, чтобы брошюры и летучие листки попали также и в руки солдат.

В демонстрации на Потсдамской площади принимало участие около 10 тысяч человек, которые были разделены полицией на три процессии и оттеснены в Линк—Кетенер и Кениггретцерштрассе.

Были там и солдаты.

Я неоднократно кричал: «Долой правительство»! «Долой войну»! Даже и после того, как меня арестовали.

При аресте я упирался, так как вовсе не желал, чтобы полицейские кулаки помешали мне принимать участие в демонстрации.

Знаю, что о демонстрации и брошюре известно заграницей, и это отвечает моему желанию.

В начале февраля 1915 года—при вступлении моем в ряды армии — в 5-м военном округе мне был объявлен начальником округа запрет принимать участие в революционных собраниях устно и письменно, вести революционную пропаганду и произносить революционные лозунги, а также запрещение носить военную форму и выезжать из Берлина. На этот запрет сослался в конце марта 1915 года подполковник фон Линдштедт, командир рабочего баталиона № 45, к которому я был направлен; я сказал ему, что приказ мне известен. Несколько раз об этом приказе

упоминал в марте и апреле 1915 года также и мой ротный командир, лейтенант Генеке.

Все это было мне известно, так же как я помнил мое солдатское положение, когда совершал вменяемые мне в вину поступки.

Я нарушил запрет, так как он шел в разрез с моим политическим и общественным долгом.

Я знал, что Берлин и его окрестности находятся еще на осадном положении. Правда, это осадное положение противоконституционно (см. «Форвертс» от 28 с. м.), но один из печальнейших признаков всемогущества милитаризма и распада наших так называемых правовых основ—то, что еще не нашлось суда, который бы осмелился восстать против этого жала военной диктатуры.

В остальном подтверждаю предыдущие мои письменные показания.

Смысл возгласов: «Долой правительство!», «Долой войну!» я уже разъяснил 3 мая.

О содержании брошюры уже сказано подробно в показании от 24 июня под №№ 3, 10, 11. Там же опровергнуты и патриотические легенды, заключающиеся в обвинительном акте.

Ослабить, сломить и заменить властью социалистического пролетариата власть капиталистического правительства и господствующих классов Германии, как и всех прочих стран, во всех областях, в том числе и в первую голову их *военную* власть — такова политическая цель международного социализма.

Борясь за мир—за мир в духе социализма,—без завоеваний и насилий — согласно постановлениям нашего штутгартского съезда, — пролетариат борется ныне за эту общую цель социальной революции.

Этой цели, *этой* борьбе служили и демонстрация, и брошюра, и мои возгласы.

Высшая задача социалиста — привлечь *весь* пролетариат к служению своей цели, к участию в борьбе; в том числе должно привлечь и пролетарских солдат. Нужно, чтобы несмотря на дрессировку, насильно прививаемую им дисциплину и воинский арти-

кул, они оставались классовыми пролетарскими борцами, участниками международной классовой борьбы и во время войны, *и особенно во время войны*. Для пролетарских солдат обязанности, налагаемые международной солидарностью и классовой борьбой, должны стоять выше приказов военного начальства.

Высшая задача социалиста—добиться того, чтобы в ближайшем будущем на империалистский братоубийственный приказ—в войне с внешним врагом и в гражданской войне—сотни тысяч солдат ответили единодушным: «Мы стрелять не станем!».

Высшая задача социалиста—сделать все, чтобы масса народная прониклась таким настроением и таким мужеством, которые бы дали ей возможность на бонапартистское: Plutôt la guerre que l'insurrection! ответить социалистическим: Plutôt l'insurrection, plutôt la révolution que la guerre!

В этом главная задача антимилитаризма.

В прусской палате депутатов 16 марта с. г. я говорил:

«Духовное освобождение рабочего класса тоже должно быть делом только самих рабочих. И наша задача, задача трудящихся всех стран воскликнуть: «За дело! И те, кто в тылу, и те, кто в окопах, должны положить оружие и ринуться на общего врага, который отнимает у них свет и воздух».

И в этом смысле я приветствую распространение среди солдат поставленной мне в вину летучки и брошюры.

Но упрек в государственной измене я отшвыриваю в лицо тем, кто постыдно вызвал и ведет эту самую разбойничью из всех разбойничьих войн, в своих личных интересах, экономических и политических, при потворстве бессовестного правительства, — тем, кто виновен в обнищании всей Европы, на чьих руках кровь миллионов: германскому правительству, немецким империалистам; тем, кто обвиняет меня в компании с худшими провокаторами войны во враждебных нам государствах,—тем, у кого и в данный момент не хватает духу сделать логические выводы из их же собственного обвинения, которое они взвели на меня. *Где* находятся настоящие государственные изменники—

и что они сидят же на скамье подсудимых — это я доказал уже 3 июня.

Каково бы ни было решение суда, я останусь при своих политических взглядах, останусь социалистом-интернационалистом.

И свою политическую борьбу, свою международно-социалистическую борьбу буду неуклонно вести по мере своих сил — а приговор можете мне выносить, какой хотите.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин, 28 июня 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

В сегодняшнем заседании, помимо уже данных мною письменных показаний, я еще заявил, что:

1) При аресте я оказывал сопротивление так, как указано в данных обвинения.

2) В распространении брошюры за пределами Берлина я также принимал участие.

3) С целью проведения международной политики я и во время войны вступал в сношения с моими единомышленниками, также и во вражеских странах (см. письменное показание мое от 5 мая).

Я стремлюсь к ослаблению и распаду именно *военной* силы германской империи, поскольку она является военной силой капиталистического правительства и господствующих классов Германии и служит им для достижения империалистских военных целей и для политического и экономического угнетения масс. Я, конечно, одинаково стремлюсь к ослаблению и распаду военной силы и других капиталистических государств. Это я уже неоднократно заявлял.

4) Законы, карающие совершенные мной деяния (§ 89 и пр.) в момент совершения мною указанных деяний были мне хорошо известны.

5) Заключительное слово мое гласило:

«Еще раз выражаю свое удивление по поводу того, что обвинение все еще не решается прямо сказать, что я совершил государственную измену.

Патриотические легенды представителя обвинения возражений не заслуживают.

Я поддерживаю каждую букву моей брошюры. Я сделал то, что считал своим долгом, и буду поступать так же и впредь, каков бы ни был приговор.

Больше мне нечего сказать».

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин, 4 июля 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

Как утверждает мой защитник, 28 июня, говоря по поводу его защитительной речи о моем стремлении всеми силами ослабить и сломить военную силу империалистского германского классового государства—как важнейшее орудие его политической власти—а также, понятным образом, и военную силу всех прочих классовых государств, я употребил еще слова: «*сознательно* и *умышленно*». Слова эти для смысла неважны, так как стремление, по существу своему, включает и сознательность; но, разумеется, их я также поддерживаю.

Мне незачем доказывать, что я весьма далек от желания ослаблять значение своих слов.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

Пишу это не для того, чтобы убедить суд, но чтобы сказать правду.

Еще о «нападении на Германию» и пр.

В течение двух столетий германский империализм был самым аггрессивным в мире; по целям войны, приверженцы ее делятся на следующие главные группы: *политики мирового захвата* (добиваются для Германии положения наиболее могущественной континентальной державы и, в первую голову, низвержения Англии); *заинтерессованные в Берлино-Багдадской железной дороге; «колониальные политики»; эклектики.* На ряду с этими империалистами, заинтересованными в целях войны, чрезвычайно влиятельны в Германии экономические и социальные группы, для которых война сама по себе является источником экономических и иных выгод (поставщики на армию, особенно капиталисты-поставщики вооружения, милитаристы и пр.).

Во всемирных вооружениях, вызванных соперничеством империалистов всех стран, Германия, бесспорно, занимала первое место; к тому же ее политика усиления флота была в высшей степени вызывающей.

В Германии чрезвычайно усилилось пролетарское классовое движение и политическое недовольство; вместе с тем возросло и влияние *внутри страны* лиц, заинтересованных в войне и *целях* войны (бонапартистов).

На ряду с полуабсолютизмом внутренней политики, полный абсолютизм внешней политики и тайная дипломатия играли в Германии более пагубную роль, чем где бы то ни было.

Международные факты империализма (т. е. мировое соперничество на экономической почве, конкуренция вооружений, обострение классовой борьбы, формы внешней политики) — вот более глубокие причины мировой войны.

О непосредственной ответственности за возникновение войны скажу здесь только следующее:

Конфликты из за Марокко и Боснии, из которых первый был грубой провокацией по отношению к Франции, Англии и Италии, второй — по отношению къ Сербии, Италии и России,

всей тяжестью ответственности ложатся на Германию и Австрию. Германия начинает *египтизировать* Турцию.

В 1913 году Австрия покушается напасть на Сербию («Классовая борьба» стр. 13).

Летом 1914 года многое соблазняло австро-германских режиссеров войны к быстрому выступлению.

Россия, как полагали, еще не оправилась после японской, неудачной для нее, войны; она переживала пору глубоких переворотов в хозяйственной сфере жизни, в управлении страной, в организации армии; революционное движение снова усилилось; начались крупные стачки, как раз в области железоделательной промышленности (вооружения).

Во Франции шла борьба из за трехлетнего срока отбывания воинской повинности. Да помимо того, ее внутренне-политическое положение было трудное, что, как полагали, должно было ослабить ее силы в случае войны; 13 июля 1914 года сенатор Эмбер вскрыл все недостатки организации французской армии, в особенности же обороны восточных границ. Еще осенью 1914 года ярые немецкие патриоты ликовали по поводу того, что неприятель, главным образом французы, вооружен и обмундирован крайне убого (башмаки вместо ботфорт, красные штаны).

В англо-германских соглашениях относительно Африки и Востока многие черпали надежду на то, что Англия останется нейтральной и, по примеру ее, воздержится от участия в войне ряд других соперничающих между собой империалистов. Наоборот, другие влиятельные личности и группы, заинтересованные в войне, желали войны именно для разрыва этих соглашений, связывавших им руки; вдобавок, Англия еще не справилась с ирландским кризисом и с сильным стачечным движениемъ—в 1911 году то и другое уже сыграло видную роль в предотвращении войны (из за Агадира).

В Германии все было подготовлено: дарование конституции Эльзас-Лотарингии—что было такою же военной мерой, как и разделение Берлина на два административно-полицейских округа, за-

падный и восточный, и как закон о двойном подданстве—умножение золотого запаса в государственном банке и выпуск мелких банкнот; усиление судостроительства; большой законопроект о государственной обороне, усовершенствование транспортного дела, введение походной серой формы, накопление втайне огромного количества оружия и боевого матерьяла; постройка цеппелинов и летательных машин: сюрпризы техники — 42-дюймовые мортиры, переносные батареи, нового типа подводные лодки, ядовитые газы и пр. И урожай в этом году был превосходный.

В области внутренней политики в Германии—не говоря уже об Австрии—обстоятельства роковым образом складывались так, что в стране усиливалось стремление к спасительной политике *ва-банк*, ставящей все на карту (см. «*Классовую борьбу*», стр. 82). К классовому движению среди пролетариата уже нельзя было относиться шутя — помилуйте! 111 социалдемократов в рейхстаге! Уже в 1913 году и весной 1914 добивались роспуска рейхстага. Прусской и германской «самобытности» в образе трехстепенного избирательного права угрожала опасность, а с нею и всем феодальным позициям и «национальной хозяйственной политике», т. е. сторонникам непомерно высоких таможенных ставок и грабежа народных масс при помощи косвенных налогов. Правительство и, в особенности, милитаризм были дискредитированы выплывшими наружу фактами продажности чиновников и сенсационными процессами (Цаберн). С течением времени это могло стать губительным для господствующих классов. Все опасности рассчитывали сплавить на бонапартистский лад при помощи ловко замышленной войны или же, воспользовавшись паникой, вызванной войной, устранить manu militari: дело шло об империалистском господстве над целым миром и, вдобавок, о классовом господстве.

Сам Бог послал отличный повод — сараевское убийство. Как же было не использовать его?... Это убийство пришлось так кстати немецким, да и австрийским тоже, провокаторам войны, что

еслиб оно не произошло, его пришлось бы выдумать (см. дело Прохаски осенью 1912).

Было желательно при этом использовать также и благоприятное время года—«прежде, чем лист с деревьев опадет», мы снова вернемся домой.

Одурачить народ было всего легче, захватив его врасплох, во время летнего отдыха.

Произведя весь предварительный подсчет, 23-го июля дали сигнал тревоги: ультиматум Сербии, выработанный совместно германским и австрийским правительствами.

Этот ультиматум был началом войны, которую яростно призывали, еще задолго до Сараева, влиятельные круги и в Германии, и в Австрии: в конце июля наиболее влиятельные из газет, агитировавших за войну, беззастенчиво навязывали ее центральным империям, как необходимую, чтобы предупредить объявление войны Германии Россией и Францией, когда они будут готовы— т. е. в 1916 или 1917 году (см. «*Дейтше Тагесцейтунг*» 13 и 14 пр. м.).

31 июля 1914 был предъявлен немецкий ультиматум России (12 часов сроку) и Франции (18 часов).

1-го августа началось вступление германских войск в Люксембург и, одновременно с тем, или еще раньше, позорная попытка склонить Бельгию к унизительному для нее пропуску германских войск через ее территорию.

Но радость по поводу сараевского убийства была слишком явной. Кто же поверит, что прусско-германское правительство, которое с давних времен дружило и браталось с династией убийц, сидевшей на царском престоле, которое поладило с убийцами сербской королевской четы—что это самое правительство вынуждено было, ради спасения «национальной чести» или чего-то в этом роде Германии или Австрии, из-за того, что кто-то где-то кого-то «немножко резал» — начать войну — т. е. резню миллионов? То самое немецкое правительство, которое только что воспретило опубликование и распространение «документов рус-

ской восточной политики»? Этому трудно было поверить даже немцам, которые, как дети, верят сказкам.

Слишком ясно отпечатлелась Каинова печать на австрийском ультиматуме 23 июля.

В Германии все было готово к войне: уже несколько лет, как разработаны в генеральном штабе планы кампании; армия, флот на море и флот воздушный на чеку;—оставалось только создать соответствующее «настроение» в народе, который легче всего было «настроить» против России.

Тут начала показывать свое искусство режиссура—в двух совершенно противоположных направлениях; но дело, ведь, было не в логике.

Сараевское убийство изобразили покушением русского правительства на целостность австрийской империи; наскоро сварганили кровожадный русско-сербский заговор, хотя убийство достаточно объяснялось постыдной политикой угнетения Сербии Австрией и подозрительной политикой натравливания одной национальности на другую, усиленно практиковавшейся в «эпоху Фердинанда».

Одновременно с этим начался «лихорадочный» обмен депеш между двумя императорами и русским царем, подозрительная игра императоров в миролюбие—маневр, имевший целью сделать вид, будто Германия находится в состоянии обороны—довольно неуклюже скомпанованный на взгляд спокойного наблюдателя, но вполне достаточный для тех тревожных дней; онъ, конечно, оказался вполне достаточным и 5-го июня для свеже-испеченных патриотов благоговевшей перед канцлером социал-демократии в германском рейхстаге.

Было сфабриковано «преступление России»,—шедевр «слюнтяя» Бетман-Хольвега, а тем временем шустрая камарилья плевать хотела на это скоморошество и—понятно, за кулисами:—яростными прямыми и косвенными аттаками и подкопами, норовящими устроить coup d'état (см. экстренное приложение к *«Ло-*

кальанцейгеру), старалась принудить правительство к немедленному объявлению мобилизации. Но канцлер со своими застрельщиками и с теми, кто стоял за его спиной, предпочел, однакоже, украдкой мобилизовать все, что возможно было (см. *«Берлин. Тагбл.» Торговый листокъ,* от 25 июня 1914 о мобилизации интендантства). С официальной же мобилизацией ему хотелось повременить до окончания маневров режиссуры. А затем стоит будет нажать на электрическую кнопку и—попробуй-ка поспеть за нами допотопная Россия и распутная Франция.

«Русское преступление»! Это мобилизация-то 30 июля—преступление?. Но, ведь, ультиматум от 28 июля Сербии был уже сам по себе объявлением войны центральными империями согласию, да заодно уж и Италии *(Книга Тройственного Союза).* Но, ведь, Австрия уже 26 июля (см. немецкую *Белую Книгу,* 3, 4) начала войну против маленькой Сербии, которую Россия, как это всем было известно, не могла же покинуть одну в беде. Но, ведь, никто не сомневался, что России и для войны с одной Австрией понадобится вся ее армия, так что толкование канцлера: *«значит и против нас»!* показывает только, что канцлер с жадностью искал предлога, чтобы наконец стать в заученную позу безвинно обиженного, на которого подло напали врасплох.

Прибавьте к этому грубое и провокаторское выступление германского посла в Петербурге (см. пропущенную в Белой Книге царскую депешу от 29 июля) и в Париже, о котором взволнованный друг мира, Жорэс, того же 29 июля поспешил уведомить представителей германской социал-демократии в Брюсселе.

И, наконец, утайка в решительный момент германского ультиматума Бельгии и—даже и по сей день!—всей истории дипломатической подготовки войны, равно как и англо-германских соглашений касательно Африки и Востока.

Стоит ли еще говорить об этом после того, как неистовый граф Ревентлов сам разбил вдребезги этот обман (см. *«Дейтше Тагесцейтунг»* от 13 и 14 июля)—вместе с обманными ссылками

же английский план «уморить голодом Германию», который должен был оправдывать бесчеловечные жестокости подводных лодок (*Дейтш. Тагесц.*» от 15 с. м.), и прочими патриотическими прикрасами?

Разбитого уже не склеишь, господин имперский канцлер. Что с возу упало, то пропало.

Лозунг *«против царизма»* был удобен для неотличавшейся щепетильностью военной режиссуры. Демагоги, сидевшие в правительстве, не даром были так уверены, что одураченный народ, взвинченный этим обвинением, воспламенится священным революционным пылом и даст вовлечь себя в империалистскую завоевательную войну.

«Войну против царизма» повели прежде всего против Франции и Англии, и она началась вторжением германцев в Люксембург и Бельгию и занятием французских рудоносных округов Бриэ и Лонгви, на которые давно зарились Кирдорфы, Круппы, Тиссены, Штуммы, Рехлинги и пр. (*«Классовая борьба»*, стр. 3, 34, 71). Они еще до войны приобрели порядочный кусок этой рудоносной земли; видную роль в *этой* части военной авантюры сыграл и продолжает играть германский кронпринц.

Битва на Марне и военные выступления англичан разбили некоторые стратегические рассчеты.

Приверженцы прежде всего поражения и уничижения Англии, как главнейшей цели войны, окончательно взяли верх—те самые, которые позднее,на основе общих целей войны, объединились в группу континентальных политиков «мирового господства» (в первую голову железозаводчики, аграрии, верфевладельцы, реакционные агитаторы в сфере внутренней политики), в противовес нередко первенствовавшим в правительстве лицам, заинтересованным в берлино-багдадской железной дороге [Гельферих, (см. «*Теглихе Рундшау*», от 23 февраля 1915, Классовая борьба», стр. 84], колониальным политикам а-ля Зольф и эклектикам военных целей а-ля Бетман-Хольвег. Все эти господа мыслили о завоевании

Европы более или менее «умеренно», смотря по тому, как складывалась кон'юнктура войны, и сторонники «мирового господства» называли их прямо «английской партией».

Началась трудная для режиссуры работа. Лозунг «*против царизма*», отслуживший свою службу, надо было стереть и заменить другим: «*против коварного Альбиона*». Рецепт, по которому это делалось, выболтала 5-го марта 1915 «*Дейтше Тагесцейтунг*» (см. «*Классовую борьбу*», стр. 82, прим.).

Уже в начале осени 1914 года были воспрещены цензурою все резкие нападки на царя. Между Берлином и Петербургом протянулись те самые тоненькие паутинки бабьего лета, о которых было столько разговоров.

Немецкий народ, терпеливый как овца и преисполненный стадных чувств, подчинялся всему: и цензуре, и осадному положению, поддавался обману и гнету—«ради отечества». Сперва ему скомандовали: «Направо кругом»! против России. Затем «налево кругом!» против Англии. Вся Германия превратилась в казарму. Еще в августе 1914 года Белая Книга восхваляет Англию за ее старания сохранить мир. Теперь надо было стереть и это. Режиссура превзошла самое себя.

Сперва потешались над английскими «опереточными солдатами» и «балеринами». Потом во всех школах стали учить «*Песнь ненависти*». Пошли варварские натравливанья некоторых начальников — в особенности, кронпринца баварского. На англичан лили помои без конца. Англичан велено было «не брать в плен», и не раз обезоруженных английских солдат беспощадно избивали систематически науськиваемые против них своим начальством немецкие солдаты. «Накажи Боже Англию»! Дух Баралонги сеялся щедрою рукой. Шла адская оргия ненависти и злобы.

Этот дух породил ужас потопления «Лузитании»; его религия—искажение истории с целью опорочения Англии (см. дуэль между Вольфом и Ревентловым, «*Берл. Таг.*» и «*Д. Тагесц.*» от 13 июня 1916). Этот же дух присущ кампании, добивающейся

прямого сообщения Берлин—Багдад, «колониальным политикам» и вихляющим во все стороны эклектикам-империалистам à-ля Бетман-Хольвег.

Еслибы даже не было иного материала для уличения в прямом преступлении центральных империй, достаточно убедительным доказательством была бы одна «железная готовность», а также совершенство немецкой организации вранья о войне, и оно заслуживает некоторых напоминаний (в Австрии, между прочим, дело Прохаски осенью 1912 г.).

Эта фабрикация выдумок о войне была организована не менее блестяще, чем германская армия и мобилизована с такою же изумительной быстротой. И уж конечно, перед решительным шагом канцлер получил из центрального комитета лжи извещение: «Siamo a cavalli» «Все готово к бою». Довольно было повернуть ручку: открылись шлюзы, и вес мир наводнен был немецкой «правдой».

Сербско-русское подстрекательство к убийству в Сараеве; гнусное предательство России, не сдержавшей слова; бесчинства казаков в Восточной Пруссии (ранее такие казачьи набеги за немецкую границу выносились очень покорно и даже затушевывались. Ведь и немецкий флот уже 1-го августа появился перед Либавой, а немецкая 1/8 вступила в Люксембург); колодцы, отравленные холерными бациллами, налеты вражеских аэропланов на железнодорожный путь под Нюренбергом (вымысел, оффициально опровергнутый лишь через несколько недель—«*Вельт ам Монтаг*» № 22 1916); повсеместно угрожающая мирному населению опасность от вражеских летчиков; всюду предательство, измена, сигналы с ветряных мельниц, световые сигналы; шпионы, переодетые священниками, женщинами, немецкими офицерами; французские золотые автомобили; набег автомобилей с дюжинами французских офицеров на немецкую границу и пр. и пр. Сенсацию нагромождали на сенсацию, одну другой чудовищнее, во вкусе лубочных романов. Не было такой дурацкой сказки, которой бы не верили, вроде утверждения, будто на всех дорогах, с целью возбуждения паники, стреляют в немецких летчиков и т. под.—

Ежедневно подхлестывая нервы, доводили людей до бешенства, до кровожадной ненависти к противнику, до состояния, когда человек совершенно не сознает, что он творит, весь корчится от злобы, ибо только при такой мании преследования может процветать увлечение убийством. Это продолжалось до тех пор, пока патриотически настроенная чернь, при потворстве и даже помощи полиции, не начала неистовствовать, уничтожая и разрывая в клочки все чужестранное, пока обуянные страхом шпионажа не начали доносить сосед на соседа, друг на друга, брат на брата—о дивные августовские дни! Пока спущенные с цепи злоба и трусость милой черни не стали казаться опасными и самому правительству, так как они мешали проведению военных мер и жертвою их становились иной раз важные господа и немецкие офицеры. Тогда порешили, что цель достигнута, и один обман можно постепенно заменить другим: баснями о русских жестокостях, о жестокостях «вольных стрелков в партизанской войне (и это перед лицом немецких зверств в Бельгии, происходивших у всех на глазах!). И снова пошли выколотые глаза, отрубленные руки, рассекаемые на куски дети, папиросы, начиненные порохом, отравления, дюжины трупов немецких солдат в погребах бельгийских монастырей (пока немецкие католики не заявили резкого протеста против телеграммы, посланной по этому поводу кайзером Вильсону); разрубленный на куски и сожженный трактирщик Вебер в Брюсселе; выбрасываемые из окон, накалываемые на пики женщины и дети; нелепейшие басни об английских приготовлениях к войне (как, наприм., меры предосторожности, принятые английскими банками в конце июля); несчетные «письма с театра военных действий», от которых мороз подирал по коже; подложные письма солдат; опубликование исправленных в желательном смысле или просто поддельных документов, взятых из бельгийских архивов (1); история об убийстве Кез-

(1) См. напр. пресловутую переделку «conversations» в «conventions» и многое другое в «La Belgique neutre et loyale» Ваксвейлера, протест против которой потерпел полную неудачу.

мента—Финдлеем; пули дум-дум (это при 42-дюймовых мортирах, ядовитых газах, «греческом огне» и т. под; впрочем и немецкая армия, по меньшей мере, своевременно начала стрелять и из ружей разрывными пулями);—словом, нескончаемый поток нелепостей и грязи. Ура! да здравствуют немецкие молотильщики! (Словечко кайзера).

И тут же лицемерный крик немецких спекулянтов, наживающихся на войне, об английской «торгашеской душе»—и наветы на «дружественных Согласию» иностранных художников, которые «зарабатывают свой хлеб в Германии» (см. участь Ходлера в Iене и пр.). И это во время войны, построенной на самой безудержной жажде наживы.

«Идеалистическое» настроение и благородное негодование немецких лавочников.

Уморительные протесты профессоров против неправды о Германии, распространяемой за границей.

Ложь об англичанах, обманно пользующихся чужими флагами—когда в германском флоте с самого начама войны считалось «дозволительной военной хитростью» выкидывать чужие флаги и замаскировываться под суда других национальностей [Эмден, Гебен и др. «Чайка» (Die Möwe) даже ухитрялась приманивать добычу обманным сигналом о гибели, о чем с торжеством сама телеграфировала в немецкие газеты].

Маккиавеллевское негодование по поводу поставок американцами оружия, английского замысла взять измором Германию (блокада), вооружения английских торговых судов (а немецкие торговые суда — не вооружены?). Травля враждебных стран за «дурное обращение» съ военнопленными—когда в самой Германии обращение с пленными, содержание и питание их поставлено из рук вон плохо. Лживые уверения, будто в Англии интернированы все немецкие гражданские пленные, когда на самом деле интернизация немцев, живущих в Англии, и то частичная, началась лишь после бомбардировки немцами английских побережных городов, между тем, как в Германии уже в первые дни войны все проживавшие там подданные воюющих с Германией

держав, даже больные, были интернированы и подвергались постыднейшим придиркам и гонениям. И кого же выдвигают свидетелем гоненья англичан на мирных иностранцев? — Петерса.

Подлейшая шумиха из-за Баралонги в январе 1916 года, имевшая целью оживление немецкого баралонгского духа; «избиение» немцев в Новой Гвинее (см. взятый обратно запрос Бассермана в рейхстаге) и дело ц. 19; Венизелос, «подкупленный Согласием»; английский «заговор с целью убийства короля Константина» (см. *Д. Тагесц*. 13. 6. 16).

«Вероломство» Италии (которая была верна Германии во всяком случае не меньше, чем Германия Бельгии и той же Италии); ультиматум Сербии — разрыв тройственного союза; «продажное» итальянское правительство (слова самого канцлера в рейхстаге, в августе 1915); надругательство над трупом такого человека, как Жорэс, которое позволила себе «Брауншвейгская Сельская Газета», использованное в апреле 1916 года Шейдеманом.

Немецкая памятная записка 9. 2. 1916 о вооружении английских торговых судов—раффинированный подлог, раскрыть который в рейхстаге помешала цензура президиума, превысившего свои полномочия.

Прибавьте к этому отвратительный лай профессора Зомбарта, на «япошек с глазами-щелками» и на согласие за союз с этими «полуобезьянами», хотя немецкие патриоты, пока они еще рассчитывали на японские военные корабли, как собаки бегали по пятам за каждым японцем и, не стесняясь, спекулировали на союз с Китаем; впрочем, они и теперь порываются надрать уши немецкой дипломатии за то, что она не сумела заключить союза или, по крайней мере, добиться сепаратного мира с Японией (см. *Д. Тагесц*. 30. 3. 1916. № 165).

А возмущенный крик о том, что англичане и французы берут в солдаты людей иной расы, тогда как в германских войсках сколько угодно солдат из разных турецких племен, и их принимают с распростертыми об'ятиями!

А вранье о немецких целях войны — «свобода морей» — и о

немецкой готовности к миру; а негодование по поводу завоевательных планов противника!

А торжественно провозглашаемая «освободительная миссия» Германии—этого рая с трехстепенными выборами и осадным положением. Это Германия то в роли «освободительницы угнетенных народов»! — Германия, под игом которой стонут зажатые в кулак поляки, датчане и эльзас-лотарингцы; Германия, которая в 1910 году продала на Потсдамском свидании Персию Англии и России за хорошую компенсацию, и с незапамятных времен была прислужницей царизма, помогавшей царю-батюшке мучить порабощенные народы; Германия, в колониальную историю которой вписаны такие имена, как Петерс, Лейст, Велау, принц Аренберг, Трота, — которая и войну то ведет с целью дальнейшего порабощения других народов, и уже в первых числах августа 1914 года придавила своей тяжелой пятой выю несчастного бельгийского народа! «Освободительная миссия» Германии, верной союзницы и друга Австрии, которая только и живет насилием и угнетением несчетных завоеванных ею народов,— союзница Турции, обагрившей свои руки кровью армян и во время этой войны безмерно увеличившей свой грех, учинив жесточайшую резню несчастного армянского народа. Подумать только! Ревентлов ратует за свобождение Индии! Фон Биссинг (вспомните его знаменитый приказ по армии о борьбе с освободительным движением немецкого народа) за освобождение фламандцев! Гинденбург — за освобождение латышей! Тисса — за освобождение поляков! — обратите внимание! подготовляя в то же время новый раздел Польши. И все вместе стоят за образование «Союза русских инородцев», за конгресс «угнетенных наций», за свободное грузинское королевство и за право на революцию — конечно, не у себя дома, а в России и преимущественно в Индии, Египте и Ирландии.

Мыслима ли более гнусная игра, чем та, которую ведет германское правительство с угнетаемыми им нациями в оккупированных областях? Оно оказывает давление на них, толкает к

манит— всеми способами, какие военная власть предоставляет в распоряжение победителя.—Куда манит? Куда толкает? Столетия и австрийская традиция указывают крестный путь.

И на ряду с этим знаменитое: «Я не знаю более партий» (но при этом остаются трехстепенные выборы в Пруссии, осадное положение и полиция, милитаризм и свинцовые бобы рабочим)— слово, об'являющее илотов рабочего класса равноправным пушечным мясом для монархии и капитализма, — и затем лицемерная комедия гражданского мира и мнимо-новая ориентация с новой интригой, с дружественным социалистам канцлером и яростно преследующим их вице-канцлером.

И на ряду с этим елейное прославление 4-го августа 1914 года,—этого дня предательства немецкой социал-демократии, освященного, как символ немецкой union sacrée.

И на ряду с этим коварное восхваление выдуманных «товарищеских отношений» между офицерством и нижними чинами.

И на ряду с этим умильные речи о милостивом признании заслуг «доблестных героев» рабочего класса; в защиту их стряпается против меня с напускным пафосом и обвинение,— против моих призывов опомниться и освободиться. Во имя чего? Во имя военной диктатуры и трехстепенного избирательного права, которые употребляют все усилия, чтобы возвратившегося домой «героя» пинками ногой вновь загнать в его прежнюю тюрьму?

Не забудьте финансовых ухищрений Лоу-Калонна-Гельфериха из Немецкого Банка, этого творца новой немецкой системы хозяйства, построенной на выпуске бумажных денег и разбойнической реформе налогового обложения — искусника, к которому можно применить сказанное о Неккере;

«Напрасно стал бы мудрец искать в тебе государственного человека; он найдет в тебе лишь ловкого авантюриста, спекулянта и, не будучи пророком, может напророчить тебе судьбу Лоу».

Не забудьте прежде всего, что народные массы голодают и что правительство подло отдало их на произвол торгашей капи-

талистов и аграриев, лживыми обещаниями и заклинаниями стараясь усмирить их гнев и отвратить его от истинных виновников происходящего.

Не забудьте также улавливания душ, систематического давления на беззащитных пленных в немецких лагерях военнопленных, с целью склонить их к измене своей родине — сюда относится и недавнее посещение турецким депутатом Цоссенского лагеря; ведь это оффициальная немецкая фабрикация революционеров — для других стран.

И, прежде всего, не забудьте, что цензура — даже и в парламентах—систематически искажает общественное мнение, душит правду, разум и критику.

И перед лицом всего этого трубить о своей добросовестности, о честном отношении к себе в укор «изолгавшейся загранице»!

Не исчерпать этого моря позорных дел германского правительства.

Но все ответственные и безответственные за этот позор и за эту войну, имеющие к тому же наглость говорить о нападении на Германию и о тяжких преступлениях других правительств, не уйдут от ответа; и социальная революция, которая освободит немецкий народ от этого проклятого режима, будет вместе с тем и революцией презрения.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Копия.

Заявление председателя суда об апелляции.

Исполняющий обязанности председателя комендатурного суда в Берлине в сегодняшнем докладе нижеподписавшемуся члену суда, представителю военной юстиции, устно заявил, что он подает апелляцию на приговор, вынесенный 28 VI 1916 солдату рабочего батальона Либкнехту, на следующих основаниях:

Примененные к нему отдельные меры наказания и вся кара в общей сложности черзчур незначительны. В особенности, кара за покушение на государственную измену, в связи с минимальною

мерой наказания, налагаемой законом за упорное неповиновение. Вся обстановка преступления и размеры вреда, который мог быть нанесен государству, требуют более строгой кары.

В виду того, что обвиняемый действовал умышленно и сознательно в ущерб своему отечеству и притом в такое время, когда оно находилось в самом затруднительном положении, явно, что действия его вытекают из бесчестного отношения к своему долгу гражданина, что̀ является показанием к лишению гражданской чести.

При определении наказания за противодействие административным властям не принята в должной мере в рассчет опасность выступления обвиняемого среди возбужденной толпы.

Д-р Керренс, Член Военного Суда.

Берлин, 1 июля 1916.

С подлинным верно:

Д-р Керренс, Член Военного Суда.

Кассационное прошение защитника.

5-го июля обвиняемому было пред'явлено мотивированное заявление председателя суда. Обвиняемый ответил следующим:

Берлин, 6 июля 1916.

В Суд Берлинской Королевской Комендатуры.

В ответ на пред'явленное мне вчера апелляционное заявление председателя суда по уголовному делу, возбужденному против меня, заявляю:

Я оказывал сопротивление капиталистическому правительству Германии для того, чтобы положить конец его губительному походу на народную массу. Я восстал против правящих классов Германии, чтобы спасти народ, вырвав его из грабительских лап. Я сорвал личину с империалистов, выставляющих себя благодетелями народа, чтобы народ увидел, кто его настоящие враги и отшатнулся от них. Я веду борьбу с правительствами и правящими классами всех стран за рабочие классы всех стран.

Председатель назвал меня бесчестным, потому что я не прислужник Гогенцолерна и Круппа, а сознательное орудие международной социалистической демократии,—не рыночный глашатай ненависти к другим народам и жажды завоеваний, а пропагандист пролетарской классовой борьбы и мира между народами.

Но ненависть, клянущая меня, зовя бесчестным, составляет мою гордость, и слово это и я произношу в свою очередь:

Бесчестным *я* зову того, кто оказывает содействие политике обмана масс и массовой резни и строит ковы против меня под прикрытием цензуры и во мраке закрытых заседаний; бесчестным *я* зову того, кто старается запутать смысл своих намерений и моей борьбы обманными шутовскими речами об «отечестве». И бесчестен, если только сам он не шут, тот, кто зовет меня бесчестным.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин, 17 июля 1916.

В суд берлинской королевской комендатуры.

К уголовному делу против меня.

Мне сообщили, что 10 июля арестована моя приятельница Роза Люксенбург. Агенты военного сыска обманом заманили ее и посадили в тюрьму, где она, при своем слабом здоровьи, окончательно захиреет в скверном воздухе и без движения.

В феврале 1915 года ее втиснули вместе с воровками и проститутками в зеленый фургон и год продержали в тюрьме. Теперь хотят окончательно уничтожить ее, эту женщину, в тщедушном теле которой живет такая пламенная великая душа, такой смелый, блестящий ум, и которая будет жить в истории человеческой культуры.

Не допускают никаких официальных сообщений о забастовках. Прячут позор. Боятся народной массы. Подлое дело силится защитить себя подлыми средствами.

И эти душители свободы, эти палачи истины—это «германская Империя»! Это они тянутся в нынешнюю войну к скипетру владычества над миром. Победа в *их* руках была бы гибелью для немецкого народа и тяжким испытанием для человечества.

Но сила, которую пытаются одолеть в Розе Люксенбург, могущественнее кулачного права осадного положения. Она разрушит стены тюрьмы и восторжествует.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

---

29 июля Л. послал следующее письмо:

Только что прочел официальное сообщение агентства Вольфа о том, что морской полевой суд в Брюгге 17 с. м. приговорил к смерти английского капитана Фрайта и что Фрайт—по утверждении приговора—тотчас же был растрелян за то, что он, будучи капитаном английского торгового корабля, 28 марта 1915 года пытался потопить немецкую подводную лодку № 33. Происходило это не задолго до злодейского потопления немцами «Лузитании», во время противоречащей международному праву «беспощадной подводной войны». Способы защиты, к которым прибегнул Фрайт, считаются допустимыми не только «враждебной заграницей», но и общественным мнением нейтральных стран и всеми об'ективно и самостоятельно мыслящими немцами. В этом пункте германское правительство, при переговорах с Соединенными Штатами, вынуждено было сделать значительные уступки.

Кроме того, в ноте и памятной записке от 9 февраля 1916 года об обороне вооруженных неприятельских торговых судов, к которым принадлежал и корабль Фрайта, оно такие суда официально причислило к военным судам. Год и три месяца спустя после своей попытки потопления подводной лодки Фрайт, в составе экипажа захваченного английского торгового судна, попал в руки немцев.

Приговор полевого морского суда над капитаном Фрайтом

является актом ненависти и мести Англии, тем более недостойным, чем торжественнее он облекается в тогу правосудия: это порождение того немецкого баралонгского духа, который ныне, под знаком большого наступления держав Согласия и Тирпицовской пропаганды за увеличение подводного флота, снова раздувают и взвинчивают всеми мерами. «Накажи Боже Англию»—за то, что ее торгаши стали поперек дороги нашим торгашам—вот боевой клич, снова раздающийся на немецком фронте (*«Д. Тагесцейт.»* 28 июля).

Приговор, вынесенный в Брюгге, поведет лишь к новому состязанию в репрессиях, к новым неистовствам над ни в чем неповинными и безоружными людьми: Баралонга порождает Баралонгу.

И здесь опять таки нечистая совесть правительства не допускает критики, душит ее при помощи цензуры.

Мне нет надобности заявлять, что я снимаю с себя всякую ответственность за этот приговор и его исполнение, покрывшее новым позором имя Германии.

Берлин 29 июля 1916.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

В суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня:

Сегодняшние газеты подтверждают то, что заранее можно было предполагать: германское правительство было непосредственно ознакомлено через американское посольство с делом Фрайатта. Утвердить или не утвердить приговор 27 июля зависело от кайзера или его уполномоченного (§ 420 и сл. в. угол. ул.).

Следовательно, ответственность, о которой я писал (добавление к заявлению от 1-го июля) распространяется и на носителей высшей власти.

Берлин 31 июля 1916.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин 30 июля 1916.

В суд Берлинской Королевской Комендатуры.

К следственному делу против меня.

При разбирательстве дела в первой инстанции никто из свидетелей допрошен не был; по моему, это и было излишним. Я отказываюсь от вызова свидетелей на суд в кассационной инстанции.

Оспариваемый приговор повторяет утверждение обвинительного акта, что «в Германии нет голода». Он также не пытается обосновать это утверждение, которое резко противоречит фактам, и менее всего верно при условии, что имеющихся припасов может хватить на всех, если делить их поровну: чем в большей мере нужда народных масс вызвана социальными различиями и обострена войной вследствие недостатка справедливого распределения, дороговизны, ростовщичества и недостаточной заботливости власть имущих, тем более в ней сказывается действие капитализма и тем более она возмутительна.

В приговоре сказано, что виновность Согласия в возникновении войны общеизвестна.

В доказательство правильности моих суждений о возникновении войны, ее капиталистических и бонапартистских движущих силах и целях, об ее режиссерах (см. в особенности мои письменные заявления от 10-го июня и 1-го июля) сошлюсь пока:

1. На документальный матерьял—полный комплект документов—об Агадирском деле (летом 1911).

2. На документальный матерьял—полный комплект—(письма, телеграммы, инструкции, доклады, записки) германского правительства (пока только министерства иностранных дел, имперского канцлерства министерства колоний) по всем имевшим отношение к войне, письменно по телеграфу или устно, непосредственно и через чье-либо посредство ведшимся переговорам между германским и австрийским правительствами, между имперским правительством и правительствами государств германского союза,

равно как и между отдельными ведомствами имперского правительства, в период между 28 июня (сараевское убийство) и 25 июля 1914 (ультиматум Сербии) и позже, до 4 августа 1914 г.), а также на переговоры, которые в конце июля 1914 года велись относительно компенсации, которая должна была умиротворить тяжко обиженную Италию.

3. На документальный матерьял—полностью!—военного министерства, генерального штаба, морского министерства и морского штаба касательно стратегической, технической и организаціонной подготовки войны за тот же период времени.

4. На документальный матерьял—полностью! — касательно войны тайной гражданской и тайной военной канцелярии за тот же промежуток времени.

Предлагаю:

Присоединить к делу этот матерьял, и притом, как еще раз подчеркиваю, весь полностью, без из'ятий и пропусков.

Из него выяснится, что центральные империи с давних пор готовились к войне и использовали, как повод, сараевское убийство, заведомо ложно выставив его актом, совершенным по инициативе и по соглашению между русским и сербским правительствами. Оставляю за собой право, по представлении этого матерьяла, доказывающего правильность моих суждений, ссылаться на суде и на другие имеющие отношение к делу документы из других периодов времени—на акты германского посольства в Вене, прусских посольств в других государствах германского союза, а также, в отдельных государствах этого союза на матерьял министерств иностранных дел и военного, полицейского, железнодорожного, почтового и финансового ведомств.

Еще несколько замечаний:

Приговор старается оправдать предположение, что я виновен лишь в попытке совершить преступление, а не в самом преступлении, но терпит плачевную неудачу. На стр. 16—18 неоднократно повторяется, что мои поступки «по необходимости» «должны были» оказать содействие врагу; в конце же стр. 18

коротко замечено, что вред, проистекший от таковых моих поступков, «не доказан».

Точно также неоднократно говорится о «неизбежном» вредном воздействии (моих брошюр) на немецкое население; позднее же (стр. 1—19) оказывается, что брошюра моя только «способна была» оказать такое вредное воздействие.

Сопоставьте это с безумной смелостью утверждения, что вина согласия бьет в глаза.

При чтении приговора, по поводу применения данной меры наказания было сказано, что «обвиняемый действовал не из бесчестных побуждений, а на основании своих политических взглядов». В единственном, допущенном цензурой, отчете о моем процессе — в отчете бюро военной печати, слова эти изменены очевидно для того, чтобы подсказать общественному мнению, суду первой инстанции (для письменного приговора) а, может быть, и кассационному суду, желанный лозунг: «*фанатизм*». «*Дейтше Тагесцгйтунг*» с жадностью ухватилась за него. Однако маневр не имел успеха—в писанном приговоре остались прежние слова. Посмотрим, последует ли указанию апелляционный суд.

Отчет военного бюро печати, вообще отличающийся ловким подбором и не менее искусным переводом «отголосков печати» (как например: «Французская Республика», вместо «Французская Революция») и помимо того являет собой образец умелого исправления истины с целью создать соответствующее настроение. Он рассчитан на взвинченность рабочих масс, которые—единственный просвет в эту рабью эпоху—начиная с конца июня, массовыми демонстрациями, все более внушительными и—что еще отраднее—крупными забастовками, в первую голову на заводах, изготовляющих снаряды,—наносят, один за другим, тяжкие удары войне и правительству. От этих ударов не могут уберечь виновных даже и дружеские доносы правления соц.-демократической партии и генеральной комиссии.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин 4 августа 1916.

В Королевский Окружной Суд.

К уголовному делу против меня.

1. Наша цензура не разрешает отнестись сколько-нибудь критически к делу Фрайта, и только в обсуждении английской печати вскрывается весь военно-политический смысл этого дела.

Граф Ревентлов восхваляет «проясняющее» действие тирпициады, являющейся своего рода военно-полевым судом, дополнением к которому служат недавние воздушные налеты на незащищенные английские города.

Этим путем надеются почти автоматически осуществить беспощадную подводную войну, вырвав с корнем ненавистную мысль об англо-германском соглашении.

Как утверждение вынесеннаго в Брюгге приговора, так и лживая, науськивающая защита его оффициозами в нынешней полемике между агентствами Рейтер и Вольф, вместе с усилившейся снова деятельностью цеппелинов, наглядно показывают, что германское правительство, несмотря на все свои маневры, продолжает плавать в разбойничьемъ фарватере.

Роджер Кезмент, вообразивший, будто с помощью германского милитаризма он может освободить свой несчастный народ, искупил смертью свое безумное заблуждение. Он пал жертвой германского правительства. Позорный документ, устанавливающий виновность этого правительства (договор между сэр Роджером Кезментом и товарищем министра Циммерманом 28 декабря 1914 г. и письмо Циммермана от того же дня), я приобщаю в копии к актам моего дела, в котором то же германское правительство силится уличить меня в государственной измене.

Продвижение (sic!) «ирландской бригады» последовало согласно «плану начальника генерального штаба полевой армии» 7-го апреля 1916 г.—это важное раз'яснение к майскому восстанию ирландцев.

Относительно прочих подвигов правительства в области вы-

ращивания и берлинского воспитания государственных изменников «политический отдел генерального штаба» может дать весьма обильный материал.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

11-го августа предложение обвиняемого от 30 июля привлечь к делу новые доказательства было отклонено нижеследующим постановлением суда—полученным 12 августа:

Королевский Окружной Суд
в столичном городе Берлине.
За № 111,873.

Берлин, 1 августа 1916 г.

К следственному делу о солдате рабочего батальона Либкнехте, из рабочей команды Торна, в настоящее время находящемся в Берлине, в северном арестномъ доме.

Требование обвиняемого, заключающееся в его заявлении от 30, 7, 16 в пунктах 1—4, касательно документального материала, согласно §§ 269, 388 5 в. уг. ул., отклоняется, так как содержание вышепомянутых документов для суждения о данном уголовном деле представляется не существенным, равно как и предполагаемый факт, который обвиняемому желательно доказать, будто война с давних пор подготовлялась центральными империями и затеяна под лживым предлогом убийства в Сараеве. Факт этот уже опровергнут письменными документами, касающимися нынешней войны, опубликованными германским правительством, и сам по себе является совершенно не существенным для дела.

Председатель Суда
Ф. Кессель.

Цейтшель,
Младший военный судья.

С подлинным верно:

Цейтшель, член военного суда.

Ответ Либкнехта.

Берлин, 12 августа 1916 г.

В Королевский Окружной Суд в Берлине:

К уголовному делу против меня:

Касательно отклонения моего требования от 30 июля представления суду доказательств.

Оспариваемый мною приговор утверждает:

«что война с давних пор подготовлялась враждебными нам державами».

Я утверждаю:

«что война с давних пор подготовлялась центральными империями. Оба утверждения равно определенны и равно существенны.

Суд, однако же, говорит: «Утверждение обвиняемого совершенно несущественно».

Я утверждаю далее: «Война начата при использовании в качестве предлога сараевского убийства, ложно выставленного, как совершенное по инициативе русского и сербского правительств».

Таким образом, мое утверждение гораздо определеннее и гораздо существеннее, чем утверждение, заключающееся в приговоре.

Но суд говорит: утверждение обвиняемого совершенно несущественно. И, на основании этой «полной несущественности» моего утверждения суд объявляет его недоказуемым. Одновременно с тем суд говорит, что оно «уже опровергнуто». Другими словами: утверждение обвиняемого так неопределенно, что оно—со стороны обвиняемого—не может быть доказано; наоборот, отрицание его достаточно определенно, чтобы быть доказуемым и уже доказанным—против обвиняемого.

Чем же доказано это решительное опровержение моего неопределенного утверждения?

«Уже опубликованными германским правительством документами»—говорит суд.

Какими же именно документами?—Уж не Белой ли Книгой, выпущенной в августе 1914 года, из которой явствует как раз обратное (см. стр. 11 *«Классовой Борьбы»*). «Уже опубликованные германским правительством документы», поскольку они не являются невольным признанием правильности моих утверждений, служат затушевыванию, а не раскрытию истины.

Но суд говорит: они опровергают утверждение обвиняемого.

Я требую предъявления *существенных* документов. Я требую предъявления *полностью* всего документального материала.

Но суд говорит: это слишком неопределенно, это не имеет отношения к сущности дела.

В моем предложении от 30 июля приведены доказательства правильности моих данных о возникновении войны, ее капиталистических и бонапартистских мотивах и целях, об ее организаторах (см. в особенности, письменные заявления от 10 июня и 1 июля).

Но все эти отдельные утверждения обвиняемого—говорит суд—«совершенно не имеют отношения к существу дела». Только то, что утверждается в приговоре, имеет отношение к существу дела. Только то, что противоречит утверждению обвиняемого. Только ссылка суда на «уже опубликованные германским правительством документы».

Таким образом: утверждение касательно виновности «врагов» заранее оказывается имеющим отношение к существу дела, определенным, доказуемым и—без приведения каких-бы то ни было доказательств—доказанным. Утверждение же касательно виновности центральных империй заранее признается «совершенно несущественным», совершенно неопределенным и недоказуемым.

Почему прямо не сказать:

«Доказательства виновности центральных империй, по соображениям государственной пользы, допущены быть не могут. Сомневаться в невинности центральных империй воспрещается: credite quia absurdum—верьте, ибо это нелепо. Приказано утвер-

ждать, что виновны «враги» stat pro ratione voluntas—желание заступает место доводов!

Сказали бы уж прямо, что вы сами отлично знаете, как справедливо мое утверждение, — и просто *не смеете* предъявить требуемые мной документы, так как они уничтожающие для правительств центральных империй.

В декабре 1915 года, в запросе, внесенном в рейхстаг, я требовал от канцлера предъявления этих самых документов. Статс-секретарь фон Ягов наотрез отказался предъявить их и тем признал то, что было уже доказано: преступность германского правительства.

Ныне же отклонение моего требования о предъявлении доказательств, отнюдь не опровергая моих утверждений, только еще раз доказывает: что война с давних пор подготовлялась центральными империями и что сараевское убийство они использовали в качестве предлога, приписав его злоумышлению русского и сербского правительств.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин, 15 августа 1916 г.

В Берлинский Королевский Окружной Суд.

К уголовному делу против меня:

В пятницу некоторые газеты ложно утверждали, будто срок кассации по моему делу истекает 16 августа. Исправить ошибку и огласить подлинный срок до сих пор, т. е. за три дня до указанного срока—не разрешается.

Откуда исходит это ложное сведение, не трудно догадаться. Тут мы имеем дело с ловким фокусом, устроенным почтенной полицией, при благосклонном участии остальных органов осадного положения: военного бюро печати, ставки (Oberkommando) и цензуры. Цель ясна: хотят предупредить новое проявление «военного воодушевления» народных масс, столь же бурное, как то, которое имело место 28 июня.

Хотя за последние недели все политически «неблагонадежные», которых удалось захватить, упрятаны в тюрьму или отправлены в окопы, правительство все еще не доверяет народной любви.

Я же приобщаю к своему делу новое наглядное доказательство того, что в Германии царствует ложь, а правда изгоняется.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

И сегодня в газетах нет опровержения; зато в «*Д. Тагесцейтунг*» на том же месте, где 11 были помещены эти ложные сведения о сроке кассации, красуется заметка об «арестах берлинских социал-демократов», которая служит приблизительно той же цели и явно проистекает из того же неаппетитного источника.

Берлин, 14 августа 1916 г.

Берлин, 16 августа 1916 г.

В Берлинский Королевский Окружной Суд.

По уголовному делу против меня заявляю:

I. Как подтверждается, цензурой строго - настрого воспрещено помещать в газетах какие-либо опровержения ложных сведений о сроке кассации. В «*Форвертсе*» вычеркнуты строки, вносившие поправку. Доказательство тому: свидетельство редактора Штребля, Берлин, Линденштрассе 3.

Для того, чтобы вполне уяснить себе смысл этого запрета, нужно припомнить производимые в последнее время несчетные аресты, домашние обыски, усиленную работу черных кабинетов и недавний приказ о надзоре за полевой почтой (письмами с фронта) «*Берл. Тагбл.*» 31, 7, 16.

II. Германское правительство пользуется казнью Кэзмента, орудия германской же правительственной низости, для травли Англии. Такое бесстыдство правительства и его приспешников превосходит всякие человеческие представления.

Как они мечтают—эти самые люди, по воле которых немецкий пролетариат стал социальной Ирландией и все немецкие борцы за мир опальными людьми—об «эвакуации» оккупированных местностей или об ином «соответствующем обхождении» с населением этих местностей!

Как они собираются сами «соответствующим образом» распорядиться с имперскими землями, согласно давно уж принятым решениям и выработанным планам.

Как бесцеремонно расправлялись они во время войны с «французишками» в имперских землях, с датчанами в Шлезвиге, в том числе и с членами парламента (Пейрот, Матэн, Гансен и др.).

Как они поносили Вейля и Веттерле, которые перешли во французский лагерь, чтобы, на манер Кэзмента, служить освобождению своего отечества.

Как бы они судили такого Вейля или Веттерле—немецкого Кэзмента, если бы он ворвался с французскими войсками в Эльзас-Лотарингию.

Как они ликовали в июле, когда казнили австрийских Кэзментов: Баттисти и Фильци!

Как они набивают тюрьмы бельгийскими патриотами! Как они современем будут сажать в тюрьмы бельгийских, сербских, польских и латышских патриотов, если им удастся ирландизировать Бельгию, Сербию, Курляндию и Польшу! Ведь канцлер именно об этом и мечтает, и именно для Бельгии и Польши, несмотря на сознательные попытки ввести в заблуждение на этот счет общественное мнение социал-демократического большинства, несмотря на недавнюю диверсию Гарнака и способствовавшую ей депешу кайзера, несмотря на мышеловки социальной политики и городского управления, несмотря на комедию гентского и варшавского университетов, несмотря на маскарад варшавского «праздника освобождения» и несмотря на дарованную Польше, курам на смех, «автономию»: она имеет целью только принудить польский народ, поскольку он уже не рабо-

тает на центральные империи, идти на военную службу и воевать с Россией, и освобождает его из русской тюрьмы лишь для того, чтобы посадить его в австро-германский арестный дом. (См. *Польскія Дѣла*», № 31 от 26 января 1916 г.; граф Монте «*Берл. Тагбл.*» 29, 7, 16; Головский о знаменитом «празднике освобождения»).

III. Это не новый, порожденный войной, а исконный и чисто немецкий прием—давлением на иностранцев толкать их на измену отечеству. В 1906 году мне удалось раскрыть инцидент Шен-Брокхузен; он заключался в том, что комиссар берлинской уголовной полиции Шен, под угрозой высылки из пределов Германии, склонял русского купца Брокхузена выдать ему планы русских крепостей. Инцидент этот разыгрался еще, когда теперешний канцлер был министром прусской полиции и покрывал действия комиссара.

IV. Белая книга о Баралонге показывает немцев во всей красе.

Разумеется, глупо во время такой войны говорить о «международном праве». Но если «беспощадная подводная война», как с полным основанием считает английское морское министерство, противоречит международному праву, то международное право должно разрешать поступать по обычаям войны с теми экипажами подводных лодок, которые ведут такую войну.

И если экипаж Баралонги сделал то, что ставит ему в вину германское правительство и что английское оспаривает, то он лишь поступил так, как сотни раз поступали германские войска в Бельгии. И приказ «пленных не брать», приписываемый командиру Баралонги,—лишь отголосок немецкого приказа Трота и той системы, которая именно в эту войну усиленно практиковалась с немецкой стороны по отношению к казакам и прежде всего к англичанам.

Немецкая подводная лодка без предупреждения потопила «*Арабик*». Германское правительство не отрицает факта потопления, ссылаясь лишь, в противоположность английскому, на обоснованное опасение, что «*Арабик*» сам хотел потопить ее.

Английское правительство отнюдь не отказывалось от беспристрастного расследования происшедшего. Наоборот. Оно предлагало рассмотреть дело в нейтральном суде, который уж конечно заслуживал не меньшего доверия, чем непосредственно заинтересованный английский суд.

Более корректного поведения нельзя себе представить.

Английское правительство ставило лишь одно условие: чтобы нейтральный суд разобрал, кроме инцидента с Баралонгой также инцидент с потоплением *«Арабика»* и еще два аналогичных, почти одновременно происшедших случая; в них, по утверждению английского правительства, немецкие военные суда поступали приблизительно так же, как в инциденте с Баралонгой, по немецкому утверждению, поступило английское военное судно.

Что можно было возразить против этого? Не должно ли было германское правительство с радостью пойти навстречу этому предложению, раз оно во всех трех случаях было так уверено в правоте своих моряков, как оно это утверждает?

Однакоже, оно решительно отклонило английские «притязания» и заявило, что само расследовало все три случая и убедилось, что английские обвинения не обоснованы. Английское правительство ответило, что оно также расследовало инцидент с Баралонгой, но результаты получились совсем другие, чем у германского правительства.

Такова сущность англо-германской переписки по этому поводу до февраля 1916 года.

Последняя английская бумага помечена 25 февраля 1916 года.

Но вот, в половине августа выходит немецкая Белая книга о Баралонге, с немецким послесловием, в котором в нескольких строках истина искажена так, как только можно ее исказить.

Зачем понадобилось через полгода после истории с Баралонгой выпускать эту книгу?

Послесловие объявляет, «в возмездие» за грехи Англии,

«беспощадную воздушную войну» против нее. В возмездие, в отместку! Следовательно, в отместку за то, что германское правительство побоялось отдать на рассмотрение беспристрастного нейтрального суда три инцидента, в которых были замешаны немецкие моряки. Это означает нечто большее, чем имевшие доныне место налеты цеппелинов. Это, надо полагать, означает применение новых отравленных бомб, сбрасываемых с цеппелинов, т. е. то, о чем я писал 5 мая. И во всяком случае, даже по заявлению в послесловии, это означает, что немцы не будут более щадить мирное население, которое до сих пор бомбардировали «только» в неукрепленных городах, рабочих кварталах и т. п. И наряду с подобными угрозами трубят на весь свет о нападениях вражеских летчиков! [1])

Самое омерзительное и здесь опять таки в том, что творящие гнусности прикидываются святошами.

Как будто для германского правительства в этой мировой войне с миллионами жертв, которая ведется с безудержной жестокостью и коварством, с утонченными методами убийства и хладнокровным уничтожением целых дивизий, в этой пляске мертвецов в Европе дело в гибели лишних 15 германских моряков! Да ведь это всего сотая часть потопленных на Лузитании! Как будто в душах тех, кто кричал об инциденте с Баралонгой в рейхстаге, в прессе, в среде самого правительства, шевельнулась хотя на миг тень сострадания!

Люди, быть может павшие жертвами страшного возмездия— ибо Баралонга,если онаи была,—плод семени,посеянного немцами,— с начала войны бессовестно эксплоатировались и эксплоатируются этими циниками, как и жертвы воздушной войны в Карлсруэ, не для того, чтобы искоренить дух Баралонги, а чтобы укрепить его, увековечить, чтобы глубже насадить в человеческих душах звериные инстинкты ради своих военных целей.

---

[1]) Касательно бомбардировки Лондона и других неукрепленных городов см. весьма характерные статьи в «*Винер Фремденблатт*» и «*Дейтшен Тагесцейтунг*»; в последней от 15 января 1915 г. № 27.

Узнаешь опытную руку зачинщиков мировой войны, авторов ультиматума, поставленного Сербии; трупы 19 августа 1915 года— результат того, что делалось в июле 1914 года.

Цивилизованный мир вспомнит об этих немецких циниках каждый раз, как с немецкого воздушного корабля будут сброшены разрушительные бомбы.

Суд над капитаном Фрайаттом, злодеяния цеппелинов за последние недели, Белая Книга о Баралонге и «беспощадная воздушная война», которая должна осуществить чудовищную фантазию Донелли [1]),—ряд успехов Каппа и Юниуса Альтера и переход к последнему высшему торжеству — провозглашению беспощадной подводной войны, для которой также скоро все будет «готово», в том смысле, как понимает это канцлер.

Правительство уже теперь с сенсационною настойчивостью обороняется от «гнусных происков» и опровергает «ни на чем не основанное подозрение», будто оно, из малодушного стремления к примирению с Англией, боится применить против нее такие способы войны, которые бы в краткий срок принудили Англию к миру.

Уже снова сообщают о случаях торпедирования без предупреждения—Тирпиц redivivus!

Игра с откладыванием подводной войны, в которой роли были распределены заранее, подходит к концу—Тирпиц победил по всей линии.

Хоронят чучело новой ориентации. Отзвучали новые песни, выдохлось вино.

Что социал-демократы, рекомендующие «стойко держаться до конца», с их бетмановской замаскированной программой аннексий (см. передовицы в августе 1915 года), с их заискиванием перед германским правительством, с их двусмысленными заверениями в своем сверх-патриотизме и весьма недвусмысленными присягами и верной службой канцлеру «средней линии», искус-

---

[1]) «Демоны» в статуе Цезаря.

ному барышнику «умеренной» завоевательной политики и мастеру околпачивать простаков,—что эти господа и впредь будут стойко топтаться в лакейских министерств, доносить на товарищей и на своих партейтагах и имперских конференциях плясать по дудке канцлера—кто может в этом сомневаться? Остается надеяться, что для этого в партии останется немногим больше полутора Шейдемана. 4 августа, новое чудо—сошествие св. Духа, наитие святой простоты отжило свой век.

И эти полтора Шейдемана будут представлять не немецкий пролетариат, а весьма отличную от пролетариата бюрократию рабочего движения и ее интересы, далеко расходящиеся с интересами пролетариата, — в настоящее время даже противоположные им.

Чтобы осознать всю чудовищность такой эволюции, нужно вспомнить, что английское правительство, хотя немцы и отрицают это, еще в феврале 1915 года готово было заключить мир без завоеваний, притом предоставлявший особые выгоды Германии; но Циммерман, создатель «ирландской бригады», решительно отклонил это предложение. Более того: и сейчас подобный мир в любой момент возможен, как, еще несколько недель тому назад, признавался хорошо осведомленный граф Ревентлов в «*Дейтше Тагесцейтунг*», № 366 от 19, 7, 16.

V. Снова и снова является искушение зарегистрировать все те даже мелкие факты, в которых проявилась политика германского правительства. Но материала слишком много. Всего не записать.

Не стану говорить о том, что со стороны германских властей не было проявлено ни капли сострадания к пленным врагам, ни об охотниках на русскую дичь, которые теперь мечут громы и молнии на английское правительство—за высылку русских военнообязанных. Я не упомяну о курьезном патенте на роль пионера цивилизации, который германское правительство заставило скандинавских социалистов выдать себе в начале августа. Ни о попытках заинтересовать солдатскую массу в разделе добычи и процентах с контрибуции, и всю массу населения — в

участии в прибылях от военных дел при помощи принудительного «народного займа»—способ и гнусный и смешной. Не стану говорить о принудительной подписке на новый военный заем в сберегательных кассах, наполняющий карманы правительства рабочими грошами [1]) и сковывающий руки рабочей молодежи. Не упомяну ни о Зюдекуме и его товарищах,—и это немецкие социал-демократы!—работающих в качестве агентов германского правительства заграницей (в Румынии, Италии и проч.) и в лагерях военнопленных; ни о процессе швейцарских полковников, ни о немецких подкупах заграницей (припомните слова «*Франкфуртер Цейтунг*»: «Не погибать же нам из-за стыдливости», см. также Юниус Альтер в «*Дейтшен Тагесцейтунг*» и проч.).

Укажу только еще на один факт: на дело немецкого атташе посольства в Вашингтоне, подкупавшего людей, которые должны были «наносить ущерб» американской промышленности (в особенности, работающей на оборону) при помощи пороха и динамита. Американские газеты помещали факсимиле чеков, которые «*многое*» (т. е. вину атташе) доказывали с полной несомненностью.

В доказательство прилагаю, пока, копию мейницовской *Памятной записки* германскому правительству от 19 февраля 1916 года.

Куда идти дальше в разбойничестве? Разве это не осуществляет все вожделения восторженных приверженцев насилия? Не часто удается заглянуть в тайны военно-политической черной магии. Можно себе представить, каково то, что еще скрыто от нас.

И вот все это, вместе взятое, и есть то самое «немецкое начало», которое должно «оздоровить» мир. Это и есть «укре-

[1]) Насколько справедливо это обвинение, показывает, между прочим, заявление главнокомандующего восточным фронтом относительно подписки молодежи на военный заем осенью 1916 года—см. «*Берлинер Тагеблатт*» от 29, 8, 16.

пляющая ванна культуры», «обновление христианства», «возрождение человечества» через посредство мировой войны, при помощи обмана и порабощения народов, убивания совести, мороченья людей, подлогов, подкупов, мародерства, вымогательства, лжи, вероломства, предательства, коварства, лицемерия, алчности, человеконенавистничества, насилия, через кровь и пожары, яд и динамит, убийство и безумие, Содом и Гоморру.

Как же тут не кричать:

Долой правительство!

Долой войну!

Долой правительство империализма и трехстепенного избирательного права, в руках которого победа—повторяю это,—была бы гибелью немецкого народа и тяжким испытанием для человечества!

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин, 17 августа 1916 г.

В Берлинский Королевский Окружной Суд.

К уголовному делу против меня:

Самые славные свои победы немецкий милитаризм одерживает в сражениях на родине; но о них не говорят газеты.

Самые славные свои победы он одерживает в битвах с немцами, — голодными, жаждущими свободы, требующими мира. Ежедневно он одерживает победы над безоружными, над женщинами, стариками и детьми — в честь этих побед не звонят колокола.

И пленных он берет тысячами,—но о них ничего не говорится в донесениях Генерального Штаба.

10 июля он стремительной аттакой опрокинул Розу Люксембург. В настоящее время он торжествует новую победу, которую будут воспевать наши потомки: смелым натиском ему удалось одолеть 70-летняго Франца Меринга, под ударами которого некогда дрожал Бисмарк, и забрать его в плен.

Наконец-то! Официальный и оффициозный немецкий мир может вздохнуть свободнее. Наконец-то! Франц Меринг давно это заслужил. И по делом ему.

Зачем он не кадил богам империализма? Зачем остался верен прежним алтарям—алтарям социализма? Зачем, не взирая на свой преклонный возраст, ринулся в бой за святыню Интернационала?

По делом ему.

Ибо, хотя он и учитель немецкого народа,—но не из тех, каких выпускает конюшня г. фон-Тротта в Зольце. Ибо, хотя он и светило немецкой науки, мастер немецкой публицистики, страж и ревнитель немецкой культуры,—но он не из лейб-гвардии Гогенцоллернов. Ибо он разрушитель борусских легенд, а не придворный летописец. Борец за угнетенных, а не наемник власть имущих. Человек, а не лакей.

В такое время, когда официальные представители немецкой науки читают панегирики варварству и торгуют своей музой,—когда жить в мире и сохранять внешнюю свободу может лишь тот, кто обрек себя на внутреннее рабство и умильно виляет хвостом перед военной диктатурой; в такое время, когда «социал-демократы» Ганзены безмерно счастливы, если им разрешают бежать рядом с немецкою государственной каретой и подбирать крохи со стола министров, — когда «социал-демократическим» Шлюку и Яу из милости разрешено втечение нескольких часов поваляться на мягких дворцовых диванах,—в такое время, когда отступники «социал-демократы» свободно греются на солнышке—в такое время *таким* людям, как Франц Меринг, подобает быть не на свободе, а в тюрьме. Ибо тюрьма — единственное место, где в наши дни в Германии порядочный человек может чувствовать себя свободным. Самое почетное место и 70-летнему Францу Мерингу—в тюрьме.

Но работа еще не вся закончена. Еще имеются в Германии тысячи и десятки тысяч мужчин и женщин, которые кричат:

Долой правительство!

Долой войну!

Вперед же, к новым подвигам, превосходительный фон-Кессель!

Вперед, к новым славным победам—над голодными, жаждущими свободы, требующими мира. Над женщинами, детьми и стариками. Чтобы по всей Европе разнеслись отголоски неувядаемой славы Германии.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин, 22 августа 1916 г.

В Берлинский Королевский Окружной Суд.

К уголовному делу против меня прошу приобщить заявление, что цензура и по сей день (включительно), т. е. за 24 часа до срока, не разрешила опубликовать срок кассации и опровергнуть ложное сообщение газет.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин, 23 августа 1916 г.

В Берлинский Королевский Окружной Суд.

По уголовному делу против меня.

В сегодняшнем заседании я укажу на неполноту первого приговора и еще раз повторю заявления, сделанные мною на суде 28 июня (см. документы, представленные мной суду, и мои письма от 28 июня и 1 июля).

Далее, я прочту, с дополнениями, три абзаца из моего заявления от 8-го мая.

Цель войны, к которой я стремлюсь, заключается в том, чтобы все империалистические государства—их правительства и правящие классы—были побеждены,—побеждены массой собственного

народа. Достижение этой цели обусловит собою и единственный прочный мир. единственный мир, который во всех странах будет служить благу народных масс.

Требую, чтобы письменные заявления, в той самой форме, которую я им придал, были включены в приговор.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин, 24 августа 1916.

В Берлинский Королевский Окружной Суд.

К уголовному делу против меня:

Цензура и вчера не пропустила никаких сообщений о сроке разбирательства моего дела.

Сегодня агентство Вольфа выпустило оффициозный «отчет» о вчерашнем заседании. И этот плод творчества военного бюро печати, как и отчет о разбирательстве дела в первой инстанции, сильно расходится с истиной.

Как в том отчете было обманом вставлено словечко: «*фанатизм*» и демагогически приукрашена судейская роль двух защитников, так и теперь в отчете Вольфа говорится:

«Либкнехт сам сознается, что путем распространения своей брошюры и устройства публичной демонстрации он домогался ослабления боевой мощи Германии».

В действительности, я заявил, что стремлюсь ослабить и сломить боевую мощь Германии, т. е. ее капиталистического правительства и господствующих классов, но также, одновременно, и боевую мощь всех прочих капиталистических государств.

По этому вопросу я неоднократно давал разъяснения, устраняющие все сомнения.

Следовательно, вышеприведенные слова отчета являются злоумышленным и сознательным искажением истины — с какою целью догадаться нетрудно.

Это мне и желательно установить.

Суд заседал при закрытых дверях; на всех присутствовавших было наложено форменное обязательство молчания, за нарушение которого полагается кара. Агентство Вольфа в отчете военного бюро печати приводит, хотя и в извращенном виде, часть обоснования приговора, вынесенного в закрытом заседании.

Само собой разумеется, что за это нарушение закона оно никакой каре подвергнуто не будет.

Само собою разумеется также, что и здесь цензура не допустит ни критики приговора, ни поправок к искажениям истины, ни сколько-нибудь правдивого отчета.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин 28 декабря 1916.

Министерство иностранных дел.

(по английски).

Многоуважаемый сэр Роджер,

честь имею подтвердить получение Вашего письма от 23 с. м., в котором Вы предлагаете имперскому германскому правительству сформировать ирландскую бригаду, обязанную сражаться исключительно для защиты дела ирландской нации и имеющую быть сформированной из тех ирландцев, ныне находящихся в Германии в качестве военнопленных, которые пожелают вступить в нее.

В ответ честь имею уведомить Вас, что имперское германское правительство принимает Ваше предложение и согласно на условия, на которых может быть сформирована бригада, и каковые изложены в памятной записке, вложенной в Ваше письмо от 23-го т. м.

Честь имею оставаться

многоуважаемый сэр Роджер

Вашим покорным слугой

(подписано) *Циммерман.*

Товарищ министра иностранных дел.

Его Высокородию
Сэр Роджеру Кэзменту
Эден-Отель.
Курфюрстендамм.
Берлин.

Секретно.

Ст. I.

В виду возможности (With a view... текст английский) приблизить национальное освобождение Ирландии при материальной и моральной поддержке имперского германского правительства, предполагается из ирландских солдат и прочих ирландцев, ныне находящихся в Германии, в качестве военнопленных, сформировать особую бригаду.

Ст. II.

Ирландская бригада будет сражаться исключительно за Ирландию и ни под каким видом не может быть употребляема для служения целям самой Германии.

Ст. III.

Ирландская бригада формируется под знаменем Ирландии и сражается исключительно под этим знаменем. Войскам ее присвоена особая ирландская форма с специальными отличительными знаками.

Командование бригадой будет поручено исключительно ирландским офицерам, как только таковые смогут быть доставлены из Ирландии, или же из Америки. До тех же пор, с согласия сэр Роджера Кэзмента, бригадою будут командовать немецкие офицеры, которым предоставлена дисциплинарная власть над солдатами.

Однако, до тех пор пока бригада состоит под командой немецких офицеров, она не должна выполнять никаких военных операций.

Ст. IV.

(английский текст).

Ирландская бригада получает обмундирование и продовольствие от имперского германского правительства, которое снабжает ее в достаточном количестве также оружием и боевым материалом, с определенным указанием на то, что имперское германское правительство делает все это добровольно и безвозмездно, дабы поддержать стремление ирландцев к независимости.

Ст. V.

Стороны, заключающие между собою этот договор, согласились в том и заявляют здесь формально, что ирландская бригада должна состоять только из людей, добровольно пожелавших послужить делу освобождения Ирландии; поэтому ни один человек из состава ирландской бригады не будет получать жалованья или какого-либо денежного вознаграждения от имперского германского правительства за все время службы в бригаде.

Ст. VI.

Имперское германское правительство берет на себя, «при известных обстоятельствах» переправить ирландскую бригаду в Ирландию, снабдив ее в достаточном количестве оружием и необходимым боевым материалом, а также оказывать ей щедрую военную поддержку, для поднятия ирландцев, которые вместе с бригадой пожелают сделать попытку с оружием в руках вернуть Ирландии национальную свободу.

«Особые обстоятельства», о которых упоминается выше, суть следующие:

В случае морской победы германцев, которая дасть доступ к берегам Ирландии, имперское германское правительство обязуется переправить в Ирландию ирландскую бригаду и немецкий вспомогательный корпус, под начальством немецких офицеров, на немецких транспортных судах, с целью попытаться сделать высадку на ирландском берегу.

Ст. VII.

Высадка в Ирландии может иметь место лишь при условии победы германского флота, открывающей свободный доступ морем к берегам Ирландии. Если же такой успех не выпадет на долю германского флота, Ирландская бригада найдет себе иное применение в пределах самой Германии, однако же исключительно для задач, одобренных сэр Роджером Кэзментом и согласующихся со ст. II.

В таком случае ирландская бригада могла бы быть отправлена в Египет, дабы содействовать изгнанию оттуда англичан и восстановлению независимости Египта.

Если бы даже ирландской бригаде не удалось послужить непосредственно делу освобождения Ирландии из под английского ярма, все же это будет удар, нанесенный британцам, вторгшимся в Египет, и поможет освобождению Египта—делу, родственному освобождению Ирландии.

Ст. VIII.

В случае, если ирландская бригада добровольно решить служить в Египте, имперское германское правительство, при содействии Австро-Венгерского правительства, берет на себя доставить бригаду через Австрию в Константинополь. Далее, имперское германское правительство позаботится о том, чтобы турецкое правительство признало ирландскую бригаду корпусом добровольцев и, в качестве такового, включило его в состав турецкой армии, дабы она могла помочь прогнать англичан из Египта.

Ст. IX.

В случае, если война окончится и ирландская бригада не сможет осуществить цель своего возникновения, а именно «высадку на берегах Ирландии», имперское германское правительство обязуется всякого принадлежащего к составу бригады, по желанию его, переправить в Америку и снабдить средствами в размере, требуемом законом Соед. Штатов об эмигрантах.

Ст. X.

В случае, если ирландская бригада высадится в Ирландии и военные операции ее приведут к ниспровержению британского владычества и к учреждению национального ирландского правительства, имперское германское правительство обещает этому новому ирландскому правительству с своей стороны полную нравственную поддержку и искреннее содействие, в смысле как официального признания, так и общего благожелательного отношения.

Памятная записка.

Между разрывом дипломатических сношений одного из государств Европы с другим таким же европейским государством и объявлением их в состоянии войны между собою быть может разница и не большая. Между разрывом дипломатических сношений Америки с одной из стран Европы и объявлением ей войны Американскою республикою разница огромная. И если в данный момент существует опасность, что естественным следствием известных событий рано или поздно может быть разрыв дипломатических сношений Соед. Штатов с центральными империями, то я заранее хотел бы подчеркнуть, что Америка ни при каких обстоятельствах не примет активного участия в европейской войне с применением всех своих сил. Не потому, чтобы Америка легко отнеслась к потоплению Лузитании, не потому также, чтобы Америка боялась огромных расходов и бедствий, которые влечет за собой большая война, но потому, что, в виду тесной связи Соед. Штатов с Германией в мирное время, это должно повлечь за собой осложнения и в Европе и в Азии, избегать которых—историческая традиция Соед. Штатов со времени их основания.

Американец, по существу, сантиментален. В личной жизни он нередко, на горе себе, позволяет чувству брать верх над разумом. И в жизни нации эта «эмоциональность», вытекающая, как предполагается, из высоких идеалов, играет почти решающую роль. Люди в роде Теодора Рузвельта или покойной м-сс Эдди

умеют этим пользоваться. Оба властвовали и увлекали за собой народ не доводами разума, а тем, что они превосходно знали, как использовать чувства и настроения этого великого народа. Рузвельт, нарядившись в форму «роф-райдера», становится во главе полка, составленного из авантюристов Запада,—и Америка, ликуя, прославляет подвиги храброго полковника в испано-американской войне; Рузвельт взывает к народным инстинктам, весьма мало общего имеющим с разумом,—и народ боготворит его. Тафт, по своей работоспособности и даровитости стоящий много выше Рузвельта, никогда не был близок сердцу американского народа. Он для этого слишком законник, слишком аристократичен и спокоен. Если здесь позволительно употребить сравнение: державы согласия—Рузвельт, центральные державы—Тафт. Чувства и настроения, симпатии и душевные переживания обусловливают собою тот факт, что большинство американского народа ложно судит о борьбе, которую ведет Германия, и, несмотря на всю нашу пропаганду и просветительную работу, до окончания войны и не будет правильно судить о ней. Это началось с Бельгии. Права ли она или неправа, никто не спрашивал—просто всякий был охвачен жалостью к страдающему народу, смертный грех которого лишь в том, что он стал поперек дороги Германии. Нарушение нейтралитета Бельгии сильно повредило Германии в глазах Америки, породило в ней недобрые чувства к Германии, которых уже не искоренишь. Несколько недель спустя, когда пришли первые страшно преувеличенные слухи об ужасах, будто бы, творимых немцами в Бельгии по всем Соединенным Штатам пронесся крик негодования и возмущения, шедший не от разума, а от чувства. Опять таки разум не задавал себе вопроса: правда это или ложь? Негодование росло, и крик о варварстве германцев несся от Тихого океана до Атлантического. А несколько недель спустя получился доклад опять таки о злодействах и ужасах, которые будто бы творят немцы в Бельгии,—доклад, подписанный именем лорда Брейса. Если есть в Америке иностранец, который пользуется любовью и уважением

всего американского народа, так это именно великий автор истории священной римской империи; он в течение многих лет был великобританским послом в Вашингтоне и всегда, в особенности же в своем огромном историческом труде, проявлял объективность по отношению к германской расе. Ни один американец не усомнится в словах лорда Брайса, и его доклад еще более усилил неприязнь к Германии, вызывавшую самые худшие опасения. Германское правительство решительно опровергло утверждения Брайса. Но, по непонятным причинам, опровержение это дошло до Америки лишь два месяца спустя после появления его в печати и лишь в небольших выдержках, так что практическая его ценность, по крайней мере в Соединенных Штатах. сведена была на-нет

Еще немного погодя была потоплена Лузитания. Тут уж в Америке было не до рассуждений. Никто не спрашивал, какие военные соображения вынудили Германию в несколько минут пустить ко дну чудесный пароход и полторы тысячи жизней. Америка видела перед собою только акт бесчеловечия, и жестокость его могла быть смягчена разве лишь тем, что германское правительство оповестило бы американский народ, что весь германский народ скорбит и сожалеет о гибели Лузитании. Этого не сделали, и американский народ естественно проникся убеждением. что все немцы приветствуют потопление Лузитании и считают такие акты дозволенными в подводной войне. В тот момент нейтралитет сердца был подорван для Америки раз навсегда; и если бы вашингтонское правительство в те дни поддалось неразумному, но с американской точки зрения понятному взрыву народного чувства, тогда же рухнул бы и нейтралитет рассудка и, по всей вероятности, тогда же произошел бы разрыв всяких сношений с центральными державами.

Прошло еще несколько недель, наполненных работой нескольких человек, думавших, что они действуют в интересах Германии; на самом деле они страшно вредили ей, расходуя деньги на организацию анархических заговоров,

с целью подрыва американской промышленности посредством пороха и динамита. К этим заговорам оказались прикосновенными морские и военные атташе германского посольства въ Вашингтон, и правительство германского союза было вынуждено отозвать их.

В виду последних событий и того факта, что американскіе газеты получили возможность напечатать чеки, которые «многое доказывают неопровержимо», настроение американского народа, за последние три - четыре месяца более благоприятное Германии, вновь изменилось к худшему; и я имею основание опасаться, что разрыв дипломатических сношений между Соединенными Штатами и Германией—лишь вопросъ времени. Единственное средство, которое могло бы предотвратить этот разрыв, было бы самоубийством для Германии. Цеппелины и подводные лодки для американской народной души—проявления немецкого варварства, которого она не хочет понять; и когда говоришь американцам, что французы и англичане тоже сбрасывают бомбы над Карлсруэ и Штуттгартом и что Германия, в конечномъ счете, делаетъ только то же самое, посылая свои цеппелины въ Англію, они в один голос твердят: «совсем не то же. Лондон—это особый мир. Лондон—это мировой город. Карльсруэ и Штуттгарт, может быть, и очень красивые города; но неужели вы не понимаете, что налет на Вестминстерское Аббатство должен возмутить каждого до глубины души. Трещина между Америкой и Германией ширится и становится глубже, и было бы глупо делать в настоящее время уступки американцам, во избежание разрыва, которого, в конце концов, все равно не предотвратишь. Одно из двух: либо совсем отказаться от подводной войны и оставить дома свои цеппелины—тогда Америка снова станет другом Германии—либо, наконец, уяснить себе, что и въ дальнейшемъ надо действовать беспощадно и что это—логическое следствие доныне применявшихся немцами способов борьбы.

Необходимо также принять в расчет различные теченія в

области внутренней политики, которые в Америке более, чем в какой бы то ни было другой стране, влияют на политику внешнюю. Срок пребывания на своем посту президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона истекает 3 марта 1917 года. Выборы президента состоятся в ноябре, а партийные съезды, на которых каждая партия выдвинет своего кандидата,—в июне. В продолжение марта, апреля и мая месяцев Америка будет всецело поглощена интересами внутренней политики, и потому со стороны Германии, пожалуй, умнее будет выказать беспощадность теперь, а не в июле, когда кандидаты будут уже выставлены. В настоящее время есть достаточно оснований предполагать, что президент Вильсон, по мотивам внутренней политики и из личных своих соображений, был бы не прочь, если возможно, оттянуть месяца на два разрыв дипломатических сношений с Германией. В июле у него уже не будет никаких оснований откладывать разрыв; наоборот, разрыв будет ему, пожалуй, и желателен, так как поддержит его популярность, которая очень нужна ему на выборах. Пока он еще не уверен, выставит ли его кандидатом на президентство его партия, и потому предпочитает ни с кем не портить отношений: сегодня он шлет резкую ноту Германии, завтра—не менее резкую Англии и таким образом сохраняет, по мере возможности, добрые отношения со всеми элементами в стране.

Выгоды политики уступчивости со стороны немцев невелики, если только уступка не будет полной; невыгоды, какими бы они ни стали тяжелыми, внесут, по крайней мере, ясность в нездоровые отношения. К этим невыгодам многие относят финансовую и экономическую поддержку, которую Америка может оказать державам согласия. Мне думается, что эта поддержка не может сделаться на много более значительной, чем какова она теперь. И мне хотелось бы подчеркнуть, что отнюдь нельзя сказать с уверенностью, что разрыв сношений между Соединенными Штатами и Германией поведет к объединению их с державами согласия. Разрыв этот будет толкать их в объятия Англии не

сильнее, чем их уже теперь толкают другие соображения. Я, наоборот, склонен думать, основываясь на том факте, что очень многие американцы, лично мне знакомые, такие же германофобы, как и англофобы—я склонен думать, что разрыв с Германией повлечет за собою охлаждение и в отношениях Соединенных Штатов с Англией. Панамериканизм, сознание связанности обеих Америк, отход американских континентов от политики Европы и, в известной степени, и от экономической жизни Европы—вот каковы, по всей вероятности, будут следствия событий двух последних месяцев. И потому тот, кто утверждает, что не уступить теперь американским требованиям—значит играть в руку Англии, ошибается, ибо немецкая неуступчивость вынужденная.

Если бы Америка ввязалась в европейскую войну, то большинство американского народа осудило бы это, как разрыв со всеми политическими традициями и основными принципами Соединенных Штатов. Американцы настроены враждебно по отношению к Германии—частью и к Англии,—но вряд ли они захотят послать в Европу свою армию и флот. Мы совершенно не касаемся здесь того факта, что между Японией и Англией замечается некоторое отчуждение, как фактора, который мог бы повлиять на поступки американцев. Ибо напрасно было бы ждать слишком многого от возможных осложнений на Дальнем Востоке. Напрасно было бы также основывать свои расчеты на том, что в жилах 15—20 миллионов американцев течет немецкая кровь, и возлагать надежды на отсутствие единодушия среди народов Америки.

Резюмируя все предыдущее, я бы сказал:

1) Общественное мнение в Америке, несомненно, настроено *против* Германии, хотя широкие круги американского народа страдают от деспотических приемов Англии в морской войне и потому настроены до известной степени враждебно и по отношению к Англии.

2) Америка никогда не примет активного участия в этой

войне, но она, несомненно, рано или поздно, прервет дипломатические сношения с центральными империями;

Исходя из этих оснований, я прихожу к конечному выводу, что для Германии:

1) политика уступок по отношению к Америке не принесет никакой пользы, но может страшно повредить, так как разрыв дипломатических сношений с Соединенными Штатами через несколько месяцев все равно станет фактом;

2) что разрыв этот может, конечно, затянуть войну, но вряд ли сделает ее более трудной, чем она уже есть.

Если разрыв дипломатических сношений замедлится еще на несколько месяцев, то необходимо использовать это время для попыток принять участие в политической подготовке президентских выборов; для этого надо войти в сношения со некоторыми влиятельными американцами, заведомо дружественно настроенными и по отношению к Германии, и тем самым приобрести влияние. Оно, конечно, не предотвратит разрыва, но может посодействовать тому, чтобы в Америке у власти стали люди, которые так же круто будут поступать с Англией, как теперь американское правительство поступает с Германией. Лозунгом ответственных немецких политиков должно стать старание поссорить Соединенные Штаты с Англией, даже и после разрыва сношений между нами и Америкой, которого предотвратить уже нельзя.

Берлин, 19 февраля 1916 г.

Мейниц.

Копия.

Цоссенская Комендатура
Лагерь Полумесяца.

Лагерь Полумесяца
20 августа 1915 г.

ДОНЕСЕНИЕ.

7 июня в здешний лагерь переведены были для временного пребывания 50 ирландцев в сопровождении немецкого унтер-офицера; 16 июля прибыло еще 5 ирландцев, из них один с переломом ноги, помещенный в лазарет для военнопленных. Таким образом, всего здесь находятся в настоящее время 54 ирландца, а именно:

1 фельдфебель,
1 вице-фельдфебель,
3 сержанта,
3 капрала,
3 ефрейтора,
43 нижних чина.

Ирландцы образуют ирландскую бригаду, сформированную после переговоров министерства иностранных дел с сэром Роджером Кэзментом, борцом за ирландскую независимость.

Прилагаю отношение министерства иностранных дел, от 28 декабря 1914 г., в котором выражается согласие на условия образования ирландской бригады.

Ирландцы, входящие в состав ее, перестают быть германскими военнопленными; они носят ирландскую форму; нашим солдатам дан приказ относиться к ним как к товарищам.

Ирландцы подчинены немецкому подполковнику Бем, из политического отдела генерального штаба, который непосредственно сносится с ирландским унтер-офицером. Последний получил деньги непосредственно: 250 марок из кассы цоссенской комендатуры и 250 марок от подполковника Бема.

И производство ведется непосредственно через подполковника

Бема. Так, до 20 июля были произведены следующие унтер-офицеры:

1 фельдфебель,

1 вице-фельдфебель,

5 сержантов.

Обмундирование было получено здесь в конце июля или в начале августа; в отношении от 20 июля, копия которого прилагается, упоминается об отправке посылки и указывается, как распределить присланное. Ящик с обмундированием был адресован в Цоссен и оттуда прислан сюда. Обмундирование состоит из куртки, брюк и шапки ирландского образца из охотничьего сукна. Всего обмундирования получено на 50 человек и уже распределено между ними. Трое солдат привезли с собой обмундирование из Лимбурга. Прилагаются две фотографии ирландцев.

Некоторые из ирландцев переписываются с сэром Роджером Кэзментом. В письме от 16 августа он сообщает, что, согласно полученным им сведениям, ирландцы вскоре будут переведены отсюда в другое место; в письме от 17 июля жалуется на неудачу, так как в бригаду записалось всего только 50 человек.

6 недель тому назад сэр Роджер Кэзмент с подполковником Бемом был здесь, но с тех пор эти господа лично не посещали ирландцев.

С 18 июня комендатура постановила выплачивать по 2 марки в неделю жалованья каждому не имеющему средств ирландцу и в настоящее время эту плату получают 53 человека.

6-го августа к бригаде для усиления состава унтер-офицеров прикомандирован один немецкий солдат.

В здешнем лагере стараются, по возможности, содействовать намеченным важным планам; но в закрытом лагере, при общении с темнокожими, неизбежны тяжелые недоразумения и неприятности; притом же немецкий унтер-офицер — неподходящий человек для того, чтобы занять самостоятельное положение среди ирландцев.

(Подпись) Капитан

Унтер-офицеру Иорзику. 20 июля 1915.

О нижепоименованных назначениях надлежит сообщить Кего, которому, как фельдфебелю, дана полная власть над ирландцами. включая и Квинлика. Ирландцы подчинены подполковнику Юнгу, заместителем его являетесь вы и принимаете начальство над всеми ирландцами, включая и Кего.

Подпись: подполковник Бем.

Производятся: в фельдфебеля—Кего,

в квартирмейстер-сержанты—Квинлик,

в сержанты—О'Туль, Беверлей и Доулинг.

Июля 1-го назначаю следующих унтер-офицеров в «А» роту ирландской бригады:

Сержант-знаменоносец—капрал Кего.

Квартирмейстер-сержант—капрал Кинлиск.

Сержанты—капралы: О'Туль, Беверлей и Доулинг.

Приказ прочесть всей бригаде.

Берлин, 20 июля 1915.

Сим назначаются следующие нижепоименованные унтер-офицеры в роту «А» ирландской бригады:

Сержант-знаменоносец—капрал Кего.

Квартирмейстер-сержант—капрал Кинлиск.

Сержанты—капралы: Беверлей, О'Туль и Доулинг.

Подпись: Бем.

Генеральный Штаб.

Временно-командующий ротой «А».

Копия. Вельфельсгрунд, 1 октября 1915.

Мое мнение об обращении с северо-африканскими арабами в Вюнсдорфе основывается на донесениях из мусульманского лагеря, которые мне были показаны в генеральном штабе, в

инспекции лагерей военнопленных и комендатуре цоссенского лагеря военнопленных. Сам я в лагере пробыл не более 20 минут и это в счет итти не может.

Позволяю себе прибавить, что, после моего секретного доклада, лично сделанного мною полковнику Копфу в военном министерстве, как бывшему консулу в Тунисе, я от одного из лучших знатоков тунисской жизни, а также от одного тамошнего купца— оба имперские немцы и в настоящее время живут в Германии— получил полное подтверждение правильности моего мнения о характере и образе мыслей туземцев.

Наблюдения свои я производил, главным образом, над тунисцами и алжирцами; о марокканцах знаю меньше, хотя одного держу у себя в доме. Алжирцев я ставлю ниже тунисцев.

Люди эти происходят отнюдь не из высших слоев народа. Наоборот, еще в самом начале войны все жители больших городов Туниса были освобождены за выкуп от воинской повинности и на военную службу шел только всякий сброд. Не может быть и речи о том, что это крупные землевладельцы. Напрасно их не заставляют работать: это противоречит всякому здравому смыслу. Что сами они всячески стараются увильнуть от работы— не удивительно, при их невероятной лени. Не следует также делать разницы в пользу некоторых, несколько более образованных, чем другие. Кто умеет читать и писать—просто получит более легкую работу.

Наша цель—отвлечь их от наших врагов и привлечь к нам. Этого можно достигнуть, лишь показав им, что мы — сила, перед которою ничто не устоит. Доброта и снисходительность пока не применимы. В противоположность гордым арабам Занзибара и прочим восточным народам, привыкшим владычествовать, как, например, турки и албанцы, это—племя рабов, веками угнетаемых своими князьями и чиновниками. Если с такими людьми без всякого основания обращаться ласково, они почуют в этом слабость и им всего будет мало. В северной Африке я часто наблюдал, как хорошее обращение портило слуг с первых же дней.

Только беспощадною строгостью, а затем уже лаской можно сделать из них сколько-нибудь путных людей.

Но показывать им величие Германии надо средствами, доступными их пониманию. Прогулки по Берлину, допускавшиеся у нас, для этой цели совершенно не пригодны. Статуи в Аллее Побед они, по всей вероятности, приняли за итальянские гипсовые фигуры; чернокожие, быть может, и за изображение дьявола,— у негров чорт, ведь, белый, а нас—за поклонников дьявола. В центральной Африке существует поверье, что вбиванием гвоздей прогоняют злых духов, и наши пленные вбивали гвозди в статую Гинденбурга. При этом их провожал шуцман, чтобы защитить их от берлинской «черни».

Таким способом нельзя внушить им уважения к Германии. Для этого пригоднее были бы: огневая аттака наших войск, цеппелины над Вюнсдорфом, грохот железных молотов на заводе и т. под.

Наряду с крайней строгостью в обращении и в принуждении к работе должно проявлять величайшую справедливость. К таким вещам эти сыны Востока чрезвычайно чутки. А я очень и очень сомневаюсь, так-ли к ним до сих пор относились, как бы следовало. Один инцидент в Альтенграбове, когда там еще содержались магометане, показал мне опасность неправильного обращения. В Вюнсдорфе более интеллигентных туземцев все время назначали старшими и начальниками над другими, или как бы посредниками между их товарищами и начальством. Проступки против них рассматривались, как проступки против начальства, и следовательно подлежали военному суду. Таким образом создавалась каста, которая кичится перед низшими и пресмыкается перед высшими, наушничает немцам и может оклеветать перед ними как раз лучшие элементы в лагере.

Обойтись совсем без их помощи нельзя, так как нужно, чтобы за пленными наблюдали люди, говорящие по-арабски; но их надо часто переводить из одного отделения в другое, чтобы они не становились стеной между массой военнопленных и нем-

цами. Надо, чтобы они были только помощниками, но не постоянными начальниками. Сопротивление им должно рассматриваться как сопротивление переданному через них немецкому приказу.

Французы в северной Африке опирались именно на такую касту туземцев-чиновников, главным образом потому, что они не могли выучиться говорить по-арабски. Это и было главною причиной неуспеха их колонизации. Вюнсдорф идет по их стопам.

Но более всего мне внушает опасений вербовка людей для священной войны. Всякая война с неверными для мусульманина—священная война. Значит, и война с нами тоже. Англия, Франция и Италия ограбили Ислам, отняв у него его земли—значит, лозунгом должна быть месть грабителям. Если арабы между собой пожелают назвать эту войну священной—это их дело. Для нас это—восстание угнетенных народов против их угнетателей. Мы можем пойти дальше и сказать: мы глубоко уважаем каждого, кто соблюдает предписания своей религии. Ислам предписывает правоверному священную войну против неверных. И потому мы лучше обращаемся с такими «достойными уважения» людьми. Но ни под каким видом не следует нам самим призывать их к войне, чуть не вымаливать, чтобы они участвовали в ней, называя эту войну священной. А донесения, показанные мне, производят именно такое впечатление. У арабов должно было получиться впечатление, что в их помощи чрезвычайно нуждаются и без них обойтись не могут. Мы выказали себя в их глазах слабыми—так они нас и ценят. После войны немецкие купцы в северной Африке поплатятся за это ухаживанье за всяким сбродом. А если политические условия в северной Африке изменятся, то возможны и худшие последствия.

Мы должны ставить дело так, будто мы оказываем милость, позволяя этим людям участвовать, согласно предписаниям их религии, в войне против Англии, Франции и Италии, причем нам самим это вовсе не нужно.

Если при этом и придется усиленно работать, то я, все же, не думаю, чтобы число записывающихся на службу в Турции значительно убавилось.

Еще и другое в вюнсдорфском лагере должно казаться арабам признаком нашей слабости. Пленным показывают карты, на которых отмечены наши успехи в России. Желал бы я знать, много-ли пленных способны разобраться в такой карте и составить себе понятие о размерах наших завоеваний. Огромное большинство скажет: жалкий же народ эти немцы, если они так радуются, что у них прибавилось на полпальца земли. А те, которые и поймут, преисполнены будут сознанием своего превосходства над другими и не снизойдут до разъяснений.

Обращение с военнопленными мусульманами в настоящее время отнюдь не соответствует тому высокому положению, которое его величество придал германству в мире Ислама.

Но изменить это мне представляется весьма затруднительным.

Подп.: граф *ф. Гарденберг*,
Императ. Генеральн. Консул,
Капитан 3-го гвард. полка.

«Заявление от 2.X.1915».

В письме от 27 т. м. я уже поставил на вид, что мои соображения относятся только к северо-африканским арабам. Арабы же, обитающие на побережьи Индийского Океана, которых я хорошо изучил в бытность мою консулом в Занзибаре, совсем иная раса. По отношению к ним подполковник Белау совершенно прав. Но в лагере Полумесяца таковых не имеется.

В северной Африке военной касты нет; в Рамазан арабы работают, насколько это возможно. Но они объедаются по утрам и долго переваривают пищу, а к вечеру еле ноги волочат от голода. Что касается правил принятия пищи, то это не так важно, хотя, разумеется, желательна известная предупредительность, как, вообще, относительно религиозных вопросов. Я обсуждал это с французским главнокомандующим в Тунисе. Я

спрашивал его, как они поступают во время переходов. Он мне ответил, что Коран разрешает предводителю отряда снимать с своих солдат всякие запреты относительно употребления пищи. Таким образом, он мог это делать по праву, и никогда это не вызывало осложнений. Тогда Турция еще не признавала Тунис французским владением. Мы же союзники султана,—значит, тем более можем ссылаться на разрешение Корана. Только нечистое для мусульман, как, например, свиное мясо, не следует заставлять их употреблять в пищу. Молитва не должна мешать работе. Что пленные в лагере Полумесяца, благодаря нашей доброте, становятся все более требовательными,—это вполне естественно.

О том, как надо поступать с индусами и с русскими мусульманами, не решаюсь высказать определенного суждения.

Подпись: граф *ф. Гарденберг.*

Копия.

Политический Отдел
Генерального Штаба
в Берлине
№ 5305.

Берлин С.-З. 40. 18 Января
1916 г.
Улица Мольтке 8.

Секретно. *Срочно.*

Замест. генер. команд: гвардейского корпуса.

Здесь.

Относительно распоряжения королевского военного министерства от 7, 1. 16 относительно отправки мусульманских военнопленных из Цоссена в Турцию:

По дальнейшему сообщению господина начальника полевых железных дорог предполагается прежде всего около 24 с. м. отправка приблизительно 200 добровольцев в Турцию. Две дальнейших отправки по 900 человек должны быть произведены между 5 и 10 м. Февралем.

Относительно состава этих отправок намечено следующее:

1 отправка. Состав: 200 французских магометан из лагеря Полумесяца. Начальник — поручик запаса Ветцель, при нем

1 переводчик, 1 санитарный унтер-офицер, конвой: 1 унтер-офицер и 10 рядовых.

2 отправка. Состав: остаток французских магометан из лагеря Полумесяца, добровольцы—индусские магометане из того же лагеря и русские магометане из Вейнбергского лагеря; последние для пополнения отправки до числа 900 человек. Начальник—майор-фон-Надельн, при нем подпоручик запаса Гробба, врач и 4 переводчика. Конвой: 2 унтер-офицера, 20 рядовых, 1 музыкант.

3 отправка. 900 русских магометан из Вейнбергского лагеря. Начальник—поручик Белау, при нем подпоручик резерва Беерман, 1 врач, 4 переводчика. Конвой: 2 унтер-офицера, 20 рядовых, 1 музыкант.

По соглашению с королевским военным министерством, покорнейшая просьба к замест. генер. команд. возможно безотлагательно сделать вытекающие из изложенного распоряжения относительно состава отправок.

Копия настоящего отношения отправляется в королевское военное министерство.

Подп. Надольный.

Гвардейский Корпус.
Замест. генер. коман.
Отдел II.
№ 176606.

Берлин, Ц. 2, 19. 1. 1916.
За Литейным домом 3.

Секретно. *Срочно.*

Комендатура лагерей пленных.

Цоссен.

Вам надлежит немедленно сделать все дальнейшие распоряжения относительно состава отправок, требуемые прилагаемым приказом. О сделанном благоволите уведомить.

От замест. Генер. Команд.
Начальн. Штаба.
Подп.: фон Брен.

Комендатура учебного
военнаго плаца
Лагерей пленных. Цоссен.
№ 205.

Цоссен. 22. 1. 1916.

Секретно.

Замест. Генер. Команд. Гвардейского Корпуса.

(Через инспектуру лагерей пленных).

Состав трех отправок, намеченный приказом политического отдела генерального штаба в Берлине, основан на соображениях, представленных генеральному штабу комендатурою. Необходимые распоряжения сделаны. Санитарный персонал будет откомандирован врачем военнопленных, конвои цоссенским и вюнсдорфским гвардейским баталионами ландштурма.

Согласно полученному сегодня телефонному распоряжению военного министерства первая отправка должна отбыть 27. 1. 16. Если бы понадобились еще небольшие изменения в составе отправок, то вопрос о них будет возбужден комендатурою.

Подп.: фон-Эстфельд.

Копия.

Берлинский военный
телеграф.

Телеграмма.

Замест. Генер. Команд. Гвардейского Корпуса.

Просьба предписать 2-ой запасной пулеметной роте принять 2 пулемета 1908 г. с частями и принадлежностями, как делалось для штаба фон-дер-Гольца, из артиллерийского депо в Шпандау и отправить в комендатуру Цоссен для политического отдела генерального штаба. После использования просьба возвратить артиллерийскому депо в Шпандау.

Военный Департамент № 1845. 3. 16.

19. 3. 16.

Гвардейский Корпус
Замест. генер. команд.
Отдѣл Ia.
№ 214515.

Берлин. Ц. 2 20. 3. 1916.
За Литейным домом 3.

Телеграмма.

2-ой запасной пулеметной роте.

Немедленно принять 2 пулемета 1908 г. с частями и принадлежностями, как делалось для штаба фон-дер-Гольць из артиллерийского депо в Шпандау и отправить в комендатуру Цоссен для политического отдела генерального штаба. После использования возвратить артиллерийскому депо в Шпандау.

Замест. генер. команд. гвардии
214515.

Гвардейский Корпус.
Замест. генер. команд.
Отдѣл II.
№ 214515.

Берлин. Ц. 2. 24 6
За литейным домом 3.

Телеграмма.

Военное Министерство. Военный Департамент.

Предполагается, что 2 пулемета 1908 г. с частями и принадлежностями, переданные согласно № 1845/3. 16. а II, предназначены для охраны лагерей Полумесяца и Вейнбергского в Цоссене (Предложение замест. генер. команд. отд. II. 2. 16 170.314). Просьба ответить телеграфом.

Замест. генер. команд. гвардии.
214.515

Политический Отдел
Генерального Штаба
въ Берлине.
№ 6431.

Берлин. С.-З. 40.
20 Марта 1916.
Улица Мольтке. 8.

Секретно.

Замест. генер. команд. Гвардейского Корпуса.
Берлин. Ц. 2.
За Литейным домом 3.

Покорнейшая просьба, в виду имевших место устных переговоров с начальником отделения личного состава замест. генер-команд. гвардейского корпуса поручиком фон-Фойгтс-Ретцем, распорядиться, чтобы находящиеся в распоряжении для особых целей на военном учебном плацу в Цоссене ирландцы немедленно и возможно ускоренно были обучены обращению с немецким пулеметом и чтобы для этого был выставлен в готовности один пулемет с треножником и прочими принадлежностями на названном военном плацу. Ирландский офицер Монтейс имеет принять участие в обучении, как начальник упомянутых ирландцев.

Подпись.

Гвардейский Корпус.
Замест. генер. команд.
Отдѣл II.
№ 230269.

Берлин Ц. 2. 23. 3. 1916
За Литейным домом 3.

Секретно.

1) Канцелярии предписывается написать:

Политический отдел генерального штаба секретно просил 20 с. м. за № 6431 немедленно и возможно ускоренно обучить находящихся в распоряжении для особых целей на военном учебном плацу в Цоссене ирландцев обращению с немецким пулеметом и выставить для этого в готовности один пулемет с треножником и прочими принадлежностями на названном военном плацу. На основании отношения от 10. 2. 16 Отд. II № 179.309 о поведении ирландцев, можно только подчеркнуть,

что последнее все еще подает повод к тем же предположениям.

Здесь нет свободного пулемета для указанной цели, и таковой должен был бы быть отпущен оттуда.

Замест. генер. команд.

Подп. фон-Леверфельд.

Генерал-от-инфантерии, генерал-ад'ютант

Его Императорского и Королевского Величества.

В Королевское военное министерство.

Здесь.

а) Канцелярии предписывается снять копию с отношения к 1) и под ней поставить:

Настоящая копия посылается вследствие секретного отношения от 20-го с. м. № 6431 для сведения с замечанием, что изложенное в нем ходатайство может быть удовлетворено лишь по получении соответствующего предписания от королевского военного министерства.

От замест. генер. команд.

Начальник штаба

Подп. фон-Бремен.

Политическому Отделу Генерального Штаба в Берлине.

Здесь.

Копия.

Берлинский военный телеграф.

Телеграмма.

Подполковнику фон-Фойгтс-Ретц при замест. генер. команд. гвардии.

Комендатурою военного учебного плаца в Цоссен получены понадобившиеся политическому отделу генерального штаба 2 пулемета.

Военный Департамент. № 1952. 3. 16. а 2.

24. 3. 1916.

Замѣст. генер. команд. гвардейского корпуса.
№ 230269
23 Марта 1916.

Берлинский военный телеграф.

Телеграмма.

Принимая во вниманіе, что перевод упомянутых людей должен произойти уже 7 апреля, военное министерство желало бы взять назад свои сомнения относительно дальнейшего оставления людей в Цоссене и покорнейше просит о том же, дабы план начальника штаба полевой армии не потерпел замедления. Обучение должно бы начаться немедленно. Пулемет уже передан.

Военное Министерство № $^{159}/_{16}$

Гвардейский корпус.
Замѣст. генер. команд.
Отд. II. № 230623.
В связи с 230269, 214515.

24. 3. 16.
Берлин Ц. 2. 25. 3. 1916.
За Литейным домом 3.

Секретно.

Телеграмма (в конверте).

1. Комендатуре военного учебнаго плаца Цоссена. Инсп. III Гвард. пехоты.

Вследствие приказа военного министерства от 24. 3. 16 до № $^{159}/_{16}$. интернированные в Цоссене ирландцы должны немедленно быть обучены при 2-х пулеметах, назначенных для этой цели распоряжением военного министерства от 18. 3. 16 № 1815 3. 16 и прибывшими в комендатуру военного учебного плаца Цоссена. Нонтейс принимает участие в обучении, как начальник.

В качестве обучающего персонала запасная пулеметная рота назначает 1 офицера, 2 унтер-офицеров, 8 рядовых. Явиться в комендатуру военного учебного плаца Цоссена в понедельник 27. 3. Помещение и все прочее будет предоставлено комендатурою военного учебного плаца Цоссена.

Замѣст. генер. команд. гвардии. II. 230623.

---

2. *Дополнительно.*

Инспекция лагерей пленных гвардейского корпуса.

1) комендатуре военного учебного плаца Цоссена. Об окончании обучения надлежит доложить замест. генер. команд.

2) Инспекции лагерей пленных гвардейского корпуса.

3) Инспекции III гвард. пехоты.

Дело должно быть ускорено.

От. замест. генер. команд.
Начальник. штаба
подп. фон Бремен.

Копія.

Военное Министерство
№ 30/16

Берлин, 2. 2. 1916.

Военное министерство, по соглашению с баварским, саксонским и вюртембергским королевскими военными министерствами, сочло себя вынужденным, из заботы о немецких военнопленных за границею, согласиться с некоторым расширением действовавших до сих пор оснований, касающихся посещения лагерей военнопленных представителями держав, охраняющих интересы этих лиц.

С отменою всех до сих пор изданных по этому вопросу распоряжений вступают теперь в силу следующие постановления:

1. *Представители держав-защитниц интересовъ наших противников*, поскольку имена их сообщены военному министерству министерством иностранных дел, получают. на основании выданного им военным министерством удостоверения, разрешение *посещать*, без предварительного уведомления, лагери военнопленных и *лазареты*, поскольку в них находятся пленные представляемой державы.

Господ дипломатических или консульских представителей просят *представиться* в начале их посещения коменданту лагеря или его заместителю, *в лазаретах* же *начальнику* или

старшему врачу. *Последним принадлежит право возражать против посещения из медицинских соображений* (опасность заразы и т. п.).

Господам-посетителям разрешается непосредственно на месте доводить о своих наблюдениях и пожеланиях до сведения комендантов лагерей и пр. Если последние не окажутся в состоянии устным путем разрешить вопрос в духе пожеланий господ представителей держав, то да благоволят державы эти в каждом таком случае прибегать к посредничеству прусского военного министерства.

Списки лагерей военнопленных и лазаретов, входящих в веденье держав - защитниц, препровождаются этим державам прусским военным министерством.

Места работ, а также места заключения, в которых отбывают наказание военнопленные, также могут быть посещаемы без предупреждения. Так как они подвергаются частым изменениям, то их нельзя включить в указанный список. Если бы оказывалось желательным посещение таких мест работ или заключения, то соответствующей державе - защитнице надлежит получить о них сведения непосредственно от командующих округами. В Баварии, Саксонии и Вюртемберге подобные запросы должны быть обращены в соответствующие военные министерства.

2. Представители держав-защитниц могут без посторонних слушателей беседовать в лагерях и лазаретах с военнопленными.

3. Те же распоряжения относятся к местам работ и наказания.

4. Только переговоры с такими военнопленными, которые находятся в предварительном заключении, должны вестись при свидетелях.

Означенные пункты переданы министерству иностранных дел для оповещения держав - защитниц и враждебных правительств с просьбою добиться безусловной взаимности со стороны враждебных держав.

Означенные постановления должны теперь же войти в силу в Германии, не ожидая, чтобы обозначились отношения к ним враждебных держав, из которых Франция, впрочем, уже выра-

зила согласие с немецким предложением; в Англии же оно ни в каком случае не встретит затруднений.

Военное министерство имеет честь по этому делу сообщить еще нижеследующее.

Лагери пропаганды также могут без особых условий быть осматриваемы державами-защитницами, в том случае если там имеются пленные представленных державами-защитницами правительств. Дело, главным образом, комендантов устранять нежелательные об'яснения в таких лагерях.

Такие места, где изготовляются военные материалы, не подлежат оглашению в ответ на запросы о существующих местах производства работ.

Тот же принцип должен быть применен и по отношению к местам производства работ, хозяева которых по деловым соображениям не желают разрешать вход в них иностранцам.

Если бы тем не менее какая-либо держава-защитница получила сведения о таких местах и сделала попытку посетить их через своего представителя, то в допущении его следует отказать. Соответствующие учреждения должны поэтому получить от командующих округами указания, что доступ в них во всяком случае должен быть отклоняем, с обоснованием этого тем, что запрещение вызвано военными соображениями.

Подп. Фридрих.

Копия.

Лагерь Полумесяца, 5 Апреля 1916.

Вюнсдорф.
вх. № 2378 . III

Дополнительное донесеніе к путевому донесенію отъ 29.3 1916 на основании устно отданного распоряжения королевской комендатуры лагеря пленных в Цоссене.

В беседе с его превосходительством генерал-лейтенантом Бронзаром последний высказал, что, по мнению турецкого военного министра Энвера-Паши, военнопленные магометане—это люди.

добровольно сдавшиеся врагу. Они трусы, не заслуживают доверия, и предполагается распределить их поэтому по другим полкам. В беседе с самим его превосходительством Энвером-Пашою выяснено было, что большая часть пленных перебежала к нам под огнем с обеих сторон, вследствие распространенного нашим военным управлением, путем летучих листков, плакатов и пр., сообщения о Джихаде; другие же в значительном числе попали в наши руки, раненые, оглушенные газами и по аналогичным причинам. В то же утро Энвер-Паша приказал, чтобы батальон вошел в состав войск без дробления и был представлен ему к личному смотру. Смотр произошел на следующий день. Его превосходительство дал нескольким офицерам повышения, и с тех пор батальон поставлен в особенно хорошие, по турецким понятиям, условия в отношении помещения и пропитания.

Подп. фон-Хадельн.

Копия.

Инспекция лагерей пленных гвардейского корпуса.
Журнал №

11 Февраля 1911.

Отправка мусульман в Турцию.

Замест. генер. команд.

Инспекция прилагает при сем список передвинутых в период между 25.1 и 9.2.16 в Турцию 200 магометан.

Подпись.

Засѣданиe 28. VI. 16.

Представитель обвинения в первой инстанции член военного суда Машке, несоглашавшийся с обвинением в измене отечеству, заменен был вслед за тем членом военного суда Кёрренсом.

Равным образом, непосредственно перед главным заседанием, майор Хабельман, предполагаемый председатель суда, заменен был, в виду отвлечения его служебными обязанностями, майором Рётером. Еще раньше поручик Таленхорст заменен поручиком Хильгенбергом.

Состав суда («военного суда, созванного по распоряжению председателя суда берлинской комендатуры»—как гласит приговор).

Судьи: 1. Майор Рётер—председательствующий. 2. Член военного суда Шрейер—ведущий заседание. 3. Товарищ военного судьи, доктор Риттгаузен. 4. Капитан фон-Узедом. 5. Поручик Хильгенберг.

Представитель обвинения: член военного суда, доктор Кёрренс.

Письмоводитель военного суда Кейкель.

Председатель суда первой инстанции (Суд берлинской комендатуры): Берлинский комендант генерал от кавалерии фон-Бэн; его заместитель, внесший аппеляцию 1 июля, генерал-лейтенант фон-Зеебах. Зал заседаний закрыт. Вход по билетам. Небольшое помещение для зрителей густо наполнено. В помещении для суда много военных.

Начало дела в $9^1/_4$ утра. После приведения ведущим заседание к присяге офицеров, назначенных судьями, обвиняемый допрошен о его личности. Затем представитель обвинения читает постановление о предании суду. Въ связи с этим он ходатайствует об исключении публичности на время судоговорения, а вместе с тем об обсуждении его ходатайства в тайном заседании. Ведущий заседание: имеет ли кто возражения? Обвиняемый: я ждал этого бегства от гласности. Ведущий заседание: Вы сейчас должны приводить по существу доводы против предложения представителя обвинения. Обвиняемый: Как труслив немецкий милитаризм, немецкое военное правосудие! Даже обсуждение об исключении публичности должно вестись при закрытых дверях! Я требую публичности! Имейте достаточно мужества для этого: Ведущий

заседание: Такие речи недопустимы. Прошу публику очистить помещение для зрителей. Публика выходит. Представитель обвинения в тайном заседании обосновывает свое ходатайство о закрытии дверей на все время судоговорения. Он опирается при этом, между прочим, и на то, что даже германское народное представительство, рейстаг, побоялось полной публичности прений в заседании 11 Мая. Обвиняемый: протестую против того, чтобы рейхстаг, этот покорнейший и наиболее жалкий из всех парламентов, не исключая и русской думы, назывался народным представительством. Ведущий заседание: Я не могу терпеть подобного оскорбления. Обвиняемый: Я должен иметь право говорить без прикрас в настоящем политическом деле, где мне приходится отвечать за самые резкие политические нападения на правительство и государственные учреждения. Ведущий заседание: Что имеете вы сказать по поводу ходатайства представителя обвинения? Обвиняемый: Повторяю, что я ждал этого бегства от публичности. Правительство цензуры, осадного положения и нечистой социальной совести, правительство растовщичества пищевыми продуктами и трехклассного избирательного права «для героев отечества», правительство, на котором тяготеет кровавая вина за эту ужаснейшую разбойничью войну, это правительство имеет все основания прятаться в темноту. Милитаризм же никогда не мог выносить света. *Мне* скрывать нечего— ни поступков, за которые я подвергаюсь преследованию, ни моей политики. Политика классовой борьбы и солидарности рабочего класса всех стран требует публичности. Я требую ее во имя международного социализма. Суд удаляется для обсуждения и, после открытия дверей объявляет, что публичность на время судоговорения отменяется. Обвиняемый: Поздравляю господина Бетмана-Хольвега. Ведущий заседание: прошу очистить помещение для зрителей. В публике встает присяжный поверенный Теодор Либкнехт: я прошу разрешения присутствовать на судоговорении для супруги обвиняемаго, для госпожи Розы Люксенбург, лучшого личного и политического друга обвиняемого и

для себя, брата обвиняемого. Ведущий заседание: Кто желает просить о допущении присутствовать при судоговорении, пусть выйдет вперед и доложит мне. Почти все слушатели сделали такие заявления.

После краткого обмена мнений между ведущими заседание и председателем, первый об'являет, что разрешается присутствовать только некоторым находящимся в зале заседания по обязанностям службы (ведомство военной печати и т. п.) офицерам.

Присяжный поверенный Теодор Либкнехт возбужденно: Я хорошенько не понял. Удалены ли также я и жена обвиняемого? Ведущий заседание: Так решено. Обвиняемый кричит вслед своей жене и своему брату, пока они с остальной публикой оставляют зал: Уходите и посмейтесь над всею комедиею! В тайном совещании! Ведущий заседание: Обвиняемый, желаете ли вы высказаться по поводу обвинения? Обвиняемый: Я об'являю следующее (ср. заявление от 28 Іюня). Я изложил свое об'яснение письменно и передаю его теперь суду. Отказываюсь от всяких свидетелей и иных доказательств. На вопросы обвиняемый добавляет еще то, что дополнительно изложено письменно во втором заявлении 28 Іюня и относит свое заявление от 8 Мая к первому, а второй обзац его ко второму пункту.

Затем происходит чтение брошюры: «Идите на майский праздник» и листовки, а также отзывов иностранной печати о демонстрации и брошюре. Последние, как написанные на иностранном языке, переводятся переводчиками. При этом выясняется, что приложенные к актам письменные переводы ведомства военной печати частью весьма неточны, частью прямо извращают текст. Так, судя по ведомству военной печати, «Ла Фронтьер» от 11 Мая назвала манифестацию чествованием французской республики, в действительности речь идет о чествовании французской революции.

Обвиняемый: Устанавливаю, что эти отзывы иностранной прессы выбраны ведомством военной печати с тенденциозной партийностью, которая—мягко говоря—не может быть превзойдена. Не буду входить в подробности.

Защитник: мы отказываемся представить *свой* газетный материал, который гласит совершенно иначе.

Представитель обвинения: за выбор отголосков прессы ответствен *я*.

Обвиняемый: тем хуже! Тогда мои слова одновременно относятся к представителю обвинения и председателю суда.

Обвиняемый: повторяю, что я отказываюсь от всяких свидетелей и доказательств.

Защитник: я тоже не нуждаюсь в дальнейших доказательствах.

Ведущий заседание: полагаю также, что мы не нуждаемся в них.

Представитель обвинения настаивает на прочтении свидетельских показаний относительно распространения брошюры и листовки вне пределов Берлина. По окончании чтения обвиняемый и защитник вновь заявляют о своем отказе от новых доказательств.

Ведущий заседание: Полагаю, что свидетели могут быть отпущены. По требованию представителя обвинения уголовного комисара доктора Наумана задерживают, остальных отпускают. Представитель обвинения: прошу обратить особое внимание переводчиков на то, что они должны соблюдать полную тайну относительно судопроизводства, так как подлежат наказанию за всякое сообщение о нем.

Обвиняемый: И это еще! Не думайте однако, что вы устраняете огласку! Чем больше вы стараетесь добиться этого, тем менее это вам удастся, тем вернее будем мы осмеивать ваши постановления и законы. Также верно, как то, что солнце светит в этом зале, мир узнает о том, что вы хотели бы скрыть во тьме!

Ведущий заседание: представитель обвинения желает только, чтобы переводчикам было особо указано на существующие законоположения.

Обвиняемый: Именно к этому относились мои слова. Ведущий заседание: суд не имеет оснований к отклонению хода-

тайства представителя обвинения; переводчикам ставится на вид § 18 вводного закона к порядку военно-уголовного судопроизводства.

После короткого молчания берет слово представитель обвинения. Его суждения совпадают с обвинительным актом. В конце своей часовой речи он требует за попытку военной измены и неповиновения шесть лет каторжной тюрьмы и пять лет лишения чести.

Защитник в немногих словах оспаривает наличность военной измены.

Суд удаляется для обсуждения. После часа с четвертью обсуждения, во время которого восстановлена публичность, об'является приговор на два года шесть месяцев и пять дней каторжной тюрьмы. Прежде, чем ведущий заседание приступил к обоснованию приговора, представитель обвинения вошел с ходатайством об исключении публичности и на время об'явления оснований приговора.

Обвиняемый: И это еще! Так мало доверия к цензуре! Так много страха перед народом! Но вам не удастся спрятаться!

Ведущий заседание: Обсуждение ходатайства представителя обвинения должно быть тайным, помещение для зрителей должно быть очищено. В тайном заседании представитель обвинения обосновывает свое ходатайство заботой о государственной безопасности. Защитник возражает.

Обвиняемый: Завершите же новый славный подвиг немецкого милитаризма, который хочет завоевать мир и об'ят паническим страхом перед собственным народом! Это достойно правительства, которое бесстыдным хвастовством добивается популярности и заключает в темницу свободу, обращается с истиною, как с контрабандою, и торгует в то же время ложью.

Да! Опасение представителя обвинения, чтобы не потерпела ущерба сила капиталистического правительства, опасение, родившее настоящее дело, вполне основательно! Но именно его заботливость дает мне твердую веру.

Удовлетворяйте же снова ходатайство представителя обвинения, но не обманывайте себя. Вашим постановлением, как

и всем судопроизводством, вы нанесете глубочайшую рану режиму, который вы защищаете.

Суд удаляется затем для короткого совещания и об'являет затем, после открытия дверей, об отклонении ходатайства. Следующее затем устное обоснование приговора состоит из немногих фраз. По обоснованию размера наказания оно гласит: закон не допускает иного наказания кроме каторжной тюрьмы. Так как обвиняемый поступил согласно своим политическим убеждениям, то суд признал достаточным минимальное наказание по закону и не коснулся гражданских почетных прав. (Слово «фанатизм», стоявшее по прозрачным причинам в лживом вольфовском отчете, не было произнесено).

Заседание закрыто в 4 часа.

Обвинительный акт.

Секретно.

В деле обвинения против солдата рабочего батальона Карла Либкнехта за попытку военной измены, связанную с тяжким неповиновением и сопротивлением государственной власти.

А. Доказательства.

I.

1. Послужной список с удостоверениями начальства, стр. $^{139}/_{41}$, 158.

2. Выписка из дисциплинарного суда, стр. 72.

II.

1. Листовка, стр. 17.

2. Брошюры, стр. 16, 80, 119, 131, 161.

III.

Свидетели.

1. Шуцман Беккер, стр. 27.
2. Шуцман Ратке, стр. 45.
3. Шуцман Шнейдер 5061.
4. Вице-фельдфебель Церзевиц, стр. 32.
5. Фельдфебель-лейтенант Шретер, стр. 33.
6. Капитан полиции фон-Арно.
7. Майор полиции Бехман, стр. 73.
8. Военный комисар Неуман, стр. 12.
9. Шуцман уголовной полиции Рейн—944—стр. 13.
10. Полковник фон Гейнеман, стр. 53, 61, 89 , 127.
11. Показание, данное под присягою поручиком фон-Линдштедтом, стр. 122.
12. Показание, данное под присягою поручиком ландвера Геникке, стр. 123.

IV.

Служебные донесение.

1. Полицейской дирекции в Дрездене от 19. 5. 16 (стр. 117).
2. Полицейского управления Геппингена от 22. 5. 16 (стр. 129).
3. Полицейской службы Эсслингена от 27. 5. 16 (стр. 160).
4. Полицейского управления Іены от 31. 5. 16 (стр. 66).
5. Комендатуры вокзала в Гамбурге от 4. 5. 16 (стр. 112).
6. Полицейского президиума в Кельне от 21. 5. 16 (стр. 138).

V.

Распоряжения властей.

1. Распоряжение заместителя ген. ком. III арм. корп. от 7. 2. 15 (стр. 140).
2. Распоряжение 4-ой роты рабочей батареи № 49 от 16 5. 15 и удостоверение подлинности послужного списка (стр. 157).

3. Распоряжение команд. V берлинского округа от 31. 5. 15 (стр. 108).

VI.

Голоса прессы.

1. Бернер Тагвахт № 108 от 9. 5. 16 (стр. 94, 143).
2. Дели Телеграф (Лондон) от 5. 5. 16 (стр. 99, 134).
3. Хет Ньюз ван ден Даг (Амстердам) от 12. 5. 16 (стр. 103. 143).
4. Либерте (Париж) от 6. 5. 16 (стр. 98, 143).
5. Фронтиер (Бельфор) от 11. 5. 16 (стр. 116, 143).
6. Доменика иллюстрата (Милан) от 14. 5. 16 (стр. 143).
7. Бюллетень № 1 Международной социалистической комиссии в Берне от 26. 9. 1915 (стр. 163).

Б. Результаты дознания.

I.

Обвиняемый Либкнехт распространял в конце Апреля и Стр. 12.
1 Мая 1916 г. в Берлине всюду, где он имел возможность, брошюры под заголовком: «Идите на майский праздник», а также листовки. Листовками он приглашал всех противников войны явиться 1 Мая в 8 часов вечера на Потсдамскую Площадь. На листовках значились, как бы в виде лозунга, подчеркнутыя слова: «**хлеба, свободы, мира**!» Сам он с некоторым числом единомышленников появился в назначенное время в штатском платье на Потсдамской площади для участия в майском празднестве и в демонстрации против войны. Всего собралось для той же цели до нескольких сот человек, преимущественно молодежи, в том числе и женщины. Так как Потсдамская площадь уже вследствие закрытия торговых помещений и близости нескольких вокзалов после 8-и часов вечера обычно сильно оживлена, то в упомянутый вечер толпа неоднократно скоплялась, почему вызванные полицейские принимали меры к отливу ее в боковыя улицы и от времени до времени

рассеивали сборища у под'ездов. Изредка из толпы раздавались свистки и крики. До больших нарушений порядка дело, однако не дошло, так как на месте был сильный отряд полиции, который подавлял в зародыше попытки отдельных лиц вызвать беспорядки. В тот момент, когда несколько полицейских старались рассеять скопившуюся перед гостинницей Фюрстенгоф толпу, находившийся среди группы людей обвиняемый
Стр. 27/45. внятным голосом воскликнул. «Долой войну! Долой правительство!» Находившиеся по близости полицейские Беккер и Ратке схватили неизвестного им по имени оратора, чтобы отвести его в
Стр. 28/46. полицейское управление. Обвиняемый оказал сопротивление, отбиваясь руками назад, откидывая назад верхнюю часть тела и
Стр. 28/46. упираясь ногами об землю. Полицейским пришлось прямо «поднять на воздух» задержанного, чтобы повести его дальше. Еще пока его отводили в полицейское управление, обви-
Стр. 74. няемый опять воскликнул: «Долой войну! Долой правительство!» Вскоре после ареста обвиняемого толпа разошлась. Во время описанных происшествий через Потсдамскую пло-
Стр. 34. щадь прошло до нескольких сот солдат, большею частью с вокзала или на вокзал, но участия в демонстрации они не принимали; отдельных из них, которые, повидимому, хотели останавливаться, военные патрули заставляли проходить.

Стр. 138. Распространенные обвиняемым брошюры несут ложную отметку: «печать и издание Павла Фишера, Кельн на Рейне», а брошюры меньшего формата—«печать и издание Фрица Яна, Кельн на Рейне». Текст их начинается с фразы: «Во второй раз день 1 Мая подымается над кровавым морем массовой резни». Далее значится, что «отряды бойцов освобождающего народы социализма избивают друг друга, как беззащитное мясо для пушек в руках капитализма»... «нужда и нищета, дороговизна и голод царят в Германии».

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ СУД
Округа
Резиденции Берлин.

Приговор.

Рассмотрев дело солдата рабочего батальона **Карла Либкнехта**, находящегося в настоящее время в предварительном заключении в Северном арестном доме в Берлине, а до того состоявшего в 118 рабочем батальоне, по обвинении его в покушении на военную измену, в тяжкомъ неповиновении и сопротивлении государственной власти, высший военный суд королевской резиденции Берлин в заседании своем от 25 августа 1916 года, в составе:

Судей:

1. Капитана второго ранга фон Горена, председателя.
2. Тайного советника и советника верховного военного суда, д-ра Глазевальда, ведущего заседание.
3. Советника военного суда К. А.
4. Майора графа фон Калькрейта.
5. Майора Гризера.
6. Капитана Соббетти,
7. Обер лейтенанта Блока.

В качестве представителя обвинения:

Товарища военного прокурора, судьи Цейтшеля.

В качестве делопроизводителя военного суда

секретаря высшего военного суда Вестфаля.

Постановил: кассационную жалобу обвиняемого на приговор военного суда комендатуры резиденции Берлин, отъ 28 июля 1916 года, оставить без последствий; в отношении протеста представителя государственного обвинения на вышеозначенный приговор, таковой отменить как в части определения наказания за каждое преступление в отдельности, так и по совокупности таковых; обвиняемого за покушение на военную измену, отягченное

неповиновением в военное время, а также за сопротивление государственной власти, приговорить к 4 (четырем) годам и 1 (одному) месяцу каторжной тюрьмы, и вместе с тем подвергнуть исключению из армии с лишением гражданских почетных прав на срок 6 (шести) лет и привести в негодность экземпляры брошюры «идите на майский праздник», а также набор и матрицы, служившие для напечатания ее.

В назначенный ему срок каторжной тюрьмы зачесть мѣсяц, отбытый в предварительном заключении.

По справедливости!

Основания, на которых постановлен приговор, сходятся в большей части с основаниями суда комендатуры. Достаточно привести некоторые из них:

. . . .

Распространение брошюры «Идите на майский праздник», раздача листовок с призывом собраться на Потсдамской площади в Берлине 1-го мая 1916 г. в восемь часов вечера и выступление там обвиняемого составляют об'единенный воедино ряд действий. Распространение брошюры имело целью выяснить цели майского праздника, раздача листовок должна была обеспечить наплыв большой толпы в целях демонстрации в одно и то же место, и в один и тот же час. И там обвиняемый открыто провозгласил изложенные в брошюре принципы, ответственность за которые он по собственному заявлению принимает вполне на себя многократно повторенными возгласами: «Долой правительство долой войну». Эти внешним образом разрозненные поступки представляют собой в действительности одно цельное действие, совершенное с заранее обдуманным намерением.

Содействие могуществу враждебной державы—как верно изложила уже предыдущая инстанция, заключается по смыслу § 89 Имперского Улож. о нак. угол. не только в содействии военной мощи врага. Напротив того, понятие могущества враждебной державы, как явствует из того, что во второй части параграфа

употреблено выражение «военное могущество германской империи», следует толковать в более широком смысле. Оно обозначает не только военную силу врага, т. е. не только то, что враг выдвигает против германской империи как непосредственное орудие борьбы, но и все те средства, которыми враг располагает для достижения победы над противником. Таким образом содействием по смыслу § 89 Имп. Ул. о нак. угол. будет и доставление финансовых средств враждебной державе. Так в применении § 69 прежнего прусского Уложения о наказ. 1851 года, послужившего образцом для § 89 Имп. Улож. о нак., прусский суд толковал подписку на французский военный заем 1871 г. прусскими подданными—и вообще все, что оказывает содействие враждебной державе не только в материальном отношении. В этом смысле сюда относятся действия, укрепляющие враждебную державу поддержкой духа сопротивления во время войны у подданных этого государства. См. «Кёлер» государственная измена и измена отечеству в Goltdammer's Archiv т. 51, стр. 280; Гольвег. Военная измена, стр. 46. Эпштейн. Измена отечеству, стр. 37; ф. Лист. Учебник, 20-е изд. стр. 396 и след.

В брошюре сказано, что война ведется только с целью доставить матерьяльные выгоды имущим путем эксплоатации рабочего класса; это утверждение разжигает классовую вражду и подстрекает немецкий народ к восстанию против правительства, доказывая, что оно представляет интересы немецких юнкеров и капиталистов и что оно смертельный враг всяческой свободы. В то же время в брошюре говорится, что враги немцев не французский, русский или английский народ, и этому соответствовали многократные возгласы обвиняемого 1-го мая: «Долой войну, долой правительство!» среди толпы, собравшейся на майский праздник по призыву, заключавшемуся в раздаваемых листовках.

Сведения о брошюре и о событиях на Потсдамской площади 1-го мая 1916 г. проникли в заграничную печать, как видно из вышеприведенных сообщений, подтвержденных самим обвиняемым. Высший военный суд того убеждения, что по мень-

шей мере этим путем, а также посредством устных или письменных сообщений—вполне установлено по общим показаниям, что таковые были сделаны—достигнуто было распространение сведений о брошюре и о демонстрации, создано было впечатление, что правительство германской империи стоит перед большими внутренними затруднениями вследствие усталости от войны значительной части населения. Это способствовало возникновению у враждебных правительств представления, что германская империя не в состоянии будет длить войну ввиду внутренних распрей, и что в самом народе смертельным врагом считают не население государств, ведущих войну с германской империей, а само германское правительство. Высший военный суд пришел поэтому к убеждению, что имевшее место распространение брошюры, призыв на демонстрацию на Потсдамской площади, самая демонстрация и публичные возгласы обвиняемого во время демонстрации могли вызвать у внешних врагов усиленную решимость длить сопротивление, так как создавали впечатление, что Германия вынуждена будет заключить преждевременный мир. Это и является доказательством содействия державам, враждебным Германии и ее союзникам.

Что касается второй части § 89 Улож. о нак., причинения вреда военному могуществу германской империи, то тут речь идет о военной мощи в тесном смысле и следовательно о германской армии и флоте. И в этом случае вред следует точно также понимать не только как непосредственный матерьяльный ущерб. В эту часть параграфа входят и действия, оказывающие чисто психологическое влияние, ослабляя веру в справедливый промысел, парализуя радостную готовность каждого жертвовать собой для достижения почетного мира и подрывая дух дисциплины в армии. Такими действиями являются и подстрекающие призывы брошюры, приведенные при применении к ним первой части § 89; они приурочены были к тому чтобы оказать подобное воздействие, дойдя до сведения солдат, а это обстоятельство признано доказанным ввиду широкого распространения брошюры. Изображение воюющих как

жертв корыстности отдельных классов населения, ради которых их заставляют жертвовать своей жизнью, как овец, которых ведут на бойню, утверждение, что истинным врагом немецкого народа является его собственное правительство, все это ведет к подавлению мужества и воинственности. Дальнейшее же содержание брошюры имеет целью воздействовать главным образом на рабочих, занятых поставкой военных матерьялов, изготовлением снарядов или предметов вооружения или продовольствия для армии. Задача брошюры убедить их в действительной наличности тех зол, о которых говорит обвиняемый, тем самым добиться, чтобы они бросили работу или по меньшей мере выполняли ее ленивее или небрежнее, и этим нанести существенный ущерб военной мощи, способствуя запаздыванию или плохому выполнению поставок на армию.

На подобного же рода воздействие на солдат, которые по некоторым показаниям обвиняемого были тоже свидетелями событий на Потсдамской Площади, а также и на присутствующих там граждан, рассчитана была и самая демонстрация и выступление на ней обвиняемого вечером 1-го мая 1916 г., ибо не может быть сомнений, что при большой потребности в рабочих для военных надобностей среди присутствовавших на площади были и занимающиеся выполнением такого рода работ.

Обвиняемый действовал преднамеренно. Преднамеренность заключается в предусматривании успеха. Безразлично было ли такое предусматривание побудительной причиной его действий. Подобно тому, как виновен в преднамеренной измене отечеству тот, кто знает, что своим участием в подписке на военный заем содействует силе сопротивления врага, хотя бы он при этом руководствовался только личной выгодой, так виновен в преднамеренной измене отечеству, и тем самым в военной измене, тот, кто знает, что оказывает своими поступками содействие врагу или же причиняет ущерб военной силе германской империи или ее союзников; совершенно безразлично, если он даже при этом преследовал лишь свои личные цели или же действовал в интересах

определенной политической партии одной страны или международной группы. Обвиняемый предусматривал оказательство содействия враждебной державе как последствие, вытекающее из его образа действия. Что же касается нанесения ущерба военной мощи германской империи, то он, по собственному показанию, сознательно стремился ослабить и сломить эту мощь. Он заявил, что считает высшей задачей социализма и тем самым своей собственной целью вызвать у сотней тысяч пролетариев солдат мятежный крик: «Мы не будем стрелять», ибо долг международной сплоченности и классовой борьбы должен быть для них выше всяких военных приказов. Совершенно не важно, из каких побуждений он так действовал; столь же безразлично, виновны ли представители одинаковых с ним политических убеждений в других, находящихся в войне с Германией странах в подобных же действиях против своих правительств тоже во имя международной политической пропаганды. К тому же обвиняемый заявил на высшем военном суде, что решительно отказался бы вести во вражеских странах такую же агитацию против тамошних правительств, какую ведет в германской империи против своего. На главном судебном разбирательстве он заявил с большой решительностью, что «скорее вырвал бы себе язык», нежели произнес слово в таком роде.

Но даже и подобный образ действия обвиняемого или подобное выступление других по его наущению в воюющих с Германией странах не противоречил бы его намерению оказать содействие враждебной державе и причинить вред военной мощи германской империи и возможному на деле осуществленiю этого намерения. Преднамеренный же образ действия обвиняемого вытекает, как явствует из его собственных показаний, из сознательного мятежа против закона и порядка; он вполне сознавал незаконность и наказуемость своих действий.

Послужил ли вышеизложенный образ действий обвиняемого на пользу враждебных держав и вместе с тем принес ли он ущерб военной мощи германской империи, т. е. сделалось ли

военное положение противников более благоприятным благодаря этому и пострадала ли от этого германская военная мощь, ничем доказать нельзя. Поэтому, в виду отсутствия доказанности последствий осуществления, остается недоказанной наличность свершенного преступления. Доказано только, что обвиняемый покушался свершить поставленное ему в вину преступление. Его поведение в связи с распространением брошюры и призывом к собранию на Потсдамской площади и его выступление там являются действиями, представляющими начало выполнения замышленного преступления, ибо посредством этих действий предполагалось непосредственно осуществить намеченную цель; и уже в распространении брошюры заключается начало действий, обусловливающих законно установленный состав преступления преднамеренности. См. Рюдорф - Штенглейн, Комментарии к Имперск. Улож. о нак. 4-е изд. Прим. 5 к § 89 Прибавление. Ольсгаузен, Прим. 18 к § 43 Имп. Улож. о нак.

Отсюда следует, что обвиняемый виновен в покушении на измену отечеству в духе § 89 Имп. Улож. о нак., а именно как солдат и во время войны, согласно §§ 92, 57 Воен. имп. Улож. о нак., ибо он действовал в областях, где предписанием императора об'явлено военное положение, что было известно обвиняемому при совершении им преступления.

Из главного разбирательства высший военный суд вынес впечатление о полной сознательности и вменяемости обвиняемого во время свершенных им преступлений. По отношению к установлению наказаний признано было соответственным применить наказание за попытку к военной измене, связанную с тяжким неповиновением во время войны по § 73 Имп. Улож. о нак. из § 58 Воен. Имп. Улож. о нак. §§ 43, 44, 45 Имп. Улож. о нак.

Обвиняемый, чего не приняла во внимание пред'идущая инстанция при наложении наказания, уже подвергался ранее наказанию за подобное же преступление—покушение на государственную измену, и был приговорен к одному году и шести меся-

цам заключения в крепости. В остальном поведение его хорошее. К тому же,—что во всяком случае не было опровергнуто,—он руководствовался мнениями и убеждениями, которые считал верными и которые сбили его с пути. Он был убежден, как высказывал это многократно с большой настойчивостью, что его долг требовал от него тех действий, которые влекут за собой тяжкое наказание каторжной тюрьмой и последствиями этого.

Но он действовал в таком противоречии со своим долгом, как солдата и гражданина своего государства, что назначенное военным судом наказание признано недостаточным; постановлено, в соответствии с его преступлением, приговорить его к четырем годам каторжной тюрьмы.

По вопросу о сопротивлении высший военный суд, принимая во внимание, что оно оказано было по случаю стечения большой толпы и поэтому могло действовать возбуждающим образом на массы, не видит основания признать смягчающие обстоятельства и потому определил наказание в шесть месяцев тюремного заключения, что по § 21 Имп. Улож. о нак. заменяется одним месяцем заключения в каторжной тюрьме.

Приговоры к двум отдельным наказаниям, согласно § 74 Имп. Улож. о нак. сведены к общему наказанию в четыре года и один месяц каторжной тюрьмы. Далее высший военный суд с применением §§ 32, 45 Имп. Улож. о нак. счел соответственным приговорить обвиняемого к лишению гражданского почетного права, что было опущено пред'идущей инстанцией на том основании, что действия обвиняемого не вытекали из бесчестных побуждений.

В такое время, когда большая часть его сограждан, без различия сословия, положения, имущественного состояния стоит под знаменами для обороны отечества и готово пожертвовать жизнью и состоянием для защиты его, обвиняемый распространял брошюру и листки, за содержание которых он берет на себя полную ответственность и в которых доказывается, что враги немецкого народа не французский, русский или английский народ, а

немецкие юнкеры, немецкие капиталисты и представители их деловых интересов—германское правительство. Если он чувствует себя призванным поднять положение рабочего класса путем об'единения так называемых пролетариев всех стран, то это еще не дает ему законного права действовать такими предосудительными средствами, как распространение брошюр подобного содержания. Именно ему, состоявшему в течение многих лет депутатом, должно было быть лучше всего известно, где подобает народу выражать свои желания через своих представителей. Но представляемые им интересы стоят для него выше интересов родины, и он без стеснения унижает правительство собственной страны, гражданскими правами которой пользуется; он даже публично превозглашает, что падение правительства составляет цель, к которой он стремится.

Такой образ действия во вред собственному отечеству, унижение своего правительства, выставляемого в настоящее время войны как истинный враг немецкаго народа, свидетельствует о низком образе мыслей и недостоин всякого честного немца—не говоря уже о немецком солдате, высокое призвание которого заключается в защите отечества. В виду этого не может быть и речи о том, чтобы наряду с единственно соответствующим по закону наказанием каторжной тюрьмой предоставить обвиняемому дальнейшее пользование гражданскими почетными правами.

Срок, на который обвиняемый лишается этого права, определяется по тем же соображениям в шесть лет.

К исключению из армии обвиняемый приговаривается на основании § 31 Военн. имп. улож. о нак.

Председателю
берлинского
королевского окружного суда.

Берлин, 29 августа 1916 г.

К уголовному делу против меня.

Подаю кассационную жалобу на приговор королевского окружного суда в Берлине от 25 с. м.

Оспариваю все содержание приговора и требую отмены его целиком.

Приношу жалобу на нарушение существенных прав.

Дальнейшее обоснование последует после получения приговора и рассмотрения протокола (§ 404 Военн. улож. о нак.).

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

В берлинский окружной суд.

К уголовному делу противъ меня.

Мне заявляют, что в ложном сообщении о сроке второй инстанции виноват подслушавший неверную справку судебный репортер.

Что к истории возникновения ложной справки припутают какого-нибудь репортера, можно было предвидеть с полной безошибочностью. Это ни на грош не меняет оценку происшедшего в глазах всякого, кто знает запутанные теперь более чем когда либо пути лживых рептилий, а также их светобоязнь.

Отпирательство, утаивание, опровержение—все это прямо входит в состав трескучего ремесла официозов, и при этом иногда действительно левая рука какого-нибудь правительственного учреждения не знает, что делает правая. Это, быть может, единственная христианская черта прусского государственного строя.

Кто, кроме ребенка, поверит, что какая-нибудь «Дейтше Тагесцейтунг» напечатала бы при теперешних обстоятельствах ложное сообщение, полагаясь на справку неведомого репортера, причем недостоверность репортеров вошла в пословицу? И пусть по старому прусскому обычаю вешают бедняка, в то время как все пальцы указывают на крупных воров, которые совершенно явно доказали свою ответственность официальным запретом помещать опровержения.

Неужели станут например также отрицать,

— Свидетель: Капитан Кениг в Бремене,—

что «Германия» стояла уже неделю на рейде в Бремене прежде

чем по официальным известиям она с Божьей помощью пришла в Бремен как раз 23 августа?

Или,

— свидетель: журналист Штребель в Берлине, Линденштрассе —

что приговор второй инстанции в достаточно характерной обработке военного ведомства печати разрешен был к опубликованию только 24 августа, как раз тогда когда печать наводнена была нелепой шумихой из-за инцидента с подводной лодкой «Германия» и ее прибытием в Гамбург?

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин, 1 сентября 1918 г.

В берлинский королевский окружной суд.

К уголовному делу против меня.

Только что представленный мне приговор от 25 августа содержит грубые, непростительные нарушения фактической правды (не считая неверных ссылок на мои личные обстоятельства. Откуда в приговоре взяты напр. частью совершенно неверные сведения о моей болезни осенью 1915 года? Во время разбирательства дела об этом не упоминалось ни одним словом!).

Я указываю на следующее:

На стр. 25 сказано голословно:

> «Обвиняемый предусматривал оказательство содействия (!) враждебной державе как последствие, вытекающее из его образа действия».

Это неслыханное искажение того, что происходило в действительности и что стоит вне всяких сомнений. Достаточно сравнить показание от 8-го мая, в особенности выдержки, приведенные в приговоре на стр. 19-ой, и вообще то, что приведено в выдержках на стр. 16 и след. Приговор не делает попытки обоснования. Ни о каком обосновании нет и речи. Показание просто вставлено в приговор, чтобы предотвратить кассацию

посредством удобной формулы. Я требую восстановления фактической правды в передаче обстоятельств дела.

На стр. 26-ой сказано:

> «К тому же обвиняемый заявил на высшем военном суде, что решительно отказался бы вести во вражеских странах такую же агитацию против тамошних правительств, какую ведет в германской империи против своего. На главном судебном разбирательстве он заявил с большой решительностью, что скорее вырвал бы себе язык, нежели произнес слово в таком роде».

Такую с позволения сказать чепуху осмеливаются в приговоре вложить мне в уста! Да еще после заявления от 8-го мая.

В действительности я сказал следующее:

Если бы немецкая оппозиция напрягла все свое влияние, чтобы содействовать движению в пользу мира во «вражеских» странах, и вместе с тем в самой Германии отстаивала бы спокойствие и покорность на словах и на деле, то германское правительство было бы очень довольно. Такого рода тайные планы использовать влияние оппозиции за границей, а у себя дома использовать оборончески настроенных «товарищей», существовали весной 1915 года. Мне осмелился намекнуть на это на фронте один прусский офицер. Я решительно отверг такое предложение, считая его возмутительным. И я бы скорее вырвал себе язык и отрубил руки, нежели вести подобную предательскую политику на пользу и радость германскому империализму.

В протоколе первой инстанции отмечено мое заявление не подлинными моими словами, но все же с некоторым пониманием того, что я говорил. Там сказано:

> «Мне было бы в высшей степени нежелательно вызвать движение в пользу мира за границей, не достигнув этого одновременно и в Германии».

В теперешний протокол мое замечание не внесено. Я требую восстановления и по этому вопросу верного изложения обстоятельств дела.

Я представил свои объяснения написанными черным по белому. Я несколько раз настоятельно требовал, чтобы они положены были в основу приговора только в таком, а не ином виде. После истечения срока я еще раз напомнил об этом моем требовании; я считал, что обеспечиваю себе этим для пересмотра дела рассмотрение моего правдивого и ясного изложения обстоятельств. Но стремление постановить приговор, не допускающий пересмотра, снес все преграды.

Сознаюсь, что после принятых мною мер предосторожности я не считал возможным, чтобы даже на военном суде, даже в тенденциозно-политическом процессе самого низкого разбора прибегали к таким уловкам, которые нельзя объяснить одно только предубежденностью суда.

Суд с важностью устанавливает мою «полную сознательность и вменяемость». Я не могу однако ответить признанием его способности к беспристрастию или даже его искреннего стремления к ней.

В конце приговора говорится о высказанном мною «убеждении, что мой долг» и т. д., но суд чрезвычайно ошибается, предполагая, что я это действительно высказал. От такого рода доверчивых излияний меня удерживало мое принципиальное непризнание всей процедуры суда, а от такого ребячества здравый разум. Я не высказывал суду своих «убеждений», а только выяснил мое революционное отношение к учреждениям и требованиям классового государства: из этого отношения следует также, что я холодно отклоняю все соображения суда о «тяжких» последствиях наказания для меня и моей семьи.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

3/18 сентября обвиняемый передал следующие семь «заметок», из которых шесть составлены были в августе 1915 г., остальные же—в августе 1916.

Берлин, 3 сентября 1916.

К моему уголовному делу:

Передаю несколько (шесть) заметок, которые были почти целиком написаны еще перед главным разбирательством второй инстанции, но вполне закончены только теперь.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Переписка начисто вызвала новую задержку. Прилагаю еще заметку № 7, написанную в августе 1915 г.—очерк «В Нессовой одежде революции». События происшедшие после 3-го сентября, приняты были мною во внимание в окончательной редакции.

Берлин, 18 сентября 1916.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

1. О причинах войны.

Написанные за несколько поколений до нас слова Поля-де-Лагарда: «Если Россия откажется за деньги и ласковые слова продвинуть нашу (германскую) и австрийскую границу по направлению Малой Азии, то мы подумаем о том, чтобы сделать это самим, и уже продвинемся так основательно, что это будет надолго», — далеко не столь «вещие», как полагает Дейтше Тагеспейтунг» (26. 7. 15.), правда только в приложении. Во всяком случае предсказание его не простирается на более глубокие причины мировой войны и ее историческую сущность. Когда началась мировая война, капиталистическая par excellence германская империя давно уже сбросила детские сапоги восточной политики и надела сапоги-скороходы мировой политики. И «самопомощь посредством войны» так мало исчерпывается целью, указанной в словах Лагарда, что самая сущность войны выясняется из всяких других, но только не восточных интересов. Однако и они, конечно, имели значение как выявляющий фактор и потому что на востоке или по соседству с востоком расположены, ва-

жнейшие сочленения и артерии мировой политики (Суец и сообщение между Египтом и Индией).

Германо-английское (и французское) соглашение относительно востока и Африки, которое было заключено непосредственно перед войной и составляло продолжение долголетней политики канцлера, причисляло всю турецкую Азию до Басры, с изъятием французского полуклина в Сирии, к сфере германского влияния. Этим имелось ввиду удовлетворить в широких размерах в Германии всех заинтересованных в египтизации Турции, в особенности Дейтше Банк (Багдад), и в анатолийской дороге, нефтяных фонтанах и т. д. Правда, это сопровождалось отказом от головного участка багдадской дороги и не давало закрепленного в собственность сообщения Берлин—Багдад, или Гамбург—Багдад, или Эльба—Эфрат; все же у заинтересованных на востоке немецких капиталистов было достаточно оснований вооружиться терпением. И в таком же положении был немецкий капитал, стремившийся использовать торговлю с новыми колониями. Ему это соглашение предоставляло перспективы значительных выгод во французском и бельгийском Конго и португальской Ангола—правда без сплошного сообщения Эльба—экватор.

Препятствием для переброски моста в Малую Азию, если рассматривать Австрию как капиталистическую и политическую сферу влияния Германии или во всяком случае ее надежное дополнение,—были Балканы, т. е. Россия, но также и Англия и даже Франция; кроме того на пути стояла и Италия, и стояла весьма энергично, ибо она составляла преграду по самому договору и в значительной степени поэтому и была «союзницей». Однако в качестве претендента на владычество в Средиземном море и в северной Африке она была еще, правда, в скрытом, разладе и со странами Согласия, в особенности с Англией и Францией.

Стремлению перекинуть мост в центральную Африку препятствовала кроме того опять таки Англия и в особенности Египет, «краеугольный камень английского мирового могущества».

Головной участок Багдадской железной дороги был также предметом розни с Англией. В турецкой Азии, входившей в самую сферу влияния Германии, оставалась врагом Россия (немецко-русское столкновение из за Армении в начале 1913 г.).

Окончательное соглашение и упроченность примирительной политики по отношению к Англии и Франции означали по меньшей мере отсрочку осуществления более широких захватных желаний. Покончить с таковой отсрочкой быстрым ударом меча казалось наиболее желательным для самых предприимчивых представителей этих интересов; но, повидимому, победила склонность смотреть на соглашение как на задаток и обождать.

Соглашение это однако было вызовом для других, очень могущественных капиталистических кругов Германии. Они предвидели—по сведениям Кьеллена, ибо договоры не опубликованы и по настоящее время — некоторые уступки Франции на немецкой западной границе (Люксенбург и Лотарингия), которые поставили бы преграду притязаниям немецкой металлургической промышленности на французские металлургические области и франко-бельгийские медные и угольные участки Па де Калэ.

Соглашение было ударом для всего направленного против самой основы английского мирового могущества и в особенности ударом для заинтересованной в вывозе немецкой крупной промышленности (опять таки главным образом металлургической), ибо она стремилась победить английскую конкуренцию в мировом владычёстве и уже давно проповедывала необходимость разрушить морское и мировое могущество Англии. Одним и самым могущественным кругам несомненным средством для этого казалось завоевание Бельгии и прибережной полосы Франции, другим же, исходящим из знания востока и Африки, группировавшимся вокруг Яека и Рорбаха, казалось наилучшим схватить Англию за горло у Суецкого канала.

К числу экономических противников политики «соглашательства» с Англией присоединились и обманутые в своих надеждах марокканские капиталисты (круга Манесмана), а также спе-

кулянты на Персию, которую германское правительство (Потсдамское свидание) уже в 1910 г. форменно выдало Англии и России; часть ее, сданная в руку Англии, смыкала пояс английских африканско-азиатских владений, а в руках Германии она была бы разрывным клином против английского могущества.

Промышленность снаряжения примкнула к противникам англичан не только вследствие своей связи или по меньшей мере солидарности с металлургической промышленностью (в особенности Крупп), но потому, что видела на этой стороне больше шансов на продолжение и рост вооружения и на прибыльную войну.

Соглашение—и это доказывает на ряду со многим другим неразрывность, вернее органическое двуединство внешней и внутренней политики—шло в разрез с внутренними политическими течениями (аграриями, опять-таки металлургической промышленностью, милитаристами, бюрократией и т. д., в особенности в старой Пруссии). Они усматривали в сближении с демократическими западными державами серьезную угрозу своим внутренним политическим имущественным интересам и желали продолжать традиционную политику опоры на царскую Россию в целях взаимного укрепления внутренней политической реакции и для общей борьбы против опасности революции.

Соглашение с Англией противоречило «духу нашего флота», воспитанного в антианглийских чувствах с самого своего возрождения, и духу его руководителей, политиков с чрезвычайно большой силой воли; они выступали вполне сознательными выразителями стремлений экономических и политических смертельных врагов Англии. То же самое относится и к начальствующим лицам генерального штаба и территориальной армии и, если причислить военного министра фон-Гееринга к колеблющимся фигурам, в высокой степени и к военному министерству, с тех пор как туда вступила цабернская свора в лице теперешнего начальника штаба фон-Фалькенгайна.

Металлургическая промышленность и ее потребности разви-

лись в наиболее сильный «действенный принцип» капиталистического расширения Германии.

Эта группа заинтересованных лиц еще задолго до войны отлично организовалась (Союз флота, пангерманский союз и т. д.) и вела неустанную и беззастенчивую, открытую и тайную, печатную и устную пропаганду. Она велась при государственном содействии в широких массах. Милитаристская и бюрократическая камарилья выступала все чаще и все более определенно. Ее беззастенчивость выявилась особенно ярко во второй прелюдии к мировой войне, в марокском (агадирском) столкновении 1911 года, которое было ею вызвано и представляло как бы репетицию ультиматума Сербии 23 июля 1914 г. Устроители репетиции (Кидерлен Вехтер, «тогдашний лучший конь дипломатической конюшни», Тирпиц и его приверженцы) хотели, чтобы инцидент привел прямо к войне против Англии и Франции; только вследствие сдержанности Франции и Англии (крупные стачки горнозаводских и железнодорожных рабочих) с одной стороны, а с другой вследствие некоторых пробелов в вооружении Германии столкновение было с большим трудом улажено, при чем Европа стояла в 1911 году три раза на краю пропасти. Это столкновение создало по словам Бюлова [1]) (стр. 107) во Франции тот «новый дух, который вместе с французским шовинизмом значительно повысил воинственность французов; оно привело прямым путем через Триполи к воротам новой теперешней мировой войны.

Подстрекатели к войне, исходившие из внутренних политических побуждений (бонапартисты), проявляли тогда очень оживленную деятельность. Предстояли новые выборы в рейхстаг, и с полным основанием ожидали, что возрастет число социал-демократических голосов и депутатов; заседания прусской палаты депутатов только что были с позором разогнаны маленькой социал-демократической фракцией.

Сенсационной вершиной успеха военной партии было вызы-

---

[1]) См. Bülow, «Deutsche Politik».

вающее присоединение кронпринца к «фронде», когда он демонстративно аплодировал в рейхстаге подстрекательной речи Гейдебранта против Англии, канцлера и кайзера. Покровительство кронпринца военной партии сделалось с того времени как бы официальным фактом (см. цабернскую телеграмму: «Твердым шагом вперед», т. е. против немецких граждан).

Эти различные направления не являются строго разграниченными ни в отдельных людях, ни в капиталистических группах. Они часто скрещиваются в особенности в банковском капитале, который представляет собой высшую ступень промышленного и торгового капитала; но все же широко разветвляющаяся личная и деловая связь не уничтожает основных особенностей этих направлений.

Австрия была для германской империи не только капиталистической колонией и экономическим дополнением, не только внеполитической помощницей вообще и мостом на Балканы, но и ломом, которым Германия пробивала себе путь в Турцию. Это самое запутанное по своей организации государство искало спасения от неминуемого распада в отчаянном напряжении своих непосредственных сил, всей своей наступательной мощи против Балкан; там оно, пользуясь средствами восточного деспотизма, вело беззастенчивую захватную политику. Политика эта вследствие аграрных и иных капиталистических причин (минерал ные богатства, Адрия) дошла в славную пору Фердинанда до гнусного стремления задушить Сербию, что почти с математической необходимостью привело к убийству ненавистного главного носителя этой политики. Что Австрия считала аннексию Боснии и Герцеговины лишь прелюдией для дальнейших завоеваний на Балканах, видно наиболее ясно из ее поведения во время балканских войн, из которых наследственный смертельный враг Сербии вышел с возросшей силой.

Оговорка о столкновении в союзном договоре с Италией была проявлением соперничества двух союзников в этом направлении. Германо-англо-французское соглашение означало, в особенности в связи с результатами балканской войны, опасность

дальнейшего невыгодного для австрийских захватных планов укрепления положения на Балканах. Боснийский кризис, при котором герой Агадира собственноручно участвовал в перестановке декораций, подтвердил, как и балканский кризис немецким зачинщикам мировой войны, что Балканы все еще та архимедова точка, с которой легче всего вынуть из петель европейский мир.

Таково было в главнейших очертаниях политическое положение, среди которого раздались выстрелы в Сараево. Совершенно ясно, какого рода планы должен был породить столь удобный случай: австрийская военная партия, при своей достаточной беззастенчивости, получила удобный предлог для войны с Сербией, а также давно подстерегаемый случай для желанного пересмотра «другими средствами» Букарестского мирного договора. Для немецкой военной партии это была рукоять, с помощью которой можно было подложить фитиль под пороховую бочку европейского мира; главной ее целью сделалось с самого начала поражение Англии, а все остальное представлялось лишь средствами для этой цели. Эти военные партии и добились ультиматума Сербии, составленного в такой форме, которая исключала и должна была исключить возможность его принятия.

Канцлер и все заинтересованные в Берлин—Багдаде, быть может, и противились сначала ультиматуму; возможно, что он был проведен одним из тех излюбленных маневров, в которых камарилья проявляла издавна большое мастерство—подобным тому, каким она добилась закона о большом военном кредите и приказа о мобилизации и какой применяла в вопросе о подводной войне. Новым примером использования австрийского правительства как тарана против официальной политики германского правительства было поведение немецких тирпицианцев в декабре 1915 года по поводу австрийской анконской ноты.

А канцлер, продолжавший свою прежнюю политику с Берлин - багдадскими группами, хотя и был заинтересован в открытии ворот в Турцию, для чего нужно было поражение Сербии, но пока не желал войны против других держав.

И все же факт, что он в конце концов одобрил ультиматум и поддерживал и защищал его без всяких ограничений со всеми его последствиями.

Германское правительство—это не Бетман Хольвег, а ее подлинные двигающие силы.

Политика германского правительства — это ничуть не более или менее честные желания и намерения канцлера, даже не его представления об основаниях и следствиях его государственных действий. Она определяется историческим духом, историческим воздействием его государственной системы. Являются ли отдельные лица всегда сознательными или иногда бессознательными представителями политических сил, обозревают ли они объективные последствия своих действий, или же предаются иллюзиям—это ничего не меняет в ходе истории, и не имеет значения для исторической роли носителей этой политики; это частное, а не политическое обстоятельство, индивидуально-психологический, а не социологический вопрос. Это относится к внешней политике и к исторической ответственности за ее катастрофы, так же как к внутренней политике и ответственности за катастрофы в ее области.

И когда канцлер говорит после ультиматума о «локализации» столкновения, то, если таково было его искреннее мнение, оно является весьма недальновидным толкованием политических событий и означает, что он утратил понимание их и способность управлять ими. Совершенно нелепое шарлатанство выдавать это Бетмановское толкование хода истории за «германскую правительственную политику». Германскую политику тогда, как и в январе 1913 г., а также 30 июля и 1 августа 1914 г., вершали тирпицианцы, немецкие «политики мировой власти», все равно знал ли это канцлер или не знал.

Но нет никакого основания сомневаться, что канцлер вполне сознательно соучаствовал в этой политике. Это явствует даже из германской Белой Книги. И политика канцлера в отношении к востоку и к Англии была наверно лишь в очень незначительной степени политикой страуса; она скорее была политикой шапки

невидимки, политикой барышничества. Он хотел перехитрить Англию, так же как он обманул демагогией немецкую социал-демократию. Он хотел отдалить столкновение с Англией до тех пор, пока будет разрешен вопрос Берлин-Багдад. Он быть может надеялся, что на этот раз, благодаря соглашению, заручился нейтралитетом Англии, и поэтому он легче согласился на ультиматум. Но что он принял в соображение все возможные последствия, в том числе и возможность войны с Англией, и что западная стратегия и ее результаты не были для него неожиданностью,—это он совершенно определенно признал 5-го июня с. г. Этим же он и признал, что все его фразы о локализации и о стараниях сохранить мир в конце июля 1914 года, так же как и его речь 4-го августа 1914 г., были пустым обманом. Нападки Юниуса Альтера (Junius Alter) и Каппа на его государственный ум побудили его приподнять маску своего лукавства.

Между внешней политикой канцлера и политикой поборников всемирной власти есть разница в ближайших перспективах, но не в конечной цели, т. е. разница в стратегии, а также и в методе, т. е. тактике; разница эта такая же как между их внутренней политикой, а также их внутренней военной политикой.

Точно также взгляды их, быть может, расходятся в военных и политических вопросах относительно значения отдельных военных средств и возможных новых осложнений, относительно того, как сложатся мировые экономические отношения после войны.

Но все эти стратегические и тактические различия, которые почти сплошь можно свести к формуле «только насилием» или «обманом и насилием», все же всецело входят в область одинакового империализма и поэтому не ослабляют и даже не задевают коренного согласия. И сообразовать пролетарскую политику с этими разногласиями значит воздвигать здание не из балок, а из стружек.

II. О бонапартизме, как причине войны.

Пользование войной, т. е. актом внешней политики, для того, чтобы отвлечь население страны от внутренних зол, т. е.

в целях внутренней политики, свойственно всем, даже старейшим государствам классового строя.

Смысл такого бонапартизма выясняет Мольтке в предисловии к своей истории франко-прусской войны:

«Чтобы владеть троном Франции, Наполеону нужно было оправдывать свои притязания политическими и военными успехами. Либеральное течение его эпохи восставало против единовластия императора: ему приходилось делать уступки, власть его внутри страны ослабела, и настал день, когда народ услышал из уст своих представителей, что он желает войны с Германией».

В настоящее время нужно заменить «либеральное» течение «демократическим и социалистическим», а вместо «единовластие императора» поставить «политическое угнетение и экономическую эксплоатацию масс правящими классами».

Применение этих лапидарных определений тогдашней Франции к современной Германии гласит, с подробными оговорками и на жаргоне «Крейццейтунг», следующим образом в «стратегии» Бульме (1912):

Когда «народный дух» болен, т. е. когда «широкие круги начинают относиться равнодушно или даже враждебно к государству и его интересам», когда народ обуреваем «политическими, социальными или религиозными партийными страстями», когда «офицерство перестает пользоваться высоким уважением и доверием во всех кругах населения» (стр. 74, 75), то «виды на счастливый исход войны тускнеют», «упадок народного духа затрудняет в особенности изготовление материальных средств, нужных для ведения войны» (стр. 129), ибо для этого (стр. 77) нужна «самоотверженная преданность народа отечеству» (ср. возбужденный страх рейхстага (заседание 8, 4, 16) перед каждой попыткой поднять хотя бы край завесы, прикрывавшей хвастливую ложь займов). В конце концов, дело может дойти до отказа в повиновении «в больших размерах» (стр. 76); и «вполне вероятно, что государство, даже при благоприятном для него ходе военных

действий может быть лишено возможности довести войну до благополучного конца вследствие пассивного или активного сопротивления своего населения» (стр. 78).

«Государство (если в нем существует общая воинская повинность) может лишь в том случае вступить без чрезмерного колебания в войну, против которой настроены народные массы, если есть обоснованная надежда, что удастся увлечь за собой большинство населения и подавить сопротивляющиеся элементы. Сильное, уверенное в своих целях правительство может много сделать в этом отношении при помощи преданного войска» (стр. 78).

Опасность столь сильного «заболевания народного духа», что от него «тускнеют виды» и т. д., «нарастает среди долго и непрерывно тянущегося мира, а справедливая война в надлежащее время одна только иногда и в состоянии оградить его (народ) от быстрого разложения» (стр. 45).

Юниус Альтер говорит в очень живых словах о внутренних политических и социальных бедствиях до войны, о процессе Круппа и кильской верфи, о вопросе избирательного права и содействии обороне, о цаберском инциденте и росте социал-демократии, и делает упрек канцлеру за то, что в 1909 году, когда по случаю государственной финансовой реформы ясно проявилось недовольство в государственных слоях, он не постарался объединить национал-либералов с правыми партиями. Затем он продолжает: «Этой цели можно было легче всего добиться, если бы г. фон-Бетман Хольвег поставил народ лицом к лицу с какой нибудь большой, глубоко затрагивающей его национальной задачей, которая сама собой должна была вновь объединить враждующих братьев (консерваторов и национал-либералов). Совершенно несомненно, что такая задача, которой народ прямо жаждал (!!!), оказала бы еще гораздо более широкое влияние и вызвала бы оздоровление нашей общей внутренней политической жизни».

«Но г. фон-Бетман Хольвег не только не дал народу такой объединяющей и воодушевляющей цели, а напротив того ста-

рался убить в зародыше всякую исходящую из среды самого народа (!) попытку создать высокую цель».

«Это ясный намек на планы, упомянутые уже в «Классовой борьбе» (стр. 85).

Кьелен в «Политических задачах мировой войны» открыто признает, что на мировую войну смотрели всюду, как на средство предотвратить внутреннюю социальную войну.

III. О полуабсолютизме и камарилье.

Юниус дает очень характерные иллюстрации деятельности камарильи, охотнее всего прикрывающейся обозначениями «германский народ» или «вся Германия».

Барсовый прыжок в Агадир (1911) он называет лишь «кажущимся исключением» в слабохарактерной внешней политике канцлера—и это очень знаменательно, ибо Агадир был делом Кидерлен-Вехтера, Тирпица и компании, т. е. именно камарильи.

На стр. 26 он обсуждает известный новогодний прием командующих генералов в 1913 году и рассказывает, очевидно с точной осведомленностью о подробностях, как этим генералам сообща с генеральным штабом удалось «провести закон о большом кредите на оборону в 1913 г. через голову канцлера».

На стр. 31 он отмечает, что «вся Германия» отозвалась душой на сараевское злодейство и знала, что «пробил час решения судьбы». Начальник генерального штаба, военный министр и авторитетные морские чины энергично настаивали на немедленной мобилизации; им удалось в четверг 30-июля более или менее убедить кайзера в неотвратимой необходимости этой меры, так что днем берлинские полицейские органы и «Локальанцейгер» уже оповестили о мобилизации. Отсюда следует, что ревностный член военной партии, полицейский префект фон Ягов, тоже вошел в эту комбинацию.

Канцлеру же удалось своим вмешательством «уничтожить этот решительный и спасительный приказ». И Юниус Альтер

продолжает: «Опять потеряны были два драгоценных дня». Отсюда следует, что это был не первый случай такого рода воздействия.

На стр. 31—32 сказано: «Подобным же образом прошел бы неиспользованным день первого августа, если бы правящие военные чины не заявили во дворце, что при дальнейшем промедлении отдачи приказа о мобилизации они не в состоянии будут нести долее лежащую на них ответственность. Военные власти, обладавшие бесконечно большим политическим пониманием, восторжествовали через двенадцать часов.

«В то время как в морском министерстве ни на минуту не сомневались, что Англия станет на сторону наших врагов, и соответственно с этим жаждали скорейшего решения, для того, чтобы наш флот поставлен был лицом к лицу с определенными обстоятельствами, в иностранном министерстве все еще медлили и колебались. Это доказывает, что Тирпиц и представленная им военная партия с самого начала хотели выступить прежде всего против Англии.

Каким образом камарилья, возглавляемая Тирпицом, добилась вмешательства Турции, рассказано на стр. 40 и след. Это произошло благодаря инициативе нескольких немецких офицеров, которые добились в Константинополе права прохода через Дарданеллы для Гебена» и «Бреслау». А когда турецкое правительство согласилось, открыто нарушив этим нейтралитет, пропустить «Гебен» и «Бреслау» через Дарданеллы и оказать им в Мраморном море защиту против преследовавших их сил, то тем самым в Константинополе был брошен жребий—независимо от берлинских влияний.

Сколько подобных Іорков фон Вартенбург уже присоединилось к политической игре во время войны и раньше? Сколько таких будущих Іорков фон Вартенбург еще водится теперь в Германии?

Следует также обратить внимание на «скрытую ожесточенную борьбу» за «неизбежные следствия войны», которые, по словам Юниуса Альтера на стр. 66, обнаружились «непосред-

ственно после самого начала военных действий» и привели к разъяснениям по поводу подводной войны. Обращение «фронды» к баварскому королю и австрийская анконская нота в декабре 1915 г. являются тоже поучительными примерами согласованности германских зачинщиков войны с австрийскими.

Всюду видны следы ног и оттиски пальцев разжигателей мировой войны.

IV. О тайной дипломатии и режиссерстве.

Бюлов говорит на стр. 40 и след., что Англия пропустила надлежащий момент для войны против Германии, и на стр. 60 он спокойно утверждает, что «течение боснийского кризиса было фактическим завершением политики окружения (этого «дипломатического пускания пыли в глаза» без «реальных политических предпосылок») (стр. 60), что с тех пор между Англией и Германией установились «дружеские, вызывающие наилучшие надежды» отношения и что «попытка расширить германо-английский конфликт в систему общей международной политики не была повторена до 1914 г.» (стр. 64). Более точного опровержения того, что войну вызвала Англия, нельзя себе и представить. Соглашение держав согласия о закреплении Дарданелл за Россией состоялось лишь в конце апреля 1915 г. (Милюков, Форвертс, 9:9 1912).

Даже *Юниус Альтер* признает (стр. 28), что для держав согласия «Сараевские выстрелы раздались слишком рано на два или три года», что английская дипломатия действительно считала возможным преодолеть Германию без вооруженного столкновения, и «для нея было до некоторой степени сюрпризом» развитие, которое приняли события 28 июля. Но для «всех проницательных» людей в Германии было уже в течение многих лет несомненно, что необходима война, а с зимы 1913—1914 года вполне определилось приближение войны.

На стр. 17 он говорит: «мы не только не должны сожалеть,

но должны быть благодарны судьбе за то, что произошла катастрофа (т. е. убийство в Сараеве), которая спасла нас от худшего и наихудшего». И он настаивает на том, что политика канцлера по отношению к Англии сделалась бы еще более опасной, если бы война не разразилась в 1914 г. Это свидетельствует о стремлении военной партии разрушить путем войны политику соглашательства и вышеупомянутое соглашение.

Еще более ясно его обвинение канцлера на стр. 18 за уступку головного участка Багдадской дороги, за отказ от значительных интересов на Балканах и отход из Персии.

Пастор *Боллигер* пишет в «Христианской Свободе, журнале немецкой веры и немецкого будущего» от 20, 2, 16 следующее о начале войны: «Счет был для Германии необыкновенно прост. Настоящий час благоприятнее для нас, нежели следующий год или еще год спустя. У нас хороший урожай и финансовое оборудование тоже хорошее. Поэтому великий риск становится теперь для нас долгом. Мировое течение создало такой отличный случай для выступления. Я говорю об убийстве австрийского наследника престола.

На первых двух генеральных репетициях войны: за пять лет до того, во время боснийско-герцоговинской авантюры (см. Бюлов, стр. 59 и след.), и в 1911 г., во время агадирской авантюры, режиссерам недоставало такого подходящего нравственного предлога, такой эфектной декорации.

Юниус Альтер высмеивает на стр. 30 тех, которые считали возможным локализировать столкновение между Австрией и Сербией, в то время как—мы это приводили выше—вся Германия (т. е. конечно военная партия; этот жаргон хорошо известен по борьбе за подводную войну) чувствовала и знала после злодеяния в Сараеве, что «пробил час решения судьбы».

Об игре в желание мира со стороны кайзера *Боллигер* говорит следующее: «Совершенно верно, что кайзер обменялся с царем прекрасными словами об изоляции австро-сербского конфликта и о разных других вопросах. Он советовал в Вене,—

правда, совет его запоздал,—чтобы там проявили больше уступчивости по отношению к Сербии. Он сделал многое, но не сделал единственного, что устранило бы возможность войны. Он не заявил в Вене, что необходимо удовлетвориться сербскими уступками, что, в противном случае, он не признает столкновения достаточным поводом к войне и предоставит Австрии нести одной все последствия. Почему он не пустил в ход столь несомненное и очевидное средство? Я полагаю только потому, что германское правительство желало войны и было вполне солидарно с открытыми заявлениями Австрии».

Эти слова тем более знаменательны, что Боллигер не нападает на германское правительство, а защищает его. Он продолжает:

«Что же, неужели я в конце концов пришел к осуждению германского правительства? Ничуть! *Оно должно хотеть войны;* нежелание войны было бы преступлением». Потому, конечно, что война все равно была неминуема.

По этому вопросу о предупредительной войне *Бюлов* пишет следующее: (стр. 119) «Нельзя сказать с уверенностью, если бы в июле 1914 г. и не загорелось со всех сторон, дошло ли бы все же дело до мирового пожара, или, быть может, наступили обстоятельства, которые отдалили бы снова опасность общей войны на необозримое время».

Очень характерно определяет *Боллигер* обращение кайзера к царю и в Вену. «Это входило в дипломатическое ремесло, так как нужно было сделать вид перед народом, которому потом придется нести огромные тяготы, что пущены были в ход все средства, чтобы предотвратить катастрофу».

Кьелен в «Политических задачах мировой войны» называет «торжеством столь оклеветанной немецкой дипломатии то, что она съумела», «когда вспыхнула война, объединить собственный народ в чувстве, что речь идет о национальной обороне и ни о чем другом».

И Кьелен тоже империалист, дружески расположенный к германской государственной политике.

Возмущенный ответ *канцлера* от 5 июля Юниусу Альтеру, ответ, в котором он ставит себе в заслугу то, что выждал мобилизацию России, очень показателен для режиссерского мастерства правительства в деле запутывания общественного мнения.

Юниус Альтер упрекает с некоторой бестактностью канцлера в том, что ему не удалось навязать «другим неприятную обязанность объявления войны».

С этим следует сравнить также уже упомянутые несколько раз слова «Дейтше Тагесцейтунг» (от 5 марта 1915 г.) о режиссерской инсценировке войны в Италии, а теперь о таковой же в Румынии.

Очень характерны программные разъяснения *Блуме* в его авторитетной для германской армии «Стратегии» (1912 г.). Он говорит следующее о дипломатических интригах в деле подготовления войны:

«Если принято решение воевать, или становится вероятным, что столкновение интересов не может разрешиться иначе, чем путем войны, то дипломатические переговоры и военные приготовления должны идти рука об руку, для того, чтобы разрыв последовал по возможности в момент, благоприятный для военных действий. Путем искусных дипломатических шагов, а также своевременностью разрыва можно опередить противника в деле снаряжения и поднять этим шансы военных успехов... Поставить противника в более невыгодное политическое и военное положение должно быть целью, преследуемой и политическими и военными действиями» (стр. 17). А на стр. 18 приводятся основания, по которым следует стремиться к тому, чтобы «противник оказался неправым в общественном мнении».

На стр. 31 речь идет о том, чтобы «обмануть противника» относительно целей войны, выгодность которых нужно себе обеспечить, и затем говорится далее: «Высказанная цель войны не всегда подлинная, и часто пользовались незначительными поводами, чтобы начать войну, истинная цель которой—истребление

неприятельского государства или по крайней мере его длительное ослабление. Такое намерение может скрываться даже под кажущейся отрицательной целью войны (напр. сохранение неприкосновенности Сербии, которую Австрия гарантировала в конце июля 1914 г.)».

О режиссерстве во внутренней политике он кроме того говорит: «Мудрость побуждает иногда правительства предоставлять волю страстям, которые пробуждаются в народе при наступлении политических осложнений, и даже способствовать развитию этих страстей (как это осторожно сказано!) для того, чтобы в случае войны иметь возможность использовать их, даже рискуя тем, что это может стать помехой свободе правительственных решений» (стр. 30). К этому привосокупляется «голос проникнутого патриотическим духом народного представительства», которое «может очень благоприятно влиять на народный дух в критические моменты» (стр. 71). Вспомним представления в рейхстаге, начиная с 4-го августа 1914 г.—Это способствует «самоотверженной любви к отечеству», которая «вспыхивает уже при одной угрозе войны и побуждает всех отдавать всю полноту сил военным целям как при подготовлении к войне, так и при наступлении ее» (стр. 79). Созревший маккиавелизм проник таким образом в официальнейший немецкий учебник стратегии, в немецкую Библию стратегии. И приведенные фразы являются рецептом военной науки, по которому действовали германское и австрийское правительства между июнем и августом 1914 г.

Приведенные выдержки показывают, каковы были в действительности благородные, горячие чувства, порождавшие возгласы: «Для меня не существует более партии»! Жалкий страх перед социальной революцией и хитрый расчет. И кем обмануты были немецкий и австрийский народ? Собственными правительствами!

И по отношению к *присоединившимся позднее к врагам* Японии, Италии, Португалии, Румынии военные режиссеры оставались, как известно, тоже на высоте этих же десяти заповедей. Требовалось эквилибристическое мастерство для *возвра-*

щения в мирное состояние, понимаемое преимущественно как сепаратный мир. Бессмертный смех будут возбуждать, пока существует мир, прыжки официозов при «сепаратном мире с Черногорией». Не легкая это была штука! И в конце концов после стольких внезапных льстивых хвалебных гимнов умному дельному Никите, он все таки всех надул.

Совершенный бред также новейшее надувательство относительно вероломства и измены Румынии, будто бы нарушившей договор. В действительности договор—и то не безусловный—был принят только умершим королем Карлом, а и министры (за исключением только одного) и коронный совет, словом все остальные *конституционные власти* отклонили заключение его. Следовательно договор *не состоялся* и был отвергнут. И несмотря на это какой поднят был визг в официальных и официозных кругах! Между тем именно Тисса и компания виноваты были своим наглым поведением, своим вызывающим отклонением школьной и выборной реформы, в этом новом расширении военных действий.

О целях войны.

а) О внеполитической военной цели.

Из группировки капиталистических военных стремлений выделяются основные элементы группировок военных целей. Не следует однако упускать из виду, что разразившаяся война разбила англо-французское и немецкое соглашение, и вследствие этого конфликты, которые оно полуприкрывало, снова вполне обнаружились: так обозначилась резкая враждебность заинтересованных в Турции немецких групп против Англии и Франции (наряду с интересами, враждебными России и Германии). Но этот конфликт был более специально восточно-политический, а не мировой и разрешался формулой Берлин—Багдад. Вместе с тем возродились с прежней бурностью и колониально политические (в более узком смысле) столкновения интересов.

Выступление Турции выдвигало резко и неотвратимо вопрос о Дарданеллах, о господстве на Черном море и в Персии — вопросы, которые до того были кульминационным пунктом англо-русского соперничества, и центральные империи пытались сыграть против держав согласия на разлагающем влиянии этих вопросов. Казалось также, что выступление Турции приближает осуществление фантастической мечты Англо-Верер — Рорбаховской группы, — надежды схватить Англию за горло у Суэцкого канала. Оно создало миленький план использовать «священную войну» мусульман против христианства в войне «за обновление христианства» в интересах христианнейшего среднеевропейского империализма и для того, чтобы выкурить Англию из Индии и Египта. Получилась парадоксальнейшая форма крестового похода на изнанку, но уничтожилась пока возможность заключить антианглийский сепаратный мир с Россией на счет Турции. Военная необходимость заставляла политиков мировой власти временно мириться с этим. И уже не дурно, что турки и болгары, если все пойдет так, как желают немецкие и австрийские освободители народов, будут, как и среднеевропейский пролетариат, сражаться за свое порабощение под властью этих освободителей.

И затем еще другое: Хотя несомненно, что война сама по себе только средство к цели, только следствие до того существовавших целей войны, все же она имеет свою логику, а не только чисто военную, и она может перевернуть причинную связь между войной и целью войны. Ход войны иногда сам создает военные цели. На западе немецкому продвижению была поставлена преждевременная цель. Использование гораздо более широких перспектив на востоке не входило, правда, в первоначальные стратегические планы и не соответствовало существу решительной военной политики по отношении к России, но оно все же сделалось по многим причинам неизбежным в военном отношении. И точно также стремительность балканской кампании осенью 1915 года вынуждена была военной необходимостью.

Так возникли в течение войны военные цели по отношению

к России также и у сторонников политики мирового могущества. Из них особенно аграрии надеялись укрепить свое положение в Германии — путем освобождения своего сословия в остзейском крае, путем приобретения «земель для поселения» и возврата части русских захватов.

Судостроительный капитал не имел обособленной военной политики до войны; в начале войны он занял несколько колеблющееся положение, но во всяком случае уничтожение его главного конкурента Англии соответствовало самым его заветным желаниям. Баллин одним из первых открыто выкинул знамя «Калэ». Он не заслужил недоверия, которым его преследует Юниус Альтер. Это доказывает с достаточной убедительностью телеграмма Тирпицу о «мокром треугольнике». О военных целях канцлера Юниус Альтер говорит следующее:

Что касается Бельгии, то он хотел «восстановить» ее как государство, но «объединить ее с германской империей путем таможенного и железнодорожного соглашения» и уничтожить крепости или занять их немецкими гарнизонами.

Юниус Альтер называет это опасной половинчатостью. В действительности канцлер собирался, как он уже объяснил зимой 1914/15 года представителям фракций рейхсрата, кроме того распустить бельгийскую армию, оставив только маленькое полицейское войско, и ввести германское гражданское законодательство, что в общей сложности означало *уничтожение* государственной независимости и насильственное экономическое включение Бельгии в германскую империю.

Впрочем Юлиус Альтер упоминает также на стр. 85, что Эрцбергер, как доверенное лицо канцлера, добивался кандидатуры на бельгийский (и польский) трон.

Францию канцлер намеревался щадить и примирить с собой! Это его побуждает «ограничить с самого начала предположения о возможных территориальных уступках угольным и медным округом Брие, а также незначительными стратегическими исправлениями границы» (стр. 70 и след.).

Польшу он хотел восстановить в ее «политической независимости» (в том же роде вероятно как Бельгию) под условием приобретения некоторых чрезвычайно выгодных для крупного капитала концессий на эксплоатацию существующих угольных богатств (стр. 73 и след.).

Сербию и *Черногорию* (наличность конкурсного имущества) он хотел предоставить остальным балканским государствам, и из них прежде всего, конечно, Австрии (стр. 75).

Что касается «большой среднеафриканской колониальной империи» — французского Конго, бельгийского Конго и т. д., то он этого добивался под сильным влиянием колониального статс-секретаря д-ра Зильфа.

От Англии он хочет колониальных удовлетворений, наличных возмещений и свободу морей (по договору).

К этому нужно присоединить остальные притязания канцлера на Россию (остзейские провинции и т. д.), на египтизацию Турции (немецкие чиновники в турецкой администрации и немецкие офицеры в турецкой армии) и Персии, которая предоставлена вступлению в нее турецких войск, конечно, под немецким покровительством, — поскольку это зависит от германского правительства. Из всего этого получается довольно солидная официальная завоевательная программа германского правительства, даже помимо того, что планы канцлера относительно Франции и Бельгии вполне приспособлены к решению английского вопроса (северные департаменты, Калэ и т. д.) в духе Юниуса Альтера. Последний однако еще этим не удовлетворен и требует, чтобы следствия, которые автоматически вытекают из программы канцлера, были определенно и немедленно выставлены как цели войны.

Эти цели, в особенности в западном направлении, по отношению к Англии, Франции и Бельгии, канцлер, как упомянуто выше, признал уже несколько месяцев спустя после начала войны; при тайных обсуждениях он принял их с откровенной определенностью, а на публичных выступлениях со всякого рода двулич-

ными оговорками. Но самое существенное то, что уже в самом этом насильственном политическом и экономическом включении Бельгии в Германию, т. е. в ее экономическом, государственном и народно правовом подчинении германскому главенству, заключалась военная цель Ревентлова и компании. Бельгийская проблема центра англо-германского конфликта; это катушка, с которой автоматически разматывается вся нить. И Бетмановский проект тоже неосуществим без полного поражения Франции и Англии. Канцлер только вкладывает свои цели в менее вызывающие формы, и эта особенность — подлинный плод внеполитической бырышнической тактики и демагогии Бетмана. За границей эта тактика не удавалась, но тем легче она завоевала немецких полусоциалдемократических предателей, стоявших за войну до конца: они обеими руками ухватились за предложенную им уловку, чтобы иезуитски обманывать совесть социалистического пролетариата, враждебного всякого рода аннексиям. Для того, чтобы накинуть еще более плотный покров на истинные военные цели Бетмана и ведется теперь борьба между канцлером и фрондой; в этом ее объективно историческая цель по отношению к военной политике. Этот трюк лежит также в основе всей комедии миролюбия: сдержанный Бетман выступает перед массами, но излагаемые им умеренные требования составлены с точным расчетом на то, что противник не может их принять и не примет, если не претерпит полного поражения. А когда противник не соглашается, то ему предъявляют повышенные требования. Конфликт продолжает наростать, и тогда говорят: «Посмотрите на жадность и завоевательные стремления наших врагов; это они виноваты в продолжении войны». Таким путем стараются уловить массы на служение правительству и его империалистским военным целям.

Различие между военными целями разных групп ясно и для слепого, но для социалиста это различие несущественно в настоящее время и в политическом отношении. Для него единственно важно понять, что бросающиеся в глаза различия на самом деле, т. е. политически, не существенны. Для со-

циалиста важно в настоящее время не то, что разделяет, а что объединяет военные цели различных групп.

По существу все споры и все отдельные направления в понимании военных целей исходят из одинакового понимания конечных результатов.

Расхождение касается только методов. Фронда требует открытого действия напрямик, стоит за то, чтобы разрубать узлы без всяких колебаний и уничтожать все преграды, даже внутреннее политическое сопротивление в бурном натиске тевтонской ярости. Она верит в действенность неприкрытого террора и шарлатанства во внутренней и внешней политике и стоит за взвинчивание требований для того, чтобы приобрести по крайней мере широкое поле для торга — совершенно в духе аграрной политики торговых договоров.

Канцлер и его приверженцы присоединяют к насилию еще и хитрость. Канцлер предпочитает, где возможно, хитростью приобрести добровольное содействие масс вместо того, чтобы резко командовать ими. Добытую хитростью добровольную помощь он считает более полезной для правящих классов, нежели вынужденную. Ему действительно удалось добиться у официальных социалдемократических представителей обязательства поддерживать принцип войны на уничтожение против Англии, Бельгии и Франции, т. е. принцип германского мирового владычества. Это видно из руководящих положений августа 1915 г., с их правда прикрытыми формулировками, полное понимание которых требует знакомства с историей их происхождения.

Народные массы начинают все более терять терпение и все более недоверять правительству. Этому противодействует борьба «фронды», создающая популярность канцлеру в народной среде, так как одни только фразы об'единении уже перестали оказывать достаточное воздействие. Воспользоваться популяризацией канцлера в интересах партии Ревентлова сделалось целью и назначением Ведельского национального комитета и его собирательного пароля.

Все это показывает, что хотя эта в действительности мнимая борьба в разгаре представления и вследствие самообмана актеров приняла характер воображаемой настоящей борьбы, она все же по существу лишь игра с распределением ролей между террористами чистой воды и барышниками.

б) О внутренне политической цели войны.

То же самое относится к внутренне политическим целям войны. И в них все дело в историческом смысле действий и целей, а не в субъективных иллюзиях.

Все сводится к общественной власти, а также к экономической власти и власти политической, как ее орудиям. Правящие классы всех капиталистических par excellence стран нуждаются в настоящее время для своего капиталистического развития в экономической и мировой политической власти. Но в мировой власти они нуждаются как в классовой. Основу же их классовой власти составляет господство над пролетариатом, ибо от этого господства зависит распределение общественного богатства, а также прибыли всех мировых политических успехов. Внутренняя политическая власть имеет для них основное значение и в войне. Победа в мировой войне, достававшаяся ценой потери или значительного ограничения их классового господства, означала бы ослабление их классовой, их империалистской власти, была бы с капиталистической точки зрения на самом деле хуже поражения, если при таковом их классовое господство сохранилось бы полностью.

Три положения следует запомнить для определения связи внутренней и внешней политики по отношению к войне.

Угроза классовому господству, представляемая внутренними политическими и социальными кризисами, вызывает иногда обращение к бонапартистскому средству отклонения внутреннего недовольства в сторону внешнего врага с целью утопить социальное отчаяние в бурном потоке шовинизма. В таких случаях следуют лозунгу: лучше война, чем революция. Если войну можно

отвратить значительными уступками демократии, то правящие классы трижды подумают прежде, чем решатся на это, и если к ним подступают с ножем к горлу, они отвечают: Лучше война чем реформы! Новейшим и самым живым примером этого являются обстоятельства, предшествовавшие румынско-австрийскому объявлению войны. Даже «Теглихе Рундшау» изливала весной 1915 г. свою горечь против надменной провокации венгерских румын венгерским правительством магнатов. При Тиссе, этом грубом надсмотрщике закрепощенного венгерского народа, оно отклоняло все выборные и школьные реформы, хотя они, как теперь туманно признаеть «Теглихе Рундшау», могли предотвратить начало новой войны.

Если успешное продолжение войны по внутренним политическим и социальным причинам возможно только при условии демократических уступок, при перемещении власти в собственной стране в ущерб правящим классам, то для последних возникает вопрос, не будет ли такого рода продолжение войны более губительным для их классовых интересов, чем даже капитуляция перед внешним врагом. В этом смысле в реакционной России, как и в реакционной Германии, в течение настоящей войны возникала мысль: лучше преждевременный срыв войны, лучше отказ от обращения всех народных сил на победное ее окончание, чем победа демократии, пролетариата, чем утрата политической и экономической власти, чем отказ от свободы эксплоатации, от выборных привилегий, от полицейского строя, от милитаризма, от монархии, даже от налогового грабительства и пошлинного ростовщичества.

Таков смысл истинно предательского лозунга: лучше поражение, нежели революция; на нем сторонники власти Божией милостью сходятся с защитниками власти милостью денежного мешка всех стран, и он составляет высшую и самую священную заповедь капиталистического и всякого другого классового общества. Их символ веры гласит: какой мне будет прок, если я завоюю весь мир, но это послужит во вред

моему классовому господству? И священный союз, хотя и не закрепленный на бумаге, продолжает оставаться имманентной истиной также и империалистского века, несмотря на соперничество в мировой политике. Пародирование этой истины ревностным взаимным подстрекательством к революции принадлежит, несомненно, к самым мимолетным явлениям мировой войны.

Гнусный клич «Plutôt des deserts que des peuples revoltés» — лучше пустыни, нежели мятежные народы,—с которым немецкое и русское варварство, в союзе с феодальной Францией, двинулось против революционной Франции, не отошел в прошлое.

Только когда военное торжество идет рука об руку с принижением или поражением пролетариата—только тогда правящим классам империализма кажется, что наступает тысячелетнее царство.

Это доказывает, что серьезные социальные или внутренне политически уступки массам населения резко противоречат стремлениям капитализма также и в мировой войне. Противоречие обозначается тем резче, чем более война исходит из бонапартистских корней, т. е. именно из стремлений уклониться от серьезных социальных или внутренних политических уступок. Добровольные уступки такого рода прямо бы обозначали добровольный отказ от бонапартистской цели войны. Тут раскрывается функциональное отношение между бонапартистской политикой и целью войны,—между causa officiens и causa finalis.

Капитуляция перед внешним врагом, поражение на войне—все же не только внеполитический вопрос, ибо она ведет к роковому столкновению интересов. Третье положение гласит: Именно поражение и вообще всякая серьезная внеполитическая неудача укрепляет демократические силы. Перед такой дилеммой находятся правящие классы всех стран в настоящей войне. И все же нет сомнения, что при теперешней инертности лозунг: «Лучше поражение, чем возрастание власти масс» не играет решающей роли. Сравнительно с тем, что было до настоящей войны во всех странах, не считая, быть может, только

России, демократические влияния, по крайней мере в настоящий момент, отодвинуты далеко назад. В некогда демократических странах, во Франции, Англии, Италии, война привела к неслыханной реакции во всех областях жизни.

Тем сильнее выдвигается на первый план огромная опасность, которую представляет поражение для правящих классов, и более всего для их крайних элементов. Опасность эта побуждает тех, кому она угрожает, бороться с напряжением всех сил против неблагоприятного окончания войны. Они готовы поставить все на карту во имя не просто победы, но большой, блестящей победы; только таковая может обеспечить им и после войны сохранение или даже рост их внутренней политической и социальной власти и вместе с тем возможность использовать военные успехи в своих классовых интересах. Нужно также принять в соображение, в сколь гигантских размерах правящие классы заинтересованы по экономическим причинам и по причинам мировой политики в достижении своих широких внешних военных целей. Им нужно обеспечить за собой при возможном образовании государственных единиц, объединяющих более или менее замкнутые экономические тресты, как можно более широкое поле деятельности в мировой экономической жизни; и этим объясняется та непомерная страстность, с которой они отвергают всякую мысль о «соглашательском» мире, всякую мысль об отказе от их военных целей.

Какое значение имеет на ряду с мощной непосредственностью этих побуждений, находят ли на канцлера в бессонные ночи тревожные сомнения и мысли о компромиссах и перестраховке, желание лавировать между Сциллой военной неудачи и Харибдой ослабления или даже падения классового господства и заранее подготовить к худшему?

Нужно, чтобы народные массы вынимали для правящих классов империалистские каштаны из огня войны и вместе с тем помогали бы воздвигать новые стены вокруг твердыни сво-

его собственного порабощения, — ибо правящие классы ведут войну за рост своего богатства, за укрепление своей внешней и внутренней власти, а пролетарские массы—за усугубление своей собственной нищеты, за прочность своих собственных цепей.

Таков катехизис руководящей военной политики.

Не противоречие бонапартистскому методу отклонения внутренних недовольствий на внешние события, а скорее дополнение его составляет другой бонапартистский прием. Он заключается в том, чтобы путем кажущихся уступок, обманных обещаний, сверкающих надежд завлечь массы в сети империализма и настолько одурачить их, чтобы они сами радостно ставили ногу угнетателя себе на шею и добровольно превращались в скамеечку для ног правящих классов.

Этот метод таит в себе, правда, опасность всякой демагогии; он порождает и питает ожидания, за которыми неминуемо должно последовать разочарование, и таким образом, отдаляя на время зло, против которого борется, тем вернее его обостряет в будущем.

В этом методе столько же отчаянного риска, как и в первом.

Но равитие капитализма не могло уйти от войны. Война — его исторический рок.

Правящие классы должны все поставить на карту, чтобы при этом высшем испытании силы на них вдруг не обрушилась связывающая руки социальная революция. Конечно, нашлись политики с грубо механическим пониманием общества, и они полагают, что войной можно воспользоваться для того, чтобы ружьем и штыком выбить революционные бредни из головы у масс и разрушить их организации по военному и без всяких церемоний, путем разгона, конфискаций, арестов. Словом, устроить короткую решительную гражданскую войну в духе Биссинга, как введение в мировую войну. Нужно, однако, быть очень близоруким, чтобы не понять, что такого рода политика бронированного кулака, обращенная во внутрь, едва ли обещает более длительный успех,

чем приемы демагогического обманывания и запутывания. А демагогический метод имеет то преимущество, что дает возможность использовать живые силы масс, и они не только не становятся преградой на пути, а дают себя впрячь в боевую колесницу империализма.

Если в начале войны политики насилия и склонялись к применению железных методов по отношению к пролетариату, то все же более дальновидные из них одумались после краткого размышления, когда увидели легкие успехи Бетмановского барышничества, политики изливания святой простоты. Немецкая социал-демократия, пресмыкающаяся—с радостью—в пыли перед Гогенцоллернами! «Ради одного такого успеха стоило начать мировую войну!» Слова «Temps» о крушении французского социализма вдвойне применимы здесь.

Но дальнейшее течение войны все яснее показывало, что в самих массах не угасал революционный пыл, и опасности демагогии стали обнаруживаться все яснее. Война становится колоссальнейшим накоплением обвинительного матерьяла, и самое позднее при ликвидации военных действий это должно будет вызвать величайшие трения.

И тут остается один только якорь спасения: большая победа с огромными завоеваниями! Только победа даст возможность ослеплять массы после войны блеском и славой, обмануть все вызванные у них надежды и держать их попрежнему в положении илотов. Только победа обещает господствующим классам усиление власти, нужное для отпора революционным течениям. Поражение почти несомненно приведет к революции; соглашательский мир—по меньшей мере, к вероятности значительного перевеса власти в сторону демократии.

Правда, чем дольше длится война, тем более возрастает, образуя роковой круг, страшный социальный риск властителей, тем более все ставится на карту. Пусть гибнут на войне нервы и физические силы масс, пусть массы истекают кровью—быть может, это кровопускание спасет от революции! И потому—вперед к большой победе!

Но на пути к этому стоит священное единение. Пока держится союз святой простоты, трудно открыто и без стеснений проповедывать официально конечные империалистские требования. Поэтому у крайних и возростало стремление спешно переубедить священное единение. Чем легче достался успех 4-го августа, тем легче надеялись и теперь справиться со всеми полутора-Шейдеманами. Империалистская агитация перехода на мирное положение! Лучше сейчас, нежели потом; пока, ведь, еще имеется в руках 42 сент. мобилизованной власти.

И в этом пункте канцлер, а с легкими оттенками и все буржуазные партии вполне сходились с фрондой по своим целям. Священное единение—и для канцлера только средство к цели; она же заключается в поддержке классового господства. И он достаточно доказал, что не помышляет ни о каких серьезных политических и социальных уступках. Он хочет только как можно дольше продержаться золочеными: «подождите, голубчики», да серебряными: «нет, миленькие». Он отлично умеет отличать мнимые уступки от существенных отказов от привилегий власти. Он достаточно доказал, что умеет ценить важность всех прусских особенностей, начиная с привилегированного выборного права и административного абсолютизма и до национальной экономической политики Тротовского лицемерия, как твердую опору для капитализма и монархии. И какому глупцу придет в голову, что возможно поколебать тайную дипломатию или, тем паче, неприкрытый абсолютизм внешней политики, расшатать мощные опоры трона и алтаря, полиции и милитаризма, крепость которых усилилась до безграничности в период осадного положения? И канцлер верит, на основании предшествующего опыта, что товарищи, стоящие за войну до конца, и по отношению к военной цели будут непоколебимо и восторженно итти с ним рука об руку, не разбирая дороги.

Для канцлера тоже совершенно ясно, что на карту поставлен вопрос о мировой власти и, вместе с тем, о классовом господстве.

И в этом вопросе, как во всяком другом, если вникнуть в суть разногласия, то в конце-концов все дело оказывается в различии метода, тактики; в остальном же—это игра с распределенными ролями, и она дает возможность правительству одновременно действовать двумя способами: с одной стороны, погоней за популярностью, обманом новой ориентации, что является внешностью, наружной стороной правительственной политики, а, с другой стороны,—путем подготовки реакции и провокации, это действительность диктатуры солдатчины. Это основа внутренней правительственной политики, и она-то и осуществляется в то время, как канцлер, якобы, сильно борется против нее.

VI. В Нессовой одежде революции.

С самых древних пор завоеватели старались всегда тушить пожары в собственных странах внешними авантюрами и зажигать свой победный факел о пожар в чужих странах. Противоречие в этом только кажущееся, но оно освещает глубину проблемы—проблемы взаимоотношений между войной и революцией.

Успешная внешняя авантюра усиливает внутреннюю власть авантюриста. Поражение может ему стоить головы.

Но *военное* поражение какого-нибудь данного правительственного строя лишь в том случае приводит к победе врага, если оно, вместе с тем, поражение народа, втянутого в водоворот войны. Если во время военной катастрофы революционное движение в состоянии взять власть в свои руки, то оно может создать новую, если не неотразимую, то все же непобедимую военную силу.

Чем больше в стране задатков революции, чем больше в ней народных сил, которые выявятся при наступлении революции, тем обманнее надежда внешнего врага на использование революции в своих интересах.

История всех революционных эпох подтверждает этот парадокс, который останется истиной до тех пор, пока политическим

спиритам 4-го августа не удастся материализовать призрак войны для освобождения народа, против которого война ведется.

Когда пробудившиеся для революции, свободно поднявшиеся, властные массы с безграничным самопожертвованием выступают против ворвавшегося к ним врага, тогда можно прославлять истинный патриотизм. Но дело не в патриотизме—это только *слово*. Нужны *дела*.

Капитулировать перед победителем—значит отдать себя и свою только что завоеванную власть, только что добытую державность в руки и на милость победоносного врага. Это значит подчинить свою свободу власти чужих штыков. Это—отказ от революции, предательство перед нею. Разбить врага—значит вести классовую борьбу против господствующих классов «враждебного» государства—значит продолжить революцию. Таков ключ положения.

Немецкая цабернская армия выступила—так говорят—под охраной осадного положения для того, чтобы народ трехклассного избирательного права освободил русский народ, порабощенный четырехклассным избирательным правом. Как в 1866 г. призванное для этого прусское Бисмарковское правительство интересовалось революцией в Саксонии и Австрии, так в 1914/15 г. не менее призванное германское Бетмановское правительство хотело вызвать революцию в Англии, Франции и России до революции в Германии, и революционная германская социал-демократия оберегала его при этом. Более всего германское правительство заинтересовано в революции в России при всей своей преданности царизму, и уж, конечно, для того, чтобы потом еще лучше оседлать этого привратника власти юнкерства.

Расчет, конечно, не удался. Поддельная борусская богиня свободы нигде не приобрела поклонников—даже и в России ее не признали.

И если русский народ развернет во время войны знамя революции, то не для того, чтобы выдать его Гинденбургу, Макензену и Гетцендорфу, а для того, чтобы, согласно слову Фридриха Энгельса, мужественно понести его вперед против них.

Конечно, если это будет знамя революционного русского *народа*. Если же его получат в руки те, которые захотят осчастливить народ по прусскому рецепту, если они—тоже по прусскому рецепту—из страха перед социальной силой пролетариата, предадут демократическую силу дому Романовых и истинно-русским щитоносцам, то тогда, быть может, и созреет виноград немецкого империализма.

Но всякая серьезная демократическая реформа, вырванная у очутившегося в тисках царизма, означает удар против германской армии. Попавшиеся в собственную петлю Бетманы окажутся лицом к лицу с успехами того движения, которое они старались вызвать тысячью уловок и гримасъ. Не обманывайте себя: с революцией шутки плохи!

Будущее, быть может, увидит Гинденбурга и Рузского заключивших достойный союз против борьбы за свободу русского народа; быть может, на этой почве и последует сепаратный мир и священный союз! Он был бы осуществлением мечты и замыслов 1915 г.

Если бы некоторые господа с Вильгельм - и Линденштрассе действительно управляли миром, то прусско-русская карусель прогресса завертелась бы снова. И в конце мировой войны публика бы восклицала, приходя в восторг: «Как это обернулось волей Господа!»

VII. Апология канцлера или более, чем Париж, за менее, чем обедню.

Цель бонапартизма относится к внутренней политике. Она заключается в том, чтобы отвлечь массы от социальной и политической нужды и от действенной самопомощи.

Средства бонапартизма внеполитические — отвлечение от внутренних опасностей путем шовинизма, направленного на внешнюю политику, или же внутренне-политические — демагогический обман внутри страны для той же цели отвлечения.

Бонапартизм дает не «хлеб и зрелища», а только «зрелища» вместо свободы и мира.

Он производит воздействие на массы и непосредственно, так сказать, официально, а также и окольным путем, самыми разнообразными средствами, главным образом через людей, пользующихся доверием масс. Привлечь на службу себе «вождей» народных масс, подлежащих одурачению, путем сознательного или бессознательного подкупа,—венец желаний бонапартистской тактики. Достижение бонапартисткой цели во внутренней политике взаимно служит и внеполитическим целям стоящих у власти.

Применяя на деле бонапартизм в обоих его видах, т. е. и во внешней и во внутренней политике, канцлер выполняет свою государственную задачу, исходящую из потребностей капиталистической эпохи, эпохи пролетарских масс, более чем всякого другого времени. Вопреки всем наветам со стороны поместного и промышленного юнкерства он выколотил до сих пор из народных масс наибольшую выгоду, какая только возможна для правящих классов своей хитрой мнимой половинчатостью, своей кажущейся мягкостью; без нея все поддельные социалисты с Линденштрассе, с Энгельуфера и Бранденбургских ворот давно бы уже очутились в мусорной куче. И он продолжает извлекать пользу до сих пор.

Официальные главари рабочего движения, большинство «вождей» запутались в его сетях с головой.

Это превышает его прежние самые смелые мечты, ибо ему казалось, что легче будет усыпить бонапартистскими способами массы, нежели их вождей. Правда, это не так много. В конце концов, бюрократия пролетарских учреждений и организаций, из которой составляются твердые кадры последователей пролетариата, является особым классом сама по себе и очень отлична по своим жизненным условиям и своей психологии от рабочей массы, с которой она только, как отдельный класс, связана функциональными отношениями. По своим интересам она, как особый класс, лишь постолько связана с рабочим классом, посколько дело идет о

«попечительстве», о сохранении и умножении накопленной в буржуазном обществе собственности. Но именно в этом отношении пролетарская бюрократия отклоняется от интересов рабочего класса, который один и имеет значение для революционного поворота пролетарской политики.

Все же, если даже прочный успех достигается не у масс— их от этого оберегают объективные законы их развития — то важна и бюрократия, которой, между прочим, ея функциональное отношение к организованному рабочему классу ставит известные, естественно меняющиеся пределы. И полтора Шейдемана тоже синица в руке. И разве не пойдет сначала значительная партия рабочих за этими правительственными вербовщиками по их свистку?

Официальные власти социал-демократии, как опора войны, опора диктатуры солдатчины, опора внутренней реакции, опора— как бы это не старались затушевать—также и спекуляции съестными продуктами!

Председатель партии и генеральная комиссия в качестве доносчиков, идущих против пролетарской борьбы за мир, за свободу и хлеб! Глава партии, собирающийся в качестве услужливого приказчика Бетмана организовать социал-демократическую партийную конференцию с лозунгом войны до конца или же имперскую конференцию во имя войны до конца!

И все это, достигнутое хитростью, обещанием в будущем, быть может, осуществит заплесневшую надувательскую идею имперской федерации! Все это за несколько словесных завитушек, за жалкие подачки налога на капитал и новеллы о собраниях! Стеклянные бусы за золото и кровь!

Конечно, канцлер согласен и на кой-какие поблажки, чтобы облегчить своим сподручным задачу сохранения влияния на массы. Он милостиво разрешает им при случае прыжки в сторону, радикальные громовые речи в вопросе о продовольствии и цензуре и даже разрешает лживые «разоблачения». В угоду им он от времени до времени—охотнее всего эфекта ради перед заседаниями

рейхстага—приструнивает кого нибудь из крайне правых или один из их органов. Но все это делается только pour le roi de Prusse, для того, чтобы сохранить и усилить ценность социал-демократов в качестве приманных птиц для империализма, для реакции.

И разве такая тактика канцлера не способствовала крушению красного интернационала, не тормозила немецкое рабочее движение?

Немецкая социал-демократия и промышленное движение в лице их вождей забрызганы грязью с головы до пят, тонут в болоте капиталистического холопства, министерского лакейства, прогнили до мозга костей, деморализованы, опозорены перед всем светом. Всякий серьезный классовый борец, всякий честный интернационалист, всякий искренний социалист с отвращением отворачивается от них. Некогда столь гордое здание социалистических рабочих организаций распалось. Рабочее движение поставлено перед необходимостью убийственной внутренней борьбы, которая будет длиться годы.

Борьба эта, однако, не сломит, не ослабит революционные силы пролетариата. Силы самых бурных элементов, освожденные от фетишизма дисциплины, от организационной бюрократии и затхлых тактических традиций, ускорят революционное движение, двинут его вперед к безудержной беспощадности. Если война накопит еще больше горючего матерьяла, еще больше объективных причин массового возмущения, то это случится еще во время войны. Или это произойдет после войны.

Совершенно верно! Утверждение князя из верхней палаты вполне отвечает истине: Мир только с сохранением status quo был бы поражением. Поражением, конечно, не немецкого народа, но зато немецкого империализма. Гогенцоллернов, юнкеров и Круппа прежде всего и к тому же еще их марксистских телохранителей, от правого флигельмана Гениша до левого Ленша.

Совершенно верно! Только военная победа может остановить угрозу социального потопа, может создать неприкосновенность,

может предотвратить, чтобы при экономической ликвидации мировой войны с ее бумажным величием ассигнаций не погибло бы и золотое величие властителей. Только военное торжество может спасти виновных в кровавой трагедии Европы от судного дня народного гнева.

Совершенно верно! Никакой капитуляции, никакого соглашения! Напрячь все нервы, также и нервы пролетариата, для блистательной победы, ибо она более всего нужна именно для того, чтобы держать пролетариат в прежнем холопстве. Победа во что бы то ни стало!

Но разве канцлер хочет меньшего, чем «фронда»? Он сделал только еще чуточку больше—выдрессировал социал-демократического волка в виляющую хвостом собачку капитализма.

Разве такой успех не стоит нескольких риторических фраз? Не стоило разве ради этого кой-когда принимать за панибрата в нескольких министерствах и государственных канцеляриях и даже в ставке разных Шейдеманов? Не стоило пойти на кой-какие мнимые реформы и на нескольких Зюдекумов? Это ведь больше, чем Париж, за меньше, чем обедню!

Можно ли было более дешевой ценой превратить новую ориентацию в надувательство масс?

Канцлер действительно поддерживает с «охлократией», говоря языком Юниуса Алтера, такие отношения, как покойный Ганземан с прусской мартовской революцией.

Не вытравил ли он также из буржуазного либерализма последние остатки свободолюбивых желаний, так что никто теперь не лижет более смиренно кирасирских сапог, чем эти тогдашние штурмовщики с волосатой грудью?

А как же обстоит дело с правительственным методом насилия против народных масс во внутренней политике? Что ж, бонапартистская демагогия и в настоящее время не единая истина во внутренней политике для канцлера; под его начальством объединены были в одно целое и разгромлены моабитские беспорядки, демонстрации по поводу избирательного права и большие стачки

юнкорабочих; при нем отдан был корпусный приказ Виссинга и произошел инцидент в Цаберне. Канцлер, который несет историческую ответственность за потоки крови в мировой войне — вместе с тем канцлер осадного положения, отмены всех основных гражданских прав, гнуснейшего полицейского выслеживания, объявления вне закона всякого борца за свободу, угроз и вымогательства, направленных против всякого стремления создать правительство классовой борьбы в пролетариате. Полиция и войска применяли во время войны грубую силу к многочисленным голодным бунтам и демонстрациям в пользу мира. День и ночь стоят наготове гарнизоны, чтобы начать огонь в защиту правительства Бетмана, существующего общественного строя и империалистской войны против немецкого рабочего класса.

С самого начала войны сторонники мировой власти брюзжат на Вильгельмштрассе против влияния высших финансовых сфер, против Дейтше Банк. Но противоположность их интересов не безусловная и не общая. Металлургическая промышленность тесно породнилась за время войны с банковским миром и пропиталась финансовым капиталом, несмотря на временную приостановку и даже кажущийся отбой в отношениях. А призвание директора Дейтше Банк в правительство — поистине мастерский ход.

Сила Гельфериха, опытнейшего интригана, который соединяет цинизм дипломатии с цинизмом высших финансовых сфер и превратил займы в блестящее дело для военных поставщиков, неоценима именно для Ревентлова и компании. Она ярко отражает всесторонность и гибкость политики, действующей путем матерьяльного заинтересовывания в войне, посредством подкупа, предательства, подстрекательства к революциям, стачек и анархических покушений с бомбами.

О принципиальном разногласии в вопросе о цели и средствах войны не может быть никакой речи. Внешняя же фразеология теперь менее чем когда либо принимается в расчет. Что говорить о грошевых мошенничествах, когда дело идет о биллионах?

Конечный итог таков:

Гогенцоллернская неоромантическая власть Божией милостью при всех своих феодальных замашках в основе своей—капиталистическое буржуазное королевство с лозунгом: «Обогащайтесь!», и для бонапартистских целей своих и своих телохранителей оно прибегает не только к войне. Для той же цели ему нужно упражняться и в роли roi des gueux, в игре в социальную монархию. В особенности это нужно в военное время, чтобы популяризировать войну, чтобы облегчить происходящее на деле обезглавление широких масс во внешней и внутренней политике, так же как их экономическое и физическое истребление. Надежда при этом возлагается на то, что немецкий народ по своему воспитанию в политической незрелости и бюрократической выправке примет позу за правду и не заметит свершаемого с ним на деле.

Бетман-Хольвегь—тот государственный человек, который может осуществить это и одновременно принять нужную позу.

Возможно, что он сначала противился ультиматуму Сербии, как и мобилизации 30 июля; возможно, что во многих событиях он вел себя скорее Гамлетом, нежели Ричардом III. Все же он тертый и грубый капиталистический агент внутренней и внешней политики, к пропагандистским цѣлям которой принадлежит и тромбон честности и почтенности.

Он прототип государственного человека, умеющаго плыть в водах империализма, политическое олицетворение и эссенция высшего капитализма, триединство немецкого болтуна, немецкого торгаша и немецкого профессора из лейб-гвардии Гогенцоллернов.

Возможно, что «пиратская» борьба вызвана также тревогой о войне и вытекающих из нее внутренних опасностей; возможно, что касается защиты канцлера и контр нападок, что это симптом опасения, как бы боевой метод фронды, правда, все безнадежнее выдавая правительству Шейдеманов, не разрушил слишком рискованной игрой вместе с тем доверие к правительству в других народных кругах.

И все же по существу штурм, который как будто направлен

против бонапартизма демагогии, сам по себе главный козырь этой демагогии, и цель его подготовить и провести открытый сдвиг официальной политики сдвигов на специально построенную новую «среднюю линию» между существовавшей до сих пор официальной правительственной политикой и самыми дикими провокационными выводами, и сделать это так, чтобы товарищи, стоящие за войну до конца, еще пели бы хвалы «умеренности» канцлера. Вместе с тем он выполняет задачу охлаждения священного единения и перевода внутренней политики на мирное положение. Это та же задача, которую в России, согласно желаниям истинно русских погромщиков, должна была выполнять политика министерства Штюрмера.

Если центр и другие буржуазные партии становятся в этом представлении на сторону канцлера, то это происходит, как они открыто выбалтывают, не из аннексионистской скромности и не из готовности к демократическим реформам, а, напротив того, с целью обирать попрежнему еще пребывающие в покорности рабочие массы через головы колеблющихся и для того, чтобы после войны также основательно одурачивать их.

Ибо все—как бы они ни называли себя в политике—объединены той же мыслью, которая составляет и Отче наш русских потсдамитов: предотвратить во чтобы то ни стало, чтобы «плоды победы уничтожены были революцией!»

Канцлер таким образом—подлинный представитель именно этой войны, которая порождена капиталистическим стяжательством, империалистической жаждой власти и реакционной жаждой угнетательства; он служит этим силам и исполняет свое капиталистическое призвание, а оно состоит в том, чтобы ускоренным темпом и грубыми средствами первоначального накопления также как и по утонченным правилам культурного стяжательства сосредоточить в немногих руках баснословные богатства. Для этой своей цели война, представленная канцлером, гонит пролетариат в огонь и являет собою самую ярко выраженную форму эксплоатации и порабощения народных масс.

Мировая война уже выполнила свою функцию в головокружительных размерах.

Штейнман-Бухеры вправе уверять от полноты сердца: «Нам война начинает приходиться по вкусу».

Уже начинает утверждаться огромный сдвиг власти в интересах правящих классов; уже, не дожидаясь конца войны, начинается новая пора грюндерства в гигантски выросшем масштабе.

И если бы действительно империалистам досталась такая победа, о какой они мечтают, то это была бы победа абсолютизма, тайной дипломатии, солдатчины, полицейской и юнкерской власти, экономической провокации и парламентских привиллегий, исключительных законов, врагов коалиционных прав, победа таможенного ростовщичества и грабительских пошлин, святошества и школьной реакции, победа во всех областях власти и стремлений, враждебных рабочим, победа царизма и—через насилие над другими народами—подготовление новой мировой войны, а в целом своем трагедия для немецкого народа, катастрофа для человечества.

И именно потому, что это так, то у пролетариата, проникнутого классовым сознанием, может быть только одно отношение к войне: непримиримо отрицательное, и один только ответ: напрячь все силы не для победы, а для классовой борьбы, для социальной революции.

---

7 и 11 сентября обвиняемого, по требованию председателя окружного суда, доставили в суд комендатуры для показаний по его кассационной жалобе согласно § 404 воен. улож. о наказ. Обвиняемый отказался оба раза от дачи показаний, ибо допросу перед кассационным разбирательством должно предшествовать постановление о пересмотре состава преступления. Председатель суда заявил, что пересмотр состава преступления не предусматривается.

Берлин, 11 сентября 1916.

В берлинский окружной суд.

По уголовному делу против меня.

К сегодняшнему разбирательству.

Мое предложение от 1 сентября обращено к следственному суду кассационной инстанции. Только этот суд поэтому и может постановить решение.

От пререканий с председателем суда о допустимости пересмотра состава преступления я отказываюсь.

Его двоекратная попытка принудить меня к окончательному разбирательству кассационной жалобы по § 404 до постановления по моему предложению о пересмотре является двоекратной попыткой нарушения прав.

Я предлагаю председателю оставаться в пределах его полномочий.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

23 сентября 1916 года обвиняемый ходатайствовал об ускорении решения по его ходатайству от 1 с. м. и о вторичном разрешении рассмотрения протокола для подготовки дальнейших обоснований кассационной жалобы.

После имперской конференции и прежде, чем он узнал о протесте товарища Дункер на этой конференции, обвиняемый написал следующее:

Берлин, 25 сентября 1916.

В королевский окружной суд.

Здесь.

К уголовному делу обо мне.

Зубатовы и Потемкины социал-демократической партии вынесли на своей конференции, происходившей под знаком войны до конца, резолюцию «выражения симпатий» по моему адресу.

Эту манифестацию презренной демагогии можно было предвидеть.

Я с презрением отклоняю ее от себя.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт*.

Берлин, 28 сентября 1916.

В берлинский королевский окружной суд.

К уголовному делу против меня.

Более пяти недель прошло со времени срока подачи кассационной жалобы; месяц прошел после подачи мною ходатайства о пересмотре состава преступления; 17 дней после последней попытки председателя суда до судебного постановления относительно моего ходатайства принудить меня к даче окончательных кассационных объяснений, и пять дней со времени моего последнего письменного ходатайства об ускорении и о разрешении вторичного рассмотрения протокола.

Решение все еще не постановлено.

Я возобновляю мои предложения самым настоятельным образом и прошу о немедленном постановлении решения.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

2 октября последовало вторичное напоминание обвиняемого.

В имперский военный суд в Шарлотенбурге.

К уголовному делу против меня.

Мой защитник получил вчера извещение от имперского военного суда, из которого следует, что дело мое находилось 26 сентября в имперском военном суде. По дальнейшему сообщению дело поступило уже в средине сентября в кассационную инстанцию.

Таким образом окружной суд не только не вынес решения по моему представлению от 1 сентября, но даже не счел нужным уведомить меня хотя бы одним словом о том, что ничего не постановлено.

Имперский военный суд знает все обстоятельства из дела; он получил мои заявления от 23 сентября, 28 сентября, 2 октября. Он знает, что по моему предположению дело не подсудно окружному суду; он знает, что я жду постановления по моему заявлению от 1 сентября; он знает, что я еще не дал оконча-

тельных обоснований моей кассационной жалобы и по вполне обдуманным причинам до сих пор не высказался по юридической стороне дела. И все же суд втечение четырех недель не видел повода уведомить меня об истинном положении дела.

Я ограничиваюсь присоединением к делу и этих фактов, которые достаточно характерны сами по себе.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Берлин, 11 октября 1916.

В королевский суд комендатуры.

Здесь.

К уголовному делу против меня.

Суд комендатуры установил контроль над моими письмами в имперский военный суд, за которым в настоящее время числится мое дело.

В одном случае из-за этого произошло весьма тягостное промедление.

Суд комендатуры не имеет права на такой образ действия. Прямое письменное общение между обвиняемым и той инстанцией, за которой он числится, не должно претерпевать никаких ограничений.

Я заявляю протест.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

В ответ на эту жалобу последовала по постановлению от 14 октября отмена контроля, на который жаловался обвиняемый.

Берлин, 11 октября 1916.

В Имперский военный суд в Шарлотенбурге.

(Ср. извлечение из дела IV, л. 7).

К уголовному делу против меня.

Ходатайство военного прокурора от 7 с. м., о каковом мне только что сообщил мой защитник, неосновательно в обоих пунктах.

1. Вопрос о допустимости пересмотра состава преступления

является основанием решения при разбирательстве моего представления от 1 сентября. Мнение же председателя кассационной инстанции или военного прокурора, или даже имперского военного суда по этому вопросу не может заменить решения по моему представлению.

Так как я обратился с представлением, то должно состояться постановление относительно него. Другого правильного способа разбирательства не имеется.

2. Кассационная жалоба от 29 августа составлена до получения оспариваемого приговора и до рассмотрения протокола главного разбирательства.

а) Она хотя и охватывает в обычной формулировке все могущие произойти фактические правонарушения, но эта формулировка не может считаться исчерпывающей и в большинстве случаев не является целесообразной защитой относительно решения имперского военного суда.

Во всяком случае после представления приговора должна быть по § 404 воен. уст. о наказ. предоставлена возможность дополнить жалобу путем особенных объяснений по пунктам.

б) Обоснование кассационной жалобы от 29 августа совершенно не распространяется на формальные нарушения. Она не имела возможности их обжаловать, потому что для этого требовалось точное обозначение отдельных упущений, а также ознакомление с приговором и протоколом.

Но приговор и протокол не были мне известны ни 29 августа, ни вообще до истечения срока обжалования.

Кассационная жалоба без возможности опротестовать нарушение порядка производства не является ни исчерпывающей, ни целесообразной. Предотвратить всякую попытку ложного истолкования кассационной жалобы от 29-го августа, как исчерпывающей, по моему намерению—такова ясная цель «оговорки», которую военный прокурор хотел бы отклонить, истолковав ее как «неправомерную».

Обвиняемый не только полагает, что имеет законное право

быть выслушанным согласно § 404, но действительно **имеет** на это законное право, и право это нельзя уничтожить никакими соображениями целесообразности» военного прокурора.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

Как мне сообщают, мое дело вытребовано вероятно для заседаний рейхстага. Я надеюсь, что это мое заявление, как и вчерашнее, будут присоединены к прежним и посланы вслед за прежними бумагами.

Под датой 14-го октября Либкнехт вносит несколько существенных поправок в протокол главного разбирательства дела от 23-го августа и продолжает:

«Я требую скорейшего продолжения разбирательства. Со времени истечения кассационного срока прошло более семи недель». Прошел месяц (14. 9) с тех пор, как подана жалоба, и за это время не последовало ни разу вызова в суд.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

На жалобу от 11-го октября пришло 14-го октября извещение, «что председатель суда, генерал от-кавалерии ф. Бен при докладе 13 октября отдал приказ, чтобы письма, направленные в военный суд, не подвергались более просмотру».

20 октября обвиняемому предъявлен был вызов в кассационный суд. Он написал тогда следующее письмо в имперский военный суд.

Берлин, 20 октября 1916 г.

В имперский военный суд.

Шарлотенбургъ.

К моему уголовному делу.

Я получил вызов в кассационный суд.

Имперский военный суд, значит, решился признать правильным протест против права кассации, пренебречь § 404 воен.

улож. о наказ. и лишить меня возможности представить целесообразную мотивировку пересмотра.

Этим высшая инстанция германского военного судопроизводства, специально призванная охранять закон, дошла до издевательства над законностью, за что ей будет благодарен всякий, на знамени которого стоит освобождение немецкого народа от каторги милитаризма. Ничего лучшего и желать нельзя для этой цели, как обличение сугубо классового правосудия милитаристского строя, оголенного от всех блестков, верного себе в своих поступках, когда оно попирает справедливость, творит произвол, раболебствует перед властями.

Было бы легко показать, в чем заключается «преступный дух» моих стремлений, если бы желать измерять социальную революцию аршином имперского суда. Преступление мое не в плоскости государственной измены, а в плоскости противогосударственного интернационализма, и в этом преступлении я с радостью сознаюсь.

Но входить в правовые прения с таким судом значило бы счесть его достойным доверия, которое он заранее растоптал ногами.

Если я продолжаю поддерживать кассационную жалобу, то лишь для того, чтобы военное правосудие было вынуждено завершить свое дело до конца и испить до дна чашу свидетельства против самого себя.

Мне же снова приходится довольствоваться ролью летописца, который улавливает в зажигательном зеркале также и это отражение немецкого величия для назидания будущих поколений и их теперешних пионеров.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

В приписке Л. пишет:

«Хорошо известно, что я так же непричастен к теперешнему ходатайству о моем освобождении, как и к прежнему, и жду отрицательного постановления только как подобающего политического удовлетворения».

И. В. С. № 847.

Постановление.

В уголовном деле против солдата рабочего батальона Карла Либкнехта из 118-го рабочего батальона имперский военный суд, в заседании от 20-го октября 1916 г. при участии:

военных судей: Генерал-лейтенанта ф. Трота,
Генерал-майора ф. Верльгоф,
Обер-лейтенанта Трипенберг,
Обер-лейтенанта Вегнера.

гражданских судей: председателя Сената Тведе
и советников имперского военного
суда Мюльбергера и Даута.

Выслушав военного прокурора, постановили:

1. Слушание обвиняемого по § 404 Улож. о нак. не будет иметь места.

2. Что касается предложения обвиняемого от 1-го сентября 1916 г., то вопрос о пересмотре состава преступления в приговоре высшего военного суда не подсуден имперскому военному суду.

Основания.

Обвиняемый подал кассационную жалобу в установленный срок и по установленной форме и вместе с тем поднял вопрос о нарушении существенных прав, с тем чтобы представить дальнейшие обоснования после получения приговора и рассмотрения протокола, согласно § 404 военного улож. о наказаниях.

Так как с жалобой на нарушение существенных прав выдвигается обоснованное требование пересмотра состава преступления, то нужны еще предпосылки для разбирательства по § 404 в ул. о нак.

Это не меняется и при условии дальнейшего обоснования пересмотра, ибо, как утверждает имперский военный суд, § 404 воен. улож. о наказ. не даст возможности обвиняемому дополнить после истечения срока его представленное в срок обоснование. Этот параграф применим только тогда, когда обвиняемый

вообще упустил подать в установленный срок отвечающее закону обоснование кассационной жалобы.

Решения И. В. С. 10, 171/172, 17, 45.

На поданное 1 сентября 1916 г. в окружный суд предложение обвиняемого касательно пересмотра вопроса о составе преступления в приговоре высшего военного суда до сих пор не последовало решения. Так как из дела, переданного имперскому суду без решения по этому вопросу, можно заключить, что окружный суд считает его подсудным имперскому военному суду, то и было постановлено вышеозначенное решение. Ибо предложение обвиняемого подсудно только окружному суду.

Председатель Сената

Подпись

Копия.

Засвидетельствованная копия.
Королевский окружной суд
резиденции Берлин
№ 111. 126146/1289.

Берлин 26 октября 1916.

По уголовному делу против солдата рабочего батальона **Карла Либкнехта** из 118 рабочего батальона.

Предложение обвиняемого от 1-го сентября 1916 о пересмотре состава преступления в приговоре высшего военного суда постановлено оставить без последствий.

Обвиняемый обжаловал в кассационном порядке приговор высшего военного суда, после чего перед судом комендатуры возбуждено было ходатайство о том, чтобы выслушать обвиняемого согласно § 404 воен. улож. о нак. Но он требовал до того пересмотра вопроса о составе преступления в приговоре. Окружной суд постановил, что закон не предусматривает такого пересмотра, и повторил предложение дать показания. В ответ на запротоколированное предложение суда комендатуры обвиняемый отказался от дачи показаний прежде, чем последует требуемый им пересмотр

состава преступления. После того дело было передано председателю имперского военного суда. То же самое сделано было с предложением обвиняемого от 1-го сентября 1916.

«Со стороны имперского военного суда сделано было 20 октября 1916 г. следующее постановление:

1. Слушание подсудимого по § 404 В. Улож. о нак. не будет иметь места.

2. Что касается предложения обвиняемого от 1-го сент. 1916, то вопрос о пересмотре состава преступления в приговоре высшего военного суда не подсуден имперскому военному суду».

Обоснования постановления следующие:

«На поданное 1-го сентября 1916 г. в окружный суд предложение обвиняемого касательно пересмотра вопроса о составе преступления в приговоре высшего суда до сих пор не последовало постановления. Так как из дела, переданного имперскому военному суду без решения по этому вопросу, можно заключить что окружной суд считает его подсудным имперскому военному суду, то и было постановлено вышеозначенное решение. Ибо предложение обвиняемого подсудно только окружному суду».

Имперский военный суд должен был ввиду этого постановить решение, что он и сделал.

Пересмотр вопроса о составе преступления в приговоре высшего военного суда законом не предусмотрен. Это заявлено обвиняемому уже судом комендатуры. Такого рода пересмотр не имеет законной основы в предписаниях военно-уголовного судебного порядка, которыми руководствуется уголовное судопроизводство.

Состав преступления соответствует истине.

Приведенное место на листе 25:

«Обвиняемый предусматривал оказательство содействия враждебной державе, как следствие своего образа действия» выражает убеждение, составившееся у следственного суда, и не составляет вообще части «состава преступления». Это только вывод, сделанный судом. Приведенное место не содержит таким образом «искажения» истинных обстоятельств дела.

Дальнейшее извлечение из листа 26:

«Тем более, что подсудимый заявил высшему военному суду, что он решительно отверг предложение выступать во враждебных странах против тамошних правительств, как выступал в Германии против своего. Он заявил на главном разбирательстве, что скорее вырвет себ язык, нежели так поступит»

не противоречит тому, что подсудимый, по удостоверениям следственного суда, заявлял и доказывал на главном разбирательстве.

По его теперешнему заявлению он сказал:

«Если бы немецкая оппозиция хотела употребить все свое влияние для содействия движению в пользу мира во «враждебных» заграничных государствах и помогла бы отравлять существование «враждебным» правительствам, в то же время проповедуя в Германии спокойствие и покорность на словах и на деле, то германское правительство было бы вполне довольно. Такими коварными планами использования оппозиции заграницей, а товарищей, стоящих за войну до конца, у себя дома, германское правительство и задавалось весной 1915 г. Нечто подобное отважился намекнуть мне на фронте один прусский офицер. Я с негодованием отверг подобную гнусность. И я бы скорее вырвал себе язык и отрубил руки, «нежели стал потворствовать столь коварной политике на пользу германского империализма».

Это не противоречит вышеупомянутому установленному следственным судом заявлению обвиняемого. Оно к тому же лишено существенного значения. Само по себе неуважительное представление не становится более обоснованным от пользования таким доводом.

Председатель суда
Подп. ф. Кесель.

Подп. Цейтшель,
товарищ военного прокурора.

Верность копии засвидетельствована
(подп.) Цейтшель,
тов. военного прокурора.

На эти постановления обвиняемый ответил:

Берлин, 27 октября 1916.

В военный имперский суд

в Шарлотенбурге.

К моему уголовному делу.

Дополнительные постановления имперского военного суда (полученные мною 25 октября) и окружного суда (доставленные сегодня) отнимают у меня уже с соблюдением всех формальностей пользование самыми элементарными правами—также и по § 326 воен. уст. о наказ.

Они только подтверждают высказанное мною 20-го октября суждение.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

После совещаний рейхстага от 27-го октября по поводу ходатайства рабочей общ. об освобождении Либкнехта и после совещаний от 28-го октября (о заключении в порядке охраны) он обратился со следующим письмом к имперскому военному суду:

Берлин, 29-го октября, 1916.

В имперский военный суд.

в Шарлотенбурге.

К моему уголовному делу.

Все выше вздымается гора преступлений, которая обрушится на стоящих у власти. Последние оазисы человечности растоптаны. Плотной сетью цензурной лжи, пестрыми коврами патриотизма завешаны окна темниц, в которых томятся жертвы осадного положения. Иконы и алтари, воздвигнутые идолам сражений, скрывают подземелья «заключенных в порядке охраны», где палачи нечестивого правительства пытают борцов за человечество.

Пестрые ковры еще не сорваны, сверкающие алтари еще не опрокинуты. Но весть о том, что за ними кроется, проникла, наконец, наружу и не будет забыта.

Сообщник и выполнитель худших гнусностей «заключения в порядке охраны», главнокомандующий в восточных марках, сводник «социал-демократического» партийного президиума и товарищ этих мародеров и в их трусливом гнусном поступке против «Форвертса»—таков председатель суда надо мной.

Он даже отказал рейхстагу в представлении моего дела.

Военная диктатура трусливо прячет даже от приверженцев свое собственное изображение,—изображение великого времени.

Это официальная подпись под актом его обвинения, направленного против моих обвинителей; кровавую печать к нему приложило деяние Фридриха А д л е р а, его громкий крик отчаяния из ада Австрии, его резкий, тревожный сигнал пролетариату срединных империй, сигнал, который не замрет, не пробудив отклика.

Солдат рабочего батальона *Либкнехт.*

На заседание имперского военного суда от 4 ноября Либкнехт и его защитник не явились. Было бы смешно участвовать в жалкой комедии, заключительный эфект которой известен заранее. В противоположность разбирательствам в предшествовавших инстанциях присутствие на имперском военном суде не обязательно. Обвиняемый по воен. Улож. Зак. не имеет даже права присутствовать на суде.

Извлечение из дела IV.

Т. II. 31 Л. 204—209.

Протокол главного разбирательства II инстанции.

Открытое заседание высшего военного суда округа резиденции Берлин.

Берлин, 23 августа 1916.

Присутствовали в качестве судей:

1. Капитан второго ранга фон Герен, председатель.

2. Тайный советник и советник высшего военного суда, д-р фон Глазевальд, докладчик.

3. Советник военного суда К. А. Боск.

4. Майор граф фон Калькрейт.
5. Майор Гизер.
6. Капитан Са**б**боти.
7. Обер-лейтенант Блок.

В качестве представителей обвинения:
Товарищ воен. прокур. Цейтшель.
В качестве делопроизводителя:
Секретарь высшего военного суда Вестфаль.

По дознанию против солдата рабочего батальона Карла Либкнехта из рабочей команды Торн, в настоящее время находящегося в предварительном заключении в северном военном арестном доме в Берлине по обвинению в покушении на военную измену, в тяжком неповиновении и сопротивлении государственной власти явились на главное разбирательство обжалования как со стороны обвиняемого, так и председателя суда приговора военного суда комендатуры резиденции Берлин от 28-го июля 1916 по перекличке:

1. Обвиняемый и выбранный им защитник, адвокат д-р Браке из Брауншвейга.

2. В качестве переводчиков:

1. Проф. Либелиус.
2. Капит. барон ф. Мальтцан.
3. Д-р Остер.
4. Проф. Роль.

Председательствующий прочел имена судей, призванных на главное разбирательство и указал обвиняемому на определение § 125 абз. воен. улож. о нак., после чего ведущий заседание член высшего военного суда приступил к приведению к присяге первого стоящего во главе списка судьи.

Председательствующий указал, что судьи под номерами 4—7 призваны как постоянные и присяжные.

Представитель обвинения предложил объявить заседание закрытым.

Защитник, опрошенный об этом, сказал, что ничего не имеет заявить.

Выслушан был обвиняемый, высказавшийся против закрытого разбирательства.

Постановлено, что разбирательство будет закрытым.

Представитель обвинения предлагает объявить заседание закрытым на все время разбирательства в целях государственной безопасности и в силу военных интересов.

Предложение подвергается обсуждению.

Обвиняемый и защитник в ответ на опрос не имеют ничего заявить.

Суд удалился на совещание и для постановления решения.

Постановление сделано и после открытия дверей объявлено.

Заседания объявлены закрытыми на все время разбирательства во избежание ущерба государственной бсзопасности, военным интересам и общественному порядку и дисциплине.

Председательствующий разрешил присутствовать на закрытом разбирательстве по их ходатайству:

Тайному советнику Клебергеру из военного министерства.

Капитану Грау » » »

Капитану Вибе из генерального штаба.

Майору Дейтельмозеру из военного бюро печати.

Капитану Розбуду » » »

Ассесору воспомогательного морского интендантства д-ру Швапту из адмиралтейского штаба.

Майору фон Летову, представителю высшего командования в восточных марках.

Постановление суда приведено в исполнение, и заседания объявлены закрытыми.

Представитель обвинения предлагает затем: со всех присутствующих на заседании взять обязательство сохранить втайне все, что дойдет до их сведения во время разбирательства.

Оглашается § 18 Зак. о прис. воен. улож. о нак.

По предложению обвиняемого и защитника представитель обвинения дал обоснования своего предложения.

Защитник возразил на предложение и предложил самое большее обязать молчанием переводчиков.

Обвиняемый в ответ на вопрос возразил против обязательства молчания.

Представитель обвинения возразил ему на это.

Обвиняемый и защитник остались при своем возражении.

Суд удалился для совещания и постановления.

Постановлено было и объявлено: всем присутствующим вменяется в долг сохранение в тайне всего доходящего во время закрытых заседаний до их сведения—всего, что им станет известно из разбирательства, из жалобы или из официальных документов процесса.

Оглашается § 18 зак. о прис. воен. улож. о нак.

Вслед за этим тайный советник и советник высшего военного суда д-р Глазевальд доложил о результатах произведенного дознания.

При докладе прочитаны были:

Приговор первой инстанции.

Кассационная жалоба обвиняемого и опротестование приговора председателем суда.

На вопрос о личных обстоятельствах обвиняемый заявил:

Предъявленные мне сведенія о личности и предшествующем наказании признаю верными.

По предложению обвинителя и с согласия обвиняемого постановлено прочитать суду брошюру «Идите на майский праздник» так же, как распространяемые листовки.

Брошюра (Т. I, л. 16) была прочитана так же, как листок, призывающий собраться 1-го мая 1916 г. в 8 часов вечера на Потсдамской площади.

По прочтении каждого из документов обращено было внимание на § 311 воен. ул. о нак.

Подсудимый, на вопрос, что он имеет возразить на обвинение, показал:

«Я признаю, что распространял брошюру в двух, а возможно, что и в большем количестве изданий с выдуманными обозначениями типографий, а также и листовки.

Я знал, что состою солдатом, и знал о запрете проявлять на деле мои социалистические воззрения; я вполне обдуманно нарушил этот запрет. Я точно также признаю, что оказал сопротивление полицейским при задержании меня, ибо хотел принять дальнейшее участие в манифестации.

Я таким образом признаю состав преступления, выставленный обвинением. Я сознательно стремился ослабить и сломить военную силу германской империи, но о д н о в р е м е н н о с этим и силу других, ведущих войну государств, а также всех других капиталистических правительств.

Все же я оспариваю обвинение в попытке измены отечеству или военной измены и не признаю наказуемости моего образа действия, ибо я поступал только в соответствии с моим политическим и общественным долгом. Я при этом ссылаюсь на мое показание от 8-го мая с. г. (т. I, л. 63—64).

Обо всем в отдельности обвиняемый говорил дальше то, что и на суде первой инстанции и в переданной им при этом для главного разбирательства второй инстанции защитительной записке.

На дальнейший вопрос обвиняемый ответил:

Распространение брошюры вне Берлина и заграницей произошло также согласно моему желанию и я беру всю ответственность за это на себя.

После того председательствующий объявил перерыв на 10 минут. После возобновления заседания обвиняемый заявил:

Показания в приговоре первой инстанции о распространении брошюры заграницей и об отзывах о ней, также как о демонстрации 1-го мая 1916 г. в газетах вражеских и других стран я признаю правильными. Я отказываюсь от требования прочтения этих газет суду.

С согласия сторон переводчики Дибелиус, барон ф. Мальцан, д-р Остер и Рюль были отпущены недопрошенными в 11 ч. 45 минут. После того, по предложению обвинителя, защитника и обвиняемого постановлено было и объявлено, что в дальнейших доказательствах нет надобности, ибо обстоятельства дела в достаточной степени установлены показаниями обвиняемого, в особенности его признанием относительно содержания статей, в которых идет речь о событиях, вмененных ему в обвинение, статей в газетах и журналах «Le Bonnet rouge», «Humanité», «Tribuna», «Gazette de Hollande», «Labour Leader», Liberté», «The Daily Telegraph», «Berner Tagwacht», «La Domenica Illustrata».

Затем получили слово защитник и за ним обвинитель для своих объяснений и заявлений.

Защитник потребовал оправдания.

Обвинитель потребовал:

1. За попытку военной измены в совокупности с тяжким неповиновением: 6 лет каторжной тюрьмы, лишение гражданских почетных прав на срок 10 лет, и приведение в негодность набора и матриц брошюры.

2. За сопротивление государственной власти один год тюрьмы. Общее наказание: 6 лет и 6 месяцев каторжной тюрьмы, лишение гражданских почетных прав на срок в 10 лет, так же как уничтожение набора и матриц брошюры.

На вопрос обвиняемому, имеет ли он привести еще что нибудь, он заявил:

Я остаюсь при моих показаниях и предлагаю вынести оправдательный приговор.

Обвиняемому дано последнее слово.

Суд удалился для совещания о приговоре и голосования.

После открытия дверей советник высшего военного суда, ведущий заседание, объявил приговор прочтением его в присутствии обвиняемого:

Кассационная жалоба обвиняемого против приговора военного суда комендатуры резиденции Берлин от 28-го июня 1916 г.

оставляется без последствий; в ответ на обжалование вышеозначенного приговора председателем суда последний отменяется как по отдельным наказаниям, так и по совокупности наказания: обвиняемый за попытку военной измены в совокупности с тяжким неповиновением в военное время, также как за сопротивление государственной власти приговаривается к 4-м годам и 1-му месяцу каторжной тюрьмы. Вместе с тем он приговаривается к исключению из армии, потере гражданских почетных прав на срок 6 лет, а также постановлено привести в негодность экземпляры брошюры «Идите на майский праздник» и набора и матриц, служивших для напечатания ее. В срок тюремного заключения зачитывается один месяц отбытого предварительного заключения.

Обвинитель предложил, чтобы и объявление приговора состоялось при закрытых дверях во избежание ущерба государственной безопасности и военно лужебным интересам.

Обвиняемый и защитник возражают против предложения.

Заседание объявляется закрытым.

Обвинитель повторил свое предложение. Оно было обсуждено.

Суд удалился для совещания.

Постановлено и после возобновления открытого заседания объявлено:

Об основаниях, на которых постановлен приговор, доложено будет при закрытых дверях, ибо есть опасность нарушения государственной безопасности и военнослужебных интересов, а также для предъотвращения нарушения дисциплины.

Председательствующий разрешил тайному советнику Клебергеру, капит. Грау, кап. Вибе, кап. Розбунду и ассесору вспомогательного морского интендантства д-ру Шванту присутствовать при объявлении приговора.

Заседание на это время объявляется закрытым.

Ведущий заседание изложил после того основное содержание доводов, положенных в основу приговора; изложение сделано было в присутствии обвиняемого.

Обвиняемому объяснили, что допускается обжалование. Он не сделал никаких заявлений.

Конец заседания в 11 часов 35 минут.

Подп. фон. Горен,
Капитан второго ранга
как председатель.

Подп. Д-р Глазевальд,
Тайн. сов. и сов. высш. воен. с.
как докладчик.

Подп. Вестфаль,
Секретарь высшего военного суда
как военный делопроизводитель.

Т. II, л. 239
Л. 243.
Присутствовал
Советник военного суда
Керенс.
Делопроизводитель военного суда
К. А. Кейхель.

Заявление К. Л. от 1 сент. 16

Берлин 7 сент. 16

На суд приведен обвиняемый К. Л. для протокольного опроса о поводах кассации. Он заявил: Я представил 1 сент. окружному суду жалобу с требованием пересмотра состава преступления и могу только, по рассмотрении моей жалобы, заявить о моих доводах для кассации.

Присутствуют те же лица.

Берлин 11 сентября 1916

На суд приведенъ обвиняемый К. Л. Ему сообщают, что, по мнению окружного суда, пересмотр состава преступления не предусмотрен и что поэтому, несмотря на его заявление от 1.9.16 соответственно § 404 воен. улож. о нак., он будет опрошен о кассационных поводах для занесения в протокол:

Он на это заявил:

Решение относительно моего заявления должно все равно

состояться; оно—судебная предпосылка моих дальнейших обоснований кассационной жалобы. Я требую надлежащих условий для моего опроса по § 404.

Л. 244.

Берлин, 8 сент. Пересылается комендатуре при повторении просьбы от 4 с. м., ибо пересмотр состава преступления законом не предусматривается.

Председ. Подп. ф. Кесель — генерал-майор. А. Д-р Шульце — советник военного суда.

Суд комендатуры резиденции Берлин.

Берлин, 12 сентября 1916. Вместе с делом и приложениями посылается обратно окружному суду с присовокуплением протокола допроса.

Председатель: фон Бем — Генерал от кавалерии. Д-р Геренс. — сов. воен. сов.

Л. 245. Берлин, 11 сентября 1916.

Заявление К. Л. королевскому окружному суду в Берлине.

К моему уголовному делу.

К сегодняшнему опросу.

Мое заявление от 1 сентября направлено в следственный суд кассационной инстанции. Оно следовательно может быть рассмотрено только этим судом.

От препирательства с председателем о допустимости пересмотра состава преступления я отказываюсь.

Его двоекратная попытка, без решения по моему заявлению, принудить меня к окончательному установлению кассационных доводов по § 404 является двоекратной попыткой нарушить мои права.

Я предлагаю председателю суда оставаться в пределах его полномочий.

Подп. Солдат рабочего батальона Либкнехт.

Л. 246—269. Примечания.

Л. 270. Переписанное на машине заявление К. Л. корол. окружному суду от 20 сентября 1916.

В корол. окружный суд резиденции Берлин.

Берлин, 23 сентября 1916.

Имперскому военному суду почтительно посылается в присоединении к посланному делу из суда.

Цейтшел воен. тов. прокурора.

Л. 272. Также повторные напоминания от 29 и 30 августа и 1 сентября, переписанные на машине, посылаются с почтением для присоединения к оригиналам от 14 с. м.

Председатель ф. Кесель. Генерал майор.

Л. 280—282. Заметка IV.

Л. 283. Заявление К. Л. от 25 сентября 16 тоже послано вслед за другими.

Л. 248—291. Заявление К. Л. корол. окружному суду от 25 сентября 16, тоже присланное окружным судом имперскому военному суду для присоединения к находящемуся там делу.

Подп. Цейтшел.

Л. 295. Заявление госпожи Лины Даберс из Ней-Штеглеца от 26 сентября в берлинский корол. суд комендатуры.

Получив присланное мне обратно письмо, я сим выражаю искреннюю просьбу любезно дать дальнейший ход моему делу.

Высший суд, надеюсь, не откажет мне в моей просьбе опросить меня. В виду важности дела, в интересах родины, я обратилась к господину имперскому канцлеру.

Допросить меня чрезвычайно важно для достижения мира для немецкой земли.

Прочтя пометку на возвращенном мне письме, я сейчас же отправилась в берлинский президиум на Александр платце, где меня допросили.

Ввиду многосторонности обстоятельств, мне не могли сказать, откуда пришло постановление относительно меня и где бумага находится в настоящее время.

Чтобы не терять времени, я бы хотела привести для сведения высокоуважаемого советника военного суда то место из моего письма к г. Либкнехту, которое послужило причиною обыска у меня.

Адвокату г. д-ра Карла Либкнехта.

Как долголетняя сторонница вашей партии, которую я всегда считала охраняющей правительство от внутреннего гниения, прошу вас предоставить мне возможность беседы с вами. По вашим словам о мире, сказанным по поводу заседания рейхстага, видно, что вы не идете прямыми путями, какими должны идти социал-демократы.

Приблизительно в таком духе составлено все дальнейшее, и я прошу позволения об'яснить суду это начало письма.

Я начала интересоваться социал-демократической партией 25 лет тому назад. Отец мой служил кучером при дармштадтском дворе, и так как мои два брата сделались ремесленниками, то отец мой очень старался удержать их от присоединения к этой партии. Это ему не удалось, и младший из братьев еще тем огорчал мать, что, будучи протестантом, примкнул к католическому союзу мастеровых.

После отбытия воинской повинности, и когда отец мой был отставлен с пенсией, все, конечно, возобновилось и тяжелые распри, происходившие вокруг меня, сделали для меня долгом изучение как социал-демократии, так и правительства.

Занимаясь своим делом, я прожила 10 лет в Киле и сталкивалась по делам с женами офицеров; среди них была в особенности одна, которая считала правительство нашего любимого монарха пагубным. Я теперь понимаю, почему я всегда считала нужным вникать в подобные вопросы; теперь я могу сказать, что, благодаря этому, я самым зорким образом следила и за нашим милостивейшим любимым кайзером, ибо германское правительство уже приблизительно лет девять как бродит вразброд,

совершенно такъ же, как социал-демократия. Скрыто! Быть может даже бессознательно.

Настоящая война только потому неожиданно обрушилась на кайзера, что некоторые точно определенные учреждения в собственной стране искусно скрывали свои цели от его величества. Эта война подготовлена против нас не за границей, а у нас в стране.

Когда социал-демократы это узнают, они об'единенно перейдут на сторону его величества; жалкий красный флаг сам собой спустится, по внутренним причинам, как это уж давно жаждал и предвидел его величество, и тогда наступит мир, почетный мир.

Я прошу выслушать меня для окончательного об'яснения в интересах моей родины.

Ваша покорная слуга
Подп. Фрау Лина Даберс.
Ахорнштрассе, 11.

Л. 297. Госпожа Даберс посылает копию своего заявления также имперскому канцлеру.

Л. 300. Заявление К. Л., Берлин, 28 сентября 1916 в королевский окружной суд.

Переслано окружным судом в имперский военный суд.

Подп. Цейтшел.
Обер-прокурор военного суда.

Заявление обвиняемого об ускорении производства направлено в окружный суд и содержит прежде всего жалобу на отсутствие решения по его требованиям пересмотра состава преступления, для какового пересмотра в производстве не имеется повода, и у кассационного суда нет повода войти в разбирательство заявления. Из заявления обвиняемого следует, в особенности, если принять во внимание прежние заявления, что по его мнению он имеет законное право быть выслушанным по § 404 воен.

улож.о нак. и желает, чтобы слушание состоялось. Решение по этому вопросу подсудно имперскому военному суду.

Я поэтому предлагаю—причем основания целесообразности входят в мои основания—постановить, что, так как обвиняемый при подаче кассационной жалобы достаточно обосновал это судебное средство утверждением о нарушении законных прав, то нет никаких законных предпосылок для слушания по § 404, что оговорка о дальнейших обоснованиях не закономерна и что обвиняемому должно быть предоставлено решить самому, придаст ли он и каким образом придаст более точное обоснование своей жалобе по существу.

Его заявление о рассмотрении протокола покрывается ходатайством о рассмотрении дела его защитника.

Подп. Критцлер.

Копия.

Приговор.

В следственном деле против ландштурмиста Карла Либкнехта из рабочей запасной команды в Торне за попытку военной измены, тяжкого неповиновения и сопротивления государственной власти, по приказу председателя суда комендатуры собравшийся в Берлине военный суд в заседании от 28 июня 1916 г., в котором участвовали в качестве судей:

1. Майор Реттер, председатель.
2. Советник военного суда А. Шрейдер, ведущій заседание.
3. Товарищ военного прокурора Д-р Ритгаузен.
4. Капитан фон Усдом.
5. Обер-лейтенант Хильгенберг.

В качестве представителей обвинения:

Советник военного суда д-р Керенс.

В качестве военного делопроизводителя военного суда:

Кейхель,

постановил:

Обвиняемый приговаривается за попытку военной измены в совокупности с тяжким неповиновением, а также за сопротивление государственной власти к двум годам, шести месяцам и трем дням каторжной тюрьмы.

Вместе с тем постановлено исключение его из армии, а также приведение в негодность экземпляров брошюры «Идите на майский праздник» и служивших к ее напечатанию набора и матриц.

Основания.

Обвиняемый родился в Лейпциге, 13-го августа 1871 года, неверующий, по роду занятий адвокат, сын умершего писателя Вильгельма Либкнехта и тоже умершей Наталии Либкнехт, урожденной Рэ, хорошего поведения; подвергался следующим наказаниям: по приговору соединенных второго и третьего уголовного отделений сената имперского суда от 12-го октября 1917 г. за подготовку государственной измены заключению в крепость на полтора года.

Обвиняемый служил от 1893—1894 вольноопределяющимся и впоследствии отбывал дважды военные занятия. В настоящую войну он был прикомандирован к второму рабочему батальону в Дьезе по постановлению исполняющего место генерального командира III армейского корпуса 7 февраля 1915 г. В тот же день обвиняемому через соответстующего окружного начальника заявлено было, что он с этого дня включен в армию, а что назначения его в определенную армейскую часть ему будет сообщено впоследствии. После того окружной начальник прочел ему следующий приказ: «На основании имперского военного закона и существующих дисциплинарных предписаний я вам запрещаю отныне, так как вы принадлежите к действующей армии, принимать какое либо участие в публичных и закрытых собраниях, так же, как и вести какую бы то ни было политическую агитацию устно и печатно в пределах империи и за границей. Исключение

составляют заседания рейхстага и ландтага и происходящие во время их сессии фракционные заседания. Затем он ознакомил обвиняемого путем прочтения с § 92 воен. улож. о нак., с § 38 л. 1 и 12 и § 49 абз. 2 имп. воен. закона от 2-го мая 1874 г.

После окончания парламентских совещаний обвиняемый получил 22-го марта 1915 года приказ отправиться в рабочий батальон Дьез, в который он прибыл 24 марта 1915 г. Он был вслед за тем назначен в 49-й рабочий батальон. При вступлении батальонный начальник, подполковник фон Линштедт напомнил ему о запрещении всякой политической деятельности. Обвиняемый ответил на это, что знает о запрещении. И его ротный начальник обер-лейтенант Л. Генике запретил ему «всяческое политическое выступление, пока он носит королевский мундир». 15-го мая 1915 г. обвиняемый получил отпуск для участия в заседаниях рейхстага и по постановлению военного министерства с того же дня представлен был заместителю главного начальника III армейского корпуса для другого назначения. 2-го июня 1915 г. обвиняемый по просьбе 49-го рабочего батальона допрошен был в V окружной команде относительно признания выставленных 49-м рабочим батальоном выдержек из батальонных списков. В повестке, призывавшей его к этому сроку, ему также было приказано явиться по окончании сессии палаты депутатов в комендатуру в Кюстрине и заявить себя включенным в запасной рабочий батальон. После того, как обвиняемый явился в Кюстрин 29 июня 1915 г., он был причислен к 102-му рабочему батальону, был передан 5-го ноября 1915 г. начальству кюстринской запасной рабочей команды, а после роспуска ее переведен в рабочую команду запаса в Торне.

В конце апреля 1916 г. обвиняемый находился в Берлине для участия в заседаниях палаты. Он распространял в конце апреля, а также 1-го мая брошюры под заглавием «Идите на майский праздник», а также листовки, делая это, как он сам

говорил, при всяком представлявшемся ему случае и очень ревностно. При обыске у него 2-го мая найдены были кроме 120 листовок также 1340 брошюр.

Раздавал ли обвиняемый брошюры также и среди солдат, это нельзя было установить. Он это оспаривает, но допускает возможность, что содержание брошюры дошло до сведения солдат, и заявляет, что ожидал и желал этого. Обвиняемый распространял брошюру в двух форматах, одном большего, другом меньшего размера. На брошюре значатся выдуманные типографские фирмы: «Пауль Фишер, Кельн на Р.» и «Фриц Ян, Кельн на Р».

Брошюра начинается фразой:

«Во второй раз день 1-го мая занимается над морем крови».

За этим следует фраза:

«Во второй раз мировой праздник труда застает пролетарский интернационал разбитым вдребезги, в то время, как толпы борцов за освобождение народов путем социализма побивают друг друга, являясь покорным пушечным мясом империализма».

На вопрос:

«Что выиграли рабочие всех стран, что выиграли народы»?

следует ответ:

Миллионы мужчин отдали жизнь по требованию буржуазии. Миллионы превратились на всю жизнь в жалких калек. Миллионы женщин овдовели, дети их сделались сиротами, в миллионах семей вселилась неутешная печаль и траур».

Дальше говорится:

«Мало того! Нужда и горе, дороговизна и голод царят в Германии, во Франции, в России, а Бельгии, Польше и Сербии, из которых вампир германского милитаризма высасывает кровь и мозг костей, уподобились большим кладбищам и грудам развалин».

За этим следует вопрос:

«В чьих интересах и на пользу кому, ради какой цели свершаются все эти ужасы и зверства?»

Следует ответ:

«Это свершается для того, чтобы остэльбские юнкеры и связанные с ними капиталистические спекулянты наполняли карманы путем захвата и эксплоатации новых земель. Для того, чтобы провокаторы металлургической промышленности, армейские и военные поставщики кровавых полей, покрытых трупами, собирали золотые жатвы в своих амбарах. Для того, чтобы биржевые спекулянты вели ростовщическую игру посредством военных займов. Для того, чтобы продовольственные спекулянты откармливались на счет голодающего народа. Для того, чтобы милитаризм, монархия и самая мрачная реакция поднялись в Германии до небывалой власти, до безраздельного господства».

К этому примыкает следующее место:

«Для того, чтобы увеличить силы и высокомерие своего злейшего врага, рабочий класс дает покорно вести себя на бойню, как стадо овец».

Дальше:

«Рабочие, партийные товарищи, женщины народа, до каких пор вы будете спокойно и терпеливо глядеть на это дьявольское наваждение? До каких пор вы будете безмолвно терпеть злодейскую преступную резню, нужду и голод? Знайте: пока народ не двинется с места, чтобы выразить свою волю, до тех пор не прекратится бойня народов».

Дальше:

«Богатые могут еще долго выносить войну. Они не терпят голода, они и припрятали огромные запасы, и к тому же великолепно наживаются, благодаря бойне; они усиливают свое политическое господство путем самоубийства рабочего класса. Но мы, но рабочий народ всех стран, неужели мы будем собственными руками все крепче сковывать наши цепи?

Затем дальше:

«Докажите правящим классам, что интернационал, что социализм еще не умерли, что они с новой силой возродятся, как сфинкс из пепла».

В конце брошюры сказано:

«Положим конец злодейской бойне народа! Долой тех, которые виновны в ней, долой подстрекателей и извлекающих выгоды из войны! Наши враги не французский, русский или английский народ, а немецкие юнкеры, немецкие капиталисты и представляющий их интересы комитет—германское правительство. Вперед на борьбу против этих смертельных врагов всякой свободы, на борьбу за все, что заключает в себе благо и будущее рабочего класса, человечества и культуры».

Автора брошюры не оказалось возможности розыскать, но обвиняемый заявил на главном разбирательстве, что берет на себя полную ответственность за содержание брошюры.

Листки приглашали всех противников войны явиться 1-го мая в 8 часов вечера на Потсдамскую площадь и об'явит своим лозунгом: «Хлеб! Свобода! Мир!»

Вечером 1-го мая 1916 г. обвиняемый принял участие в демонстрации на Потсдамской площади, переодевшись в штатское платье. На демонстрацию явилось довольно большое число лиц, преимущественно юного возраста. При сильном и без того в этот час движении на Потсдамской площади происходили частые заторы, и полиция несколько раз оттесняла публику в боковые улицы. Порядок поддерживался большими нарядами полиции и кроме раздававшихся время от времени свистков и криков из толпы, никаких беспорядков поэтому не произошло. Когда несколько полицейских старались рассеять толпу, скопившуюся на тротуаре перед отелем «Фюрстенгоф», обвиняемый крикнул громким голосом из окружавшей его толпы: «Долой войну, долой правительство!» Полицейские Бекер и Ритке сейчас же пробили себе дорогу через толпу, схватили обвиняемого за руки и собирались его увести. Обвиняемый стал им сопротивляться, отбиваясь руками, выгнув верхнюю часть корпуса назад и упираясь ногами в землю. Полицейским пришлось прямо поднять на воздух обвиняемого, который пытался нырнуть в толпу; и только таким образом им удалось увести его с собой.

По дороге в полицейский участок обвиняемый несколько раз крикнул: «Долой войну! Долой правительство!». Во время описываемых событий на Потсдамской площади находились военные, но они не принимали участия в демонстрации. Вскоре после ареста обвиняемого толпа рассеялась.

Обвиняемый заявил—на что не последовало опровержения,— что не раздавал брошюр за чертой города, но он прибавил, что распространение брошюры по всей стране было ему известно и в высшей степени желательно. Распространение вне черты города происходило, кроме, как в упомянутых уже двух изданиях, еще и в двух других под выдуманными издательскими и книгопечатными фирмами «Карл Гелер, Цвикау» и «Союзная типография, Цюрих». Установлен также факт распространения брошюры в Дрездене, где два сторонника социал-демократического меньшинства раздавали брошюру на улице и в момент их ареста имели еще 140 экземпляров. Затем распространение имело место в Ульме путем рассылки брошюры по почте. Задержано было около 100 почтовых отправлений. В Гетингене опускали экземпляры книжек в почтовый ящик, раскладывали на кустах по обе стороны Вольфштрассе. В Меттингене и Эслингене несколько экземпляров разложено было в залах на вокзалах, приклеено было к телеграфным столбам. В Лейпциге одно доверенное лицо социал-демократов получило брошюру от незнакомого. В Іене брошюру распространяли в большом количестве, в особенности среди рабочих на фабрике Цейса; один рабочий нашел экземпляр брошюры у себя в фабричном шкапу, торчащим из щели. Обвиняемый хотя и был, как он признает, на Пасху в Іене, но связь между его пребыванием и распространением брошюры не удалось установить.

Брошюра проникла и за границу. Выдержки из нее напечатаны были во французских, английских и итальянских газетах, напр. в «Bonnet Rouge» от 8-го мая, в «Gazette de Hollande» от 14 июня 1916 г., в «Humanité» от 6-го июня 1916 г., в «Labour Leader» от 15 июня 1916 г., в «Tribuna» от 12 июня 1916 г.

Точно также проникли в иностранную печать и сведения о демонстрации 1-го мая 1916 г. «Бернер Тагевахт» от 9-го мая 1916 г. напечатала отчет о демонстрации с сильными преувеличениями и отмечает в особенности неохоту, с которой полицейские действовали против публики. «Nheuws von den Dag» от 12 мая 1916 г. выносит впечатление из первомайских происшествий, что желание мира в Германии можно обуздать только силой. «Либертэ» от 6-го мая 1916 г. сообщает, что 1-го мая демонстрацию, в которой принимали участие 10.000 человек, усмирили гвардейские драгуны. «Фронтьер» от 11 мая 1916 г. видит в демонстрации торжество в честь французской революции, которое повлекло за собой много арестов. «Дэли Телеграф» от 5-го мая 1916 г. видит в демонстрации большую манифестацию въ пользу мира, закончившуюся серьезным бунтом. «Доменика Иллюстрата» от 14 мая 1916 г. помещает иллюстрацию, изображающую события, якобы происходившие на Потсдамской площади с солдатами, стреляющими в народ, и с пояснениями, в которых сказано, что было 25 убитых и 200 раненых жертв демонстрации.

Эти обстоятельства дела установлены на основании подтверждений обвиняемого, на основании данных под присягой показаний свидетелей ф. Линдштедт, Генике, Мюллера, Шермана, Клингенштейна, Анжелики Вагнер, Шнека, Руперта, Бютнера, Тица, Шульце, Крумхольца, Гейбеля, Регельмана, Эге, И. Г. Вагнера, Бизингера, Фойгта, а также газетных данных из «Берлинер Тагевахт» от 9 мая 1916 г., «Ньюс фон ден Даг» от 12 мая 1916 г., «Либерте» от 6-го мая 1916 г., «Доменика Иллюстрата» от 14-го мая 1916 г., «Боннэ Руж» от 8-го мая 1916 г., «Газет де Голланд» от 14 июня 1916 г., «Юманитэ» от 6 июня 1916 г., «Лэбур Лидер» от 15 июня 1916 г. и «Трибуны» от 12 июня 1916 г., каковые, поскольку они напечатаны на иностранных языках, переведены были присяжными переводчиками, капит. бароном фон Мальцан, профессором Дибелиусом, Рюлем и д-ром Остером.

Уголовное преследование за установленные деяния надлежало вести берлинскому суду комендатуры по § 26 воен. улож. о нак. Действия совершены в Берлине и являются нарушением общественной безопасности, спокойствия и порядка этого города. Демонстрация, подготовленная широким распространением брошюры и направленная против правительства и существующего порядка, могла вызвать у большинства населения чувство неуверенности в законном порядке и потребовала широкой и повышенной деятельности органов, призванных охранять общественный порядок. Речь идет поэтому о наказуемом действии против общей безопасности, спокойствия и порядка в духе § 26 шифр 1, воен. улож. о нак.

По установленному в действиях обвиняемого составу преступления распространение брошюры «Идите на майский праздник», раздача листовок, сзывавших на демонстрацию на Потсдамской площади, составляют одно общее деяние. Раздача брошюры и листовок имела целью подготовить демонстрацию, привлечь участников в ней и преисполнить их того духа, выражением которого и должна была стать демонстрация. Эти отдельные деяния не являются об'ективными, а составляют в намерениях совершившего их звенья одной цепи. Они составляют поэтому нечто цельное и в уголовном отношении.

Это цельное и обобщенное деяние составляет в суждении военного суда попытку измены отечеству, в духе §§ 89, 44 им. улож. о нак.

В измене отечеству повинен тот, кто преднамеренно, как немец во время направленной против германской империи войны, оказывает содействие вражеской державе или причиняет ущерб военной мощи германской империи.

Деяния немца, в которых он обвиняется, сделаны им во время происходящей против германской империи войны.

Далее следует установить, оказывал ли обвиняемый содействие вражеской державе или причинил ли он ущерб военной силе гер-

манской империи или по меньшей мере совершал ли он попытки в одном из этих двух направлений.

Военный суд пришел далее к убеждению, что обе альтернативы, установленные § 89, на лицо.

Что касается первой, то в законе мощь врага противополагается военной силе германской империи. Из того обстоятельства, что закон говорит о мощи врага, а не о его военной силе в противоположение германской, следует, что под мощью врага должно понимать нечто более широкое, нежели военную силу вражеского государства. Мощь врага—это его государственная власть включительно со всеми ценностями, находящимися в ее распоряжении: матерьяльными орудиями власти всяческого рода, а также и орудиями невесомыми, поскольку противник пользуется или может пользоваться ими для ведения войны. Решительное значение для силы вражеского государства имеют не только находящиеся в его распоряжении военные и финансовые средства, но и почет, которым оно пользуется у своего народа и в своем войске, то впечатление твердости и силы, которое оно производит на внутренних и внешних противников, также как и на нейтральные народы. Сохранить такое впечатление и усиливать его—цель всякой государственной власти, ибо это облегчает ей заключение займов в самой стране и за границей, проведение новых военных кредитов. приобретение новых союзников. Должно установить, оказывал ли обвиняемый содействие такого рода государственной власти врага, или хотя бы пытался ли оказать. Понятие оказательства содействия требует, чтобы были на лицо действия, из которых следует, что вражеской силе доставлялись преимущества по отношению к нашей, что сила врага за время оказательства содействия была увеличена определенными действиями, хотя бы имеющими только психологическое значение. Для понятия об оказательстве содействия достаточно поэтому, что путем благоприятствования какому-нибудь фактору вражеской силы создавались преимущества в вышеуказанном духе. Нет надобности, чтобы преимущества эти были непременно матерьяльного характера, как, напр., доставки

военного снабжения или денежная поддержка путем подписки на заем вражеских государств. Поддержка может заключаться в поднятии духовных ценностей, находящихся в распоряжении государственной власти врага, как, напр., поднятие духа во вражеской армии и в народе, завоевывание для врага симпатий определенных политических или экономических кругов в нейтральных странах. Из всех этих источников государственная власть врага может черпать подкрепление себе. Всякое действие, которое усиливает государственную мощь врага, подпадает под понятие оказательства содействия. Ввиду этого, всякое сообщение об экономической, политической или военной слабости, как, напр., о понижении экономических сил, о возникновении внутренних распрей или мятежей действует на противника ободряющим образом и умножает его силы. Всякое такое сообщение способствует единению различных факторов и партий и тем самым государственному укреплению врага.

В центре рассуждений брошюры стоят доводы, относящиеся к наступлению голода в Германии. К этому присоединяется утверждение, что истинные враги немецких рабочих не враги, а правящие классы в собственной стране. И затем следует призыв к классовой борьбе против этих притеснителей и к борьбе за мир.

Воззвание такого рода приобретает особенную ценность за границей. Когда брошюра распространяется в больших количествах внутри германской империи, то в многочисленных и в особенности в мало развитых классах населения укрепляется мысль, что сказанное в брошюре, быть может, соответствует действительности. К таким же выводам должны, естественно, придти за границей; в особенности склонны этому верить во вражеских странах, где стараются использовать в собственных интересах всякий признак нашей экономической или политической слабости. Когда к этому присоединяется тот факт, что наряду с распространением брошюры еще устроена демонстрация, служащая тем же целям, что и брошюра, и что она вдобавок задается целью воздействовать на германскую государственную власть в духе принципов

брошюры, то это должно неминуемо усилить за границей впечатление, вызванное брошюрой, и укрепить врагов в их сопротивлении, в решимости длить борьбу против германской империи и ее союзников.

Этой цели, по убеждению суда, вполне соответствовало содержание брошюры, а также возгласы обвиняемого: «Долой правительство! Долой войну!» Что сведения о таковых действиях обвиняемого проникли за границу и неминуемо должны были проникнуть, установлено доказательствами, упомянутыми выше.

Против обвиняемого поэтому установлен был бы факт оказательства содействия в духе § 89 имп. улож. о нак., если бы являлась возможность установить, что действия его действительно оказали влияние в смысле содействия. Исключительно то обстоятельство, что установить это с уверенностью нет возможности, приводит к выводу, что нельзя предположить завершенных деяний, а должно только признать, что действия обвиняемого составляют начало оказательства содействия в духе приведенного определения закона. Военный суд не имеет при этом надобности задаваться вопросом, соответствуют ли, или не соответствуют действительности сообщения, распространенные обвиняемым в брошюре. Сам военный суд того мнения, что в Германии нет голода, хотя, конечно, снабжение продовольствием и другими предметами потребления страны, отрезанной от общения с соседними государствами и в особенности с заокеанскими землями, представляет большие трудности. Точно так же нельзя признать, что война вызвана определенными кругами населения, имевшими при этом в виду эгоистические цели. Суд считает заведомо-известным, что война была уже давно подготовлена враждебными державами с целью уничтожения военной и экономической мощи немецкого народа, или же такого ее ослабления, чтобы Германия перестала быть влиятельным фактором в политике и мировом хозяйстве.

Если обвиняемый, будучи вождем политической партии, хотя бы даже составляющей незначительное меньшинство в

стране, выступил с агитацией в массах, возбуждая их против правительства, то это должно вызвать во вражеских странах мнение, что в Германии есть благодарная почва для таких идей, и что в немецком народе царит недовольство, нетерпение и раздор. Враждебные правительства получают таким образом возможность, ссылаясь на сообщения обвиняемого в брошюре, утверждать, что Германия терпит экономические затруднения, что внутри страны обнаруживаются признаки распада и разложения, и что Германия рано или поздно по одной этой причине будет вынуждена заключить преждевременный невыгодный мир. Какую нибудь осуществившуюся для врага пользу в таком роде нужно конечно иметь возможность доказать для того, чтобы признать обвиняемого повинным в совершенном оказательстве содействия. Польза для врага не должна непременно проявиться в исходе войны; достаточно, если она явится на короткое время и потом исчезнет. (Келер. Государственная измена отечеству в Goldtbamme's Archiv т. 51, стр. 287). Соображение о том, что такая польза недоказуема, ведет к тому, чтобы признать одну только попытку оказательства содействия.

Вторая альтернатива § 89 предусматривает вред, причиненный германской военной силе. Под военной силой следует понимать военное могущество германской империи на воде и на суше. Вред может быть ей причинен не только мерами, наносящими материальный ущерб войску, как напр. нарушением доставки продовольствия и т. п., но и другими средствами, вредящими духу армии, подтачивая ее мужество, ее доверие вождям, чувство товарищества относительно солдат из других общественных классов так же как и сознание необходимости строгой дисциплины.

Военный суд полагает, что содержание брошюры могло повлиять на солдат в смысле вреда для германского военного могущества. Обвиняемый выставляет на вид в брошюре, что рабочих ведут на бойню как безвольное орудие правящих классов и уничтожают толпами на войне. Эти слова могут вызвать в от-

дельных солдатах представление, что они идут на фронт во имя эгоистических целей определенных кругов правящих классов, а не для защиты отечества от угрожающей ему опасности. Нет надобности доказывать, что такие представления должны влиять уничтожающим или по меньшей мере ослабляющим образом на мужество и воинственное воодушевление немецких солдат. А то, что брошюра дошла и должна была дойти до сведения солдат, стоит вне сомнения. Достаточно для этого установить, что брошюра проникла в многочисленные невоенные круги. Принимая во внимание, что в настоящее время почти в каждом доме, в каждой семье имеются члены, состоящие на службе в войсках, нужно признать неминуемым, что из тех кругов, в которые проникла брошюра, содержание ее в значительном размере дошло до сведения солдат. Тем самым устанавливается, что содержание брошюры причинило идейный вред военному могуществу германской империи. Этот идейный вред может по своему характеру вызвать и материальный ущерб, если понижение воинственного духа выразится в соответствующих действиях.

Что такое следствие действительно было на лицо, нельзя установить с полной твердостью, так что и в этом отношении предполагаются только попытки деяния со стороны обвиняемого.

Таким образом имеются обе альтернативы § 89 имп. улож. о нак.; остается еще установить, свершил ли обвиняемый поставленные ему в вину деяния преднамеренно. Закон ставит условием наказуемости преднамеренность. Для этого не требуется непременно, чтобы обвиняемый предпринимал действия с полной преднамеренностью оказать содействие враждебной державе и ослабить военную мощь германской империи. Для наказуемости достаточно установить, что обвиняемый сознавал, какое влияние его действия могут и должны оказать. Так определяется понятие умысла единогласно в литературе (см. Гольвег. Военная измена по действующему праву, Лейпциг, 1912, стр. 46 и след. Дин, Справочный словарь военного права, т. 19, стр. 408, Опенгоф,

Решения высшего суда в угол. делах, т. 12, стр. 197. Гельшнер, Германское общее уголовн. право, т. 2, стр. 758 и т. д.).

Что обвиняемый действовал намеренно в таком смысле, выясняется не только из судебного разбирательства, но отчасти и на основании собственных заявлений обвиняемого.

Поскольку речь идет об оказательстве содействия вражеской мощи, обвиняемый мог и должен был считаться с тем, что его образ действий произведет впечатление оказательства содействия. Этого достаточно для того, чтобы установить умышленность обвиняемого.

Поскольку речь идет о причинении вреда германской военной силе, то подсудимый определенно заявил, что знал об этом и считал это желательным. Ничто не меняется от того обстоятельства, что политические убеждения обвиняемого побуждают его на ряду с ослаблением германской военной силы стремиться и к ослаблению военного могущества враждебных стран и заботиться о том, чтобы его единомышленники во Франции действовали у себя в том же духе, в каком действует обвиняемый в своей стране.

Предвидится ли такая деятельность единомышленников обвиняемого во вражеских странах, об этом нет надобности рассуждать. Для установления состава преступления по § 89 имп. улож. о нак. достаточно факта, что воля обвиняемого направлена была на ослабление военной мощи германской империи.

Этим устанавливаются предпосылки замышленной измены отечеству.

Согласно § 57 воен. улож. о нак. попытка измены отечеству, произведенная обвиняемым, является попыткой военной измены, ибо она совершена солдатом во время войны.

Приказом императора от 31 июля 1914 г. объявлено военное положение на всем протяжении германской империи. Обвиняемому это было известно. После объявления военного положения действуют на весь срок его предписания воен. улож. о наказуемых деяниях на войне во всех местностях, где введено это военное положение. (§ 9 № 2 воен. улож. о нак.). Так как местом, где со-

вершено было деяние, был Берлин, то обвиняемый подлежит каре за попытку военной измены, свершенную на войне.

Обвиняемый кроме того виновен в неповиновении служебному приказу в виду нарушения его. Распространением листовок и участием в демонстрации он нарушил запрет участия в политике. Этот запрет объявлен был ему неоднократно его начальством со времени его призвания под знамена, и так как обвиняемый со времени своего призыва 7-го февраля 1915 года неотлучно состоял в армии, то длительность отданного ему приказа стоит вне сомнения. Ничто в этом отношении не меняется от того, что обвиняемый впоследствии переведен был в другие армейские части. Во вторичном объявлении ему приказа не было надобности, ибо содержание приказа относилось ко всему времени принадлежности обвиняемого к армии. Начальник, объявивший приказ обвиняемому, действовал не как пользующийся властью случайно и временно, а как орудие военной власти, под началом которой обвиняемый состоял со времени призыва.

Неповиновение обвиняемого вызывало опасность значительного ущерба в духе § 93 абз. 2 воен. улож. о нак. Отсюда следует, что неповиновение являлось вместе с тем попыткой военной измены. Только то обстоятельство, что военная измена не была завершена, а оставалась лишь умыслом, удержало суд от применения § 93 абз. 1 воен. улож. о нак.

Выступление обвиняемого на Потсдамской площади, в особенности же его возгласы «Долой правительство! Долой войну!» могли легко привести к беспорядкам и мятежу и, как следствие такового, к кровавому подавлению беспорядков. Эта опасность существенного вреда устранена была энергичным вмешательством полиции.

Это преступное деяние совершено было на войне (императорское предписание 31 июля 1915 г. в связи с § 9 № 2 воен. улож. о нак.).

Деяния обвиняемого, которые по вышеприведенному изложению обстоятельств подходят под § 57 воен. улож. о нак., §§ 89, 44 имп. улож. о нак. нарушают также предписания §§ 92, 93 воен. улож. о нак. Так как отсюда возникает столкновение прин-

ципов, то по § 75 имп. улож. о нак. кара назначается по тем определениям, которые грозят более тяжелым наказанием, т. е. в данном случае она определяется § 57 воен. улож. о наказ., который грозит совершившему деяние каторжной тюрьмой сроком не менее 10 лет или же пожизненным заключением.

Обвиняемый кроме того оказал противодействие силой двум полицейским, призванным выполнять приказы и распоряжения административных властей, и противодействие обвиняемого оказано было в то время, как они прибегли к его задержанию для охраны общественной тишины, безопасности и порядка, т. е. во время исполнения их служебных обязанностей. Этим он преступил против § 113 имп. 3 улож. о нак. Это преступное деяние противостоит преступлению, заключающемуся в попытке военной измены согласно § 74 имп. улож. о нак. В виду этого фактически нужно было установить,—

Что обвиняемый виновен в двух обособленных деяниях: а) в том, что в конце апреля и первого мая распространял внутри страны брошюру под заглавием «Идите на майский праздник» и раздавал листовки, призывавшие собраться на Потсдамской площади в Берлине вечером 1 мая 1916, а затем несколько раз крикнул в толпу, собравшуюся на Потсдамской площади: «Долой войну. Долой правительство!». Этими деяниями, составляющими начало выполнения замышленного, но не выполненного до конца преступления он подтвердил свое намерение, будучи немцем и принадлежа к тому же к солдатскому званию, умышленно, во время разразившейся против Германской империи войны, оказать содействие враждебному могуществу и причинить ущерб военной силе Германской империи; к тому же он содеял это на войне и ослушавшись служебного приказа, который требовал воздержания—помимо парламента—от всякой политической агитации на словах и на деле. Этим ослушанием он вызвал опасность возможного значительного ущерба для германской военной силы, б) в том, что вечером 1-го мая 1916 на Потсдамской площади в Берлине оказал насильственное сопротивление представителям исполнительной власти, помешав им в правомерном выполнении их обязанностей

тем, что после своих вышеуказанных возгласов, когда полицейские Бекер и Ратке для предупреждения дальнейших беспорядков и для установления его личности повели его в полицию, он стал сопротивляться, отбивался руками, откинул назад верхнюю часть корпуса и уперся ногами в землю.

Это составляет преступления и проступки по §§ 89, 57, 43, 113, 73, 74 имп. улож. о нак., §§ 56, 57, 93, 9 № 2, 64 воен. улож. о нак., нарушением императорского приказа от 31 июля 1914, § 49 отд. 2, воен. улож. о нак. от 2 мая 1874.

Что касается назначения наказания, то военный суд принял во внимание, что обвиняемый действовал не из бесчестных побуждений, а из политических убеждений.

Принимая это во внимание и так как по закону применимо только наказание каторжной тюрьмой, то суд решил не выходить за пределы указанного законом минимального наказания в два года с половиной каторжной тюрьмы за политику военной измены. На том же основании обвиняемый не приговаривается к лишению гражданских почетных прав.

Присуждение к исключению из армии и приведению в негодность экземпляров брошюры и служащих к изготовлению ее шрифта и матриц входит в § 31 воен. улож. о нак. и § 41 имп. улож. о нак.

За противодействие государственной власти следует три недели тюремного заключения, которые по § 31 имп. улож. о нак. превращаются в две недели каторжной тюрьмы, и эти кары, как и произошло, соединяются с установленным наказанием за попытку к военной измене в одну общую кару.

Подп. Ретер, Шрейер, д-р. Т. Ротгаузен.

За находящ. в отпуску капитана ф. Уздома,
Подп. Ретер.

За наход. в отпуску обер-лейтен. Гильгенбер,
Подп. Ретер.

Верность копии засвидетельствована
Д-р Я. Керенс, Советн. военного суда.

Зиновьев, Г. «Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс» — 35
Его-же. «Что делать в деревне» — 70
Его-же. «О мятеже левых эс-эров» — 60
Зиновьев, Г. и Ленин, Н. «Против течения». 1-е изд. разошлось. Вышло 2-е изд. 10 —
Их-же. «Война и кризис социализма» — —
Ионов, Илья. «Алое поле». Стихотворения (2-е изд.) 1 50
Кампанэлла, Томас. «Государство солнца». Утопия 2 15
Карпинский, В. А. «Мир или война» — 15
Каутский, К. «Наука, жизнь и этика» — 30
Его-же. «К. Маркс и его историческое значение» 1 20
Его-же. «Экономическое учение К. Маркса». 2-е издание. 3 50
Его-же. «Этика» 2 25
Его-же. «На другой день после социал. революции» — 75
Его-же. «Классовые интересы» — 40
Его-же. «Карл Маркс». Биографический очерк. — 45
Его-же. «Томас Мори и его Утопия» 4 —
Его-же. «Ирландия» 1 40
Керженцев. «Как вести собрание» — 70
Кий. «Что такое социализм?» — 65
Его-же. «Республика Советов». 4-е исправленное и дополненное издание. — 40
Его-же. «От крестьянской общины к социалистической коммуне» — 35
Его-же. «Сельская коммуна» — 20
Клюев, Н. «Медный Кит». 2 40
Князев В. «Красные звоны и песни» 2 50
Его-же. «Красное евангелие». 1 20
Коллонтай. «Работница-мать» — 35
Конколь. «Коммуна 71 г.» — 40
Конституция Советской Республики — 40
Королькевич, Б. Е. «Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны». — 35
Лазарь Бернар. «Антисемитизм и революция» — 70
Лассаль, Ф. «Принципы труда в современном обществе» — 60
Лафарг, П. «Происхождение религиозных верований» — 60
Его-же. «Благотворительность и право на труд» — 60
Его-же. «Миф о непорочном зачатии» — 35
Его-же. «Вера в Бога». Разошлось. Печатается 2-е изд. — 75
Его-же. «Труд и капитал» 2 50
Его-же. «Патриотизм буржуазии» — —
Его-же. «Право на леность» — —
Ленин, Н. и Зиновьев, Г. «Против течения». 2-е изд. с портретами. 10 —
Ленин. «Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском С'езде Советов» — 25
Его-же. «Борьба за хлеб». Разошлось. Печатается 2-е изд. — 40
Его-же. «Пролетарская революция и ренегат Каутский» 3 —
Его-же. «Главные задачи наших дней» — 60
Его-же. «Уроки революции» — 40
Либкнехт, В. «Два мира» 1 60
Его-же. «1848 год и коммуна». Разошлось. Печатается 2-е изд. 1 30
Его-же. «Воспоминания о К. Марксе» 1 60
Лилина, З. «Солдаты тыла». «Женский труд до и после войны». Разошлось. Печатается 2-е изд. 2 10
Ее-же. «Что дала революция народу» — 35
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова — —
Ларин, Ю. «Крестьяне и рабочие в русской революции» — 40
Его-же. «Состав пролетариата», 2-е изд. — 65
Логинов. «На страже». Стихотворения. Сатира. — 90
Лукин, Н. «Церковь и государство» — 50
Луначарский, А. и Зиновьев, Г. «К. Маркс и социальная революция». Разошлось. Печатается 2-е издание. — 65
Луначарский. «Комедии». 2-е издание. 2 60